

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал «**Корееведение**» издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
Научную электронную библиотеку eLibrary.ru

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Коновалова А.И., Тарасов С.Ю., Федюнина М.А.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия

ISSN 2949-2025 печатная версия

DOI: 10.48647/ICCA.2022.22.61.018

© ИКСА РАН

© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical “**Koreanology**” is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Konovalova A.I., Tarasov S.Y., Fedyunina M.A.

Branch of Science (in the Russian Federation):	OECD Fields of Science:
07.00.00 Historical sciences and archeology	5.02 Economics and business
08.00.00 Economic sciences	5.06 Political science
23.00.00 Political science	6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010

ISSN 2949-2025

DOI: 10.48647/ICCA.2022.22.61.018

© ICCA RAS

© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Лазарева О.В.</i> Новые стратегии глобализации южнокорейской музыкальной индустрии: перспективы и ограничения	5
<i>Лешаков П.С., Малофеева Н.</i> Российско-южнокорейское экономическое взаимодействие на паузе	16

ИСТОРИЯ

<i>Ермолаева Е.М.</i> Влияние христианского фактора на политическую элиту Южной Кореи после освобождения (1945—1960 гг.)	29

ПОЛИТИКА

<i>Захарова М.С.</i> Сравнительная характеристика альянсов США с РК и Филиппинами: общее и особенное	45
<i>Калинин Р.Р.</i> Космическая программа Южной Кореи: аспекты международной безопасности	60
<i>Кирьянов О.В.</i> Новые аспекты арктической политики Республики Корея	72
<i>Козлов Л.Е.</i> ИКТ и искусственный интеллект в региональной политике Республики Корея	90

CONTENTS

ECONOMY

<i>Lazareva O.V.</i> New Strategies for the Globalization of the South Korean Music Industry: Prospects and Limitations	5
<i>Leshakov P.S., Malofeyeva N.</i> Russian-South Korean Economic Interaction on Pause	16

HISTORY

<i>Ermolaeva E.M.</i> The Influence of Christianity on the South Korea's Political Elite after Liberation (1945—1960)	29

POLITICS

<i>Zakharova M.S.</i> Comparative Characteristics of the US Alliances with the Republic of Korea and the Philippines: General and Special	45
<i>Kalinin R.R.</i> South Korea's Space Program: Aspects of International Security	60
<i>Kiriyarov O.V.</i> The Policy of the Republic of Korea in the Arctic: New Trends and Issues	72
<i>Kozlov L.E.</i> ICT and artificial intelligence in the regional policy of the Republic of Korea	90

О.В. Лазарева

Новые стратегии глобализации южнокорейской музыкальной индустрии: перспективы и ограничения

Аннотация. В данной работе рассмотрены различные стратегии, которые используются южнокорейскими развлекательными агентствами для расширения рынков сбыта и привлечения зарубежной аудитории. Особое внимание уделяется новым тенденциям в этой сфере, когда экспортируется не только культурный продукт, но и сама технология его создания. Такая стратегия предоставляет как дополнительные стимулы для продвижения К-поп за рубежом, так и диверсификацию деятельности корейских развлекательных компаний и снижение их зависимости от этого жанра. Однако при воспроизводстве корейской производственной модели в других культурных контекстах могут быть свои ограничения, связанные с восприятием такого экспорта потенциальной и уже имеющейся аудиторией. Автор выявляет некоторые возможные препятствия на основании анализа научных работ по проблематике корейской системы культурного производства и жизни К-поп фандома за пределами Республики Корея. Делается вывод, что подобный экспорт культурных технологий может быть ограничен уже существующими в различных регионах негативными представлениями о корейской музыкальной индустрии, сложностью ее адаптации из-за тесной связи с идеями национальной идентичности, а также необходимостью сохранить ценный для аудитории статус проводника альтернативной глобализации.

Ключевые слова: южнокорейская музыкальная индустрия, К-поп, культурные индустрии, «корейская волна».

Автор: Лазарева Ольга Викторовна, кандидат культурологии, независимый исследователь. ORCID: 0000-0001-9707-5057. E-mail: ov_lazareva@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лазарева О.В. Новые стратегии глобализации южнокорейской музыкальной индустрии: перспективы и ограничения // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 5—15. DOI: 10.48647/ICCA.2023.74.41.001.

O.V. Lazareva

New Strategies for the Globalization of the South Korean Music Industry: Prospects and Limitations

Abstract. This paper examined the various strategies used by South Korean entertainment agencies to expand markets and attract foreign audiences. Particular attention is paid to new trends of exporting cultural technology along with exporting cultural products. This strategy, on the one hand, provides additional incentives to promote K-pop abroad and, on the other hand, enables Korean entertainment companies to diversify their activities and reduce their dependence on K-pop. However, there may be limitations in reproducing the Korean model of cultural production in other cultural contexts due to the perception of such exports by potential and existing audiences. The author identifies some of these possible limitations based on an analysis of scientific works on the Korean cultural production system and fandom life in different regions. The conclusion is that such export of cultural technologies may be limited by the negative perceptions of the Korean music industry in different regions, its strong connection to notions of national identity, and its appeal as an alternative form of globalization.

Keywords: South Korean music industry, K-pop, cultural industries, Korean Wave.

Author: Olga V. LAZAREVA, PhD (cultural studies), independent researcher.
ORCID: 0000-0001-9707-5057. E-mail: ov_lazareva@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Lazareva O.V. (2023). Novy'e strategii globalizatsii yuzhnokorejskoj muzykal'noj industrii: perspektivy i ogranicheniya [New Strategies for the Globalization of the South Korean Music Industry: Prospects and Limitations]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 5—15. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2023.74.41.001.

Введение

Контекст возникновения жанра К-поп (Korean popular music) определил характерное для этого жанра «национальное стремление выйти за пределы домашнего звукового ландшафта» [Yoon, 2023, p. 396]. Связано это с рядом факторов конца 1990-х — начала 2000-х годов, когда южнокорейская музыкальная индустрия переживала последствия Азиатского экономического кризиса. Физические продажи музыкальных записей сократились из-за падения покупательской способности молодежи [Fuhr, 2016a, p. 55], эту ситуацию также осложняло появление цифровых записей и последовавший за этим рост пиратства [Fuhr, 2016a, p. 139—140]. Все это привело к сокращению и так относительно небольшого внутреннего рынка и закрытию музыкальных магазинов и небольших звукозаписывающих компаний. В таких условиях «экспортная ориентация стала необходимой стратегией выживания для малых и средних музыкальных компаний» [Fuhr, 2016a, p. 55]. Для этого восстановление после кризиса было основано на цифровизации и «азиатизации» — учете транснациональной целевой аудитории азиатской молодежи, — благодаря чему «К-поп начал приобретать то, что можно на-

звать “трансграничными” характеристиками» [Siriyuvasak, Shin 2007, p. 113]. Цифровизация, в свою очередь, предполагала отказ от старой бизнес-модели, основанной на продаже физических компакт-дисков, и переход к «индустрии контента» [Shin, 2017, p. 120] в логике формирующейся после кризиса цифровой экономики. Происходившее в музыкальной индустрии было созвучно тому, что в сфере культурной политики собственно культура стала пониматься как экспортный продукт с меновой стоимостью, который способен внести вклад в повышение международной конкурентоспособности и продвижение творческой нации [Fuhr, 2016a, p. 134—135].

Все это создало условия для того, чтобы корейская музыкальная индустрия переориентировала производство и распространение культурного продукта на зарубежную аудиторию, что позволило бы расширить рынки сбыта и преодолеть кризисную ситуацию начала 2000-х.

В данной работе рассмотрены различные стратегии глобализации, которые используются южнокорейскими развлекательными агентствами для поиска новых рынков и потребителей. Особое внимание в этой сфере уделяется новым тенденциям, связанным с экспортом уникальной технологии создания музыкального продукта. С опорой на результаты исследований поклонников К-поп в разных регионах и научные работы по проблематике корейской системы культурного производства делается предположение о том, какие препятствия могут быть при воспроизводстве корейской производственной модели в других контекстах.

Стратегии глобализации южнокорейского культурного продукта

С конца 1990-х — начала 2000-х годов южнокорейские развлекательные агентства использовали для постоянного расширения аудитории различные стратегии.

Одна из них состояла в том, чтобы включать в музыкальные группы участников из других стран (Японии, Китая, Таиланда и пр.) или создавать отдельные подразделения (юниты) внутри группы, которые были бы ориентированы на конкретные регионы [Shin, 2017, p. 118]. Распространенной практикой также являлось изучение языков, что позволяло бы айдолам — молодым азиатским поп-звездам — напрямую общаться с местными фанатами и исполнять композиции на местном языке [Shin, 2017, p. 31].

Другая стратегия заключалась в создании локальных подразделений или поиске партнеров в других странах для совместного продвижения артистов. Так, агентство SM Entertainment последовательно открывало свои филиалы в Японии (2001 г., совместно со звукозаписывающей компанией AVEX и телекомпанией Yoshimoto), Китае (2005), США (2006), Таиланде (2011 г., совместно с коммуникационным конгломератом True Corporation Public Company Limited). Агентство YG Entertainment сотрудничало с Nippon Columbia и Universal Music Japan для выхода своих артистов на японский рынок, а также с американскими компаниями Live Nation и Creative Artists Agency для продвижения в США [Shin, Kim, 2013,

р. 266—267]. Такие непосредственные представительства в других странах способствовали проникновению на их музыкальные рынки корейского культурного продукта и позволяли более эффективно организовывать маркетинговые компании.

Дополнительно снизить зависимость от посредников в лице локальных телекоммуникационных компаний позволила также быстрая реакция корейской музыкальной индустрии на преимущества цифрового распространения музыки через платформы и социальные сети. Эти новые каналы дистрибуции открывали доступ к практически глобальной аудитории, предоставили возможность для формирования онлайн-фандомов и позволяли айдолам присутствовать на нескольких медиа-платформах одновременно, что критически необходимо для интертекстуального взаимодействия с фанатами в рамках «системы айдолов» [Galbraith 2018: 2008]. Как результат, именно в корейской музыкальной индустрии впервые цифровые продажи музыки превысили физические [Shin, 2017, p. 120], а зарубежные роялти составляют значительную часть общего дохода [Shin, 2017, p. 121].

Еще одна успешная стратегия корейских развлекательных агентств состояла в создании гибридного культурного продукта, сочетающего черты различных культур. Для этого применялась система G—L—G (Global—Local—Global): зарубежные музыканты создают культурный продукт (global), который затем локализуется в Республике Корея (local) и вновь отправляется на глобальный рынок (global). Аналогом этой «уникальной системы глобального разделения труда» [Park, 2013, p. 16] может быть сетевая модель инноваций connect and development (C&D), которая была создана компанией Procter & Gamble и также предполагала аутсорсинг инноваций [Park, 2013, p. 19—20]. В 2012 г. американские, европейские и японские музыканты уже активно участвовали в создании К-поп [Oh, Park, 2012, p. 379—380]. Сегодня же эта практика получила еще более широкое распространение: только SM Entertainment на своем официальном сайте заявляет о глобальной сети музыкантов в более чем 2 тыс. человек.

Десятилетия применения всех этих стратегий глобализации привели к тому, что обозначение К-поп применяется сегодня преимущественно к экспортируемой музыке [Shin, 2017, p. 116]. Некоторые исследователи даже отмечают, что «К-поп как жанр или система по своей природе транснациональна» [Yoon, 2023, p. 396]. Это отличает его от жанра J-поп, для которого все еще актуальной остается модель «сделано в Японии японскими музыкантами для японской публики» [Shin, 2017, p. 20—21].

При этом в последние несколько лет в корейской музыкальной индустрии наметилась новая тенденция, связанная не только с экспортом культурного продукта, но и самой технологии его создания. Попытки осуществить такой экспорт можно было обнаружить еще в 2000-х, когда при продвижении в США исполнителя Rain его агентство JYP Entertainment пыталось «экспортировать не только культурные товары, произведенные в Азии, но и азиатский институт или “систему (звездную систему. — Прим. авт.)”» [Shin, 2009, p. 517]. Тогда подобные планы не были воплощены, однако современные стратегии развлекательных агентств предлагают иной подход к их реализации.

От экспорта культурного продукта к экспорту культурных технологий

В 2021 г. южнокорейский конгломерат в сфере развлечений HYBE Corporation приобрел американскую медиакомпанию Ithaca Holdings, которая стала дочерней компанией HYBE America. Вместе с покупкой к HYBE America переходят и все входящие в холдинг проекты, играющие важную роль на американском и глобальном музыкальном рынке.

В первую очередь речь идет про управляющую компанию SB Projects, которая работает с такими известными исполнителями, как Джастин Бибер, Ариана Гранде, Джей Бальвин, Деми Ловато и др. Кроме того, HYBE Corporation теперь принадлежит лейбл звукозаписи Big Machine Label Group — крупнейший американский кантри и поп-лейбл с десятками исполнителей. Ithaca Holdings также владела музыкальным издательством Atlas Music Publishing и акселератором музыкальных стартапов Raised In Space. Все это теперь входит в новую глобальную структуру HYBE Corporation.

Как предполагается, покупка была взаимовыгодной для обеих сторон. В рамках этого сотрудничества HYBE Corporation предоставит платформу Weverse для общения с фанатами и предложит свои «новаторские системы и курирование». Тем самым в перспективе станет возможным провести «полную трансплантацию бизнес-модели К-поп на рынок США».

В свою очередь «рыночный и отраслевой опыт Ithaca Holdings ускорит выход артистов HYBE на рынок США», для которого HYBE все еще остается «скорее региональной компанией с глобальными амбициями». Это также позволит HYBE снизить зависимость от локальных дистрибуторов и напрямую взаимодействовать с многонациональными корпорациями в рамках ключевой для современного К-поп бизнес-модели B2B, когда «конечным покупателем музыки является не аудитория, а многонациональные корпорации, чью продукцию в конечном итоге приобретают поклонники К-поп» [Oh, Park, 2012, p. 376]. Наконец, покупка сделает возможной диверсификацию доходов компании, преодоление зависимости от деятельности К-поп исполнителей и увеличение доли на глобальном рынке за счет «следующей “большой звезды”» из любой точки мира. Все это соответствует амбициям HYBE «стать ведущей в мире развлекательной платформой, основанной на музыке».

Другая модель экспорта культурных технологий будет реализована компанией SM Entertainment, которая в 2022 г. подписала Меморандум о взаимопонимании с Министерством культуры Саудовской Аравии. Меморандум предполагает, что корейская компания внесет вклад в создание местной культурной экосистемы для молодежи, расширит взаимодействие между артистами двух стран, а также предоставит свою платформу для подготовки исполнителей в рамках жанра S-pop (Saudi pop). Перспективы таких планов связываются в том числе с тем, что две трети населения Саудовской Аравии составляют молодые люди младше 34 лет, которые активно используют Интернет и социальные сети в повседневности, что создает хорошие условия для формирования фандомов К-поп и в перспективе Saudi-pop фандома.

Стоит отметить, что меморандум будет реализован при поддержке государства и станет частью программы по снижению зависимости страны от нефти в рамках стратегического проекта Vision-2030. Согласно ему, культура видится одним из наиболее важных секторов в развитии и средством наращивания «мягкой силы» страны. Основатель SM Entertainment Ли Суман выступал советником и официальным партнером проекта, тем самым SM стала «первой южнокорейской развлекательной компанией, которая продает обучающую платформу стране на Ближнем Востоке». При этом сотрудничество в сфере культуры является частью более широкого взаимодействия между странами.

Таким образом, HYBE и SM обращаются к новым амбициозным форматам международного присутствия, которые предполагают как дополнительные стимулы для продвижения К-поп за рубежом, так и диверсификацию деятельности корейских развлекательных компаний и снижение их зависимости от этого жанра. В обоих случаях предполагается выстраивание за пределами Кореи целостной экосистемы, созданной по принципам корейской музыкальной индустрии и ориентирующейся на платформенный бизнес.

Возможные препятствия для экспорта южнокорейских культурных технологий

Однако подобный экспорт культурных технологий имеет свои ограничения, связанные не столько с корпоративными решениями, сколько с его восприятием потенциальной и уже имеющейся аудиторией.

В первую очередь речь идет об уже существующих в разных регионах негативных представлениях о корейской музыкальной индустрии. Согласно 2022 Global Hallyu Trends, одной из самых распространенных причин отрицательного отношения к *халлю* стал «чрезмерно коммерческий характер», а основным укором в сторону К-поп стало «однообразие жанра» [2022 Global Hallyu Trends]. Подобные характеристики можно рассматривать как следствие именно специфической стандартизированной корейской модели музыкального производства. В этой модели систематизированы и автоматизированы «стратегии рекрутинга и обучения, стратегии совершенствования организационной идентичности, глобально ориентированные стратегии производства звезд и стратегии доминирования на рынке» [Shin, Kim, 2013, p. 265]. Так, в каждом отделе SM Entertainment находится письменное руководство с подробными указаниями о том, как именно на каждом этапе создавать продукт по «культурной технологии» [Park, 2013, p. 25]. В офисе JYP Entertainment расположена раскрывающая видение компании табличка с восьмью правилами, среди которых особенно выделено умение работать «по системе», под которой понимается «высоко рационализированный производственный механизм с разделением труда» [Fuhr, 2016a, p. 73]. Такая радикально рационализированная модель культурного производства, «макдональдизация музыкального бизнеса» [Kang, 2014, p. 62] связывается с характерными неолиберальными тенденциями после Азиатского финансового кризиса и последовавшей реструктуризации музыкального бизнеса. Однако такой технологизи-

рованный подход к творчеству может быть негативно воспринят в других культурных контекстах как «оскорбление заветному нарративу об эстетической автономии» [Cho, 2017, p. 2314] и вызывать обвинения в «деиндивидуализации» творчества [Kang, 2014, p. 57]. Кроме того, такая стандартизированная модель не всегда учитывает то, что «городские ценности среднего класса, которые представляет “корейская волна”, быстро меняются в каждой стране и регионе и могут быть представлены другими (более подходящими) культурными моделями» [Ainslie, Lipura, Lim, 2018, p. 84]. Поэтому, несмотря на то что именно культурные технологии считаются «рецептом успеха К-поп» [Shin, Kim, 2013, p. 264], при переносе этой модели в другой культурный контекст негативные замечания к ней могут быть воспроизведены и даже усилены.

Вторым значимым ограничением может стать тесная и порой противоречивая связь К-поп с идеями корейской национальной идентичности. С одной стороны, популярность по всему миру и весомый экономический вклад в ВВП сделали К-поп частью национального достояния и орудием «мягкой силы», а ай-доллов — примерами идеальных граждан. С другой стороны, исследователи констатируют отсутствие у К-поп национального характера [Lie, 2012], что и позволяет ему быть популярным по всему миру. Эта запутанная ситуация порождает сложные отношения между национальными патриотическими настроениями, транснациональной аудиторией и глобальным капиталом в корейской популярной музыке [Fedorenko, 2017]. В качестве разрешения этого противоречия исследователи предлагают констатировать диалектическую природу глобализирующих и национализирующих сил в К-поп, когда внешняя «деполитизированность» корейской популярной музыки и ее коммодификация в промышленных масштабах выступает как условие для использования в качестве политического инструмента и продвижения национальной идеологии [Fuhg, 2016a, p. 10]. В этом контексте предыдущие попытки создать локально адаптированные варианты К-поп в рамках западной музыкальной индустрии вызвали внутри фандома обвинения в культурной апроприации и незаконном присвоении другой страной жанра К-поп, являющегося национальным достоянием. Так, в 2014 г. появились американские группы EXP Edition и CoCo Avenue, в 2020 — южнокорейско-британская КААСНИ. Все они позиционировали себя как группы «в стиле К-поп», однако их появление вызвало споры относительно того, могут ли они так называться. Международные фанаты указывали на три спорных момента: такие исполнители не прошли обучение в корейской системе, они не говорят на корейском языке и не являются корейцами по происхождению [Ahn, 2023, p. 98]. Это в целом совпадает с тем, как была воспринята в 2019 г. и первая российская группа в жанре К-поп INKI. Тем самым складывается ситуация, когда зарубежные фанаты и их фандома выступают в качестве патриотов корейской нации и выражают в рамках «фан-национализма» [Luan, 2019] суждения о том, что имеет право называться корейским. Отдельные характеристики К-поп связываются с особенностями корейского менталитета и культуры в целом, поэтому ставится под сомнение повторение этой системы за пределами Кореи.

Наконец, дальнейшее расширение жанра К-поп может войти в противоречие с тем, что он представляет ценность для поклонников именно как альтернатив-

ная форма популярной культуры. Несмотря на то что в процессе гибридизации К-поп заимствует многие элементы, для поклонников он остается способом «переосмыслить культурные потоки за пределами ориентированного на Запад процесса глобализации» [Kyong, 2018, p. 380]. В некоторых случаях К-поп понимается даже через противопоставление доминирующей западной поп-культуре и символическую возможность «дать отпор привилегии белых, которая пронизывает мировую популярную культуру» [Ahn, 2023, p. 103]. Разные исследователи объясняют в этом контексте успех К-поп через обращение к чувству солидарности меньшинства [Fuhr, 2016, p. 291] и «постколониальной меланхолии» [Oh, Park, 2012]. Внезапный успех Республики Корея нарушил сложившуюся олигополию Большой тройки (США, Европа, Япония) на культурном рынке и тем самым «дает проблеск надежды тем, кто с аналогичным историческим опытом был культурным подчиненным» [Choi, Maliangkay, 2015, 11–12].

Однако этот статус проводника альтернативной глобализации имеет значение не только как способ разнообразить культурные потоки, но и как ресурс для представления альтернативных возможностей собственной жизни. Взаимодействуя с контентом, который далек от привычной им среды, фанаты тем самым «символически избегали ограничительных сил, с которыми они сталкивались в своих повседневных контекстах» [Yoon, Min, Jin, 2020, p. 11]. Поэтому вызывает сомнение то, что эта ценность сохранится при переносе культурной технологии в западную индустрию развлечений или в целом сокращении культурной дистанции между фанатами и исполнителями.

Кроме того, по всей видимости, существуют пределы, в рамках которых работает этот подрывной потенциал К-поп. Стремительный рост популярности жанра в странах Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии привел к обвинениям в «новом культурном империализме», угрозе местной культуре этих стран и *антихаллю*-движениям [Chen 2017; Ainslie, Lipura, Lim 2018]. Поэтому отчасти именно «периферийное положение» относительно более популярной западной музыки служит причиной привлекательности К-поп для фанатов [Otmazgin, Lyan 2014, p. 43–44]. В таком контексте дальнейшая глобализация жанра и экспорт технологий по его созданию может повлечь за собой и переход от «восхищения одаренным экзотическим “другим”» [Fuhr, 2016b, p. 291] к рутинизации культурного потребления К-поп и поиску новых альтернативных культурных потоков. Тем самым сохранение оппозиции и периферийности культурного потребления может играть важную роль в идентификации К-поп фандома и его участников, а также предпочтительном для них режиме культурного потребления.

Заключение

Происходящую экспансию южнокорейской музыкальной индустрии необходимо рассматривать не только в контексте того, как она выражает триумф и международную востребованность уникальной корейской культурной технологии. Это процесс также может быть сопряжен с менее очевидными противоречиями и проблемами, о существовании которых свидетельствуют исследования фандомов

в разных регионах. В данной работе были озвучены три возможных препятствия дальнейшей глобализации К-поп, которые привлекают внимание к восприятию этого процесса потенциальной или уже существующей аудитории. Для сглаживания возникающих противоречий необходимо рассматривать международное присутствие К-поп не только как вопрос коммерции, но и в контексте понимания локальных культурных контекстов и внутренних процессов в фандоме. Однако на данный момент исследователи говорят об отсутствии подобной чувствительности и общем низком уровне культурной эмпатии [Jang, Song, 2018] за пределами центральных рынков сбыта в корейской индустрии развлечений.

Библиографический список

- 2022 Global Hallyu Trends. Seoul: Korean Foundation for International Cultural Exchange, 2022.
- Ahn J. H.* K-Pop Without Koreans: Racial Imagination and Boundary Making in K-Pop // *International Journal of Communication*, 2023. Vol. 17. P. 92—111.
- Ainslie M. J., Lipura S. J., Lim J.* Understanding the potential for a Hallyu “backlash” in Southeast Asia: A case study of consumers in Thailand, Malaysia and Philippines // *Kritika Kultura*, 2018. Vol. 28. P. 63—91. DOI: 10.13185/KK2017.02805.
- Chen L.* The emergence of the anti-Hallyu movement in China // *Media, Culture & Society*, 2017. Vol. 39. No. 3. P. 374—390. DOI 10.1177/0163443716646176.
- Cho M.* Domestic Hallyu: K-Pop Metatexts and the Media’s Self-Reflexive Gesture // *International Journal of Communication*, 2017. Vol. 11. P. 2308—2331.
- Choi J., Maliangkay R.* Introduction: Why fandom matters to the international rise of K-pop // *K-pop—The International Rise of the Korean Music Industry*. Routledge, 2015. P. 1—18.
- Fedorenko O.* Korean-Wave celebrities between global capital and regional nationalisms // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2017. Vol. 18. No. 4. P. 498—517. DOI 10.1080/14649373.2017.1388070.
- Fuhr M.* Globalization and popular music in South Korea: Sounding out K-pop. Routledge, 2016. 256p.
- Fuhr M.* K-Pop music and transnationalism // *The Routledge handbook of Korean culture and society*. New York: Routledge, 2016. P. 283—296.
- Galbraith P. W.* ‘Idols’ in Japan, Asia and the world // *Routledge Handbook of Celebrity Studies*. Routledge, 2018. P. 202—214.
- Jang W., Song J. E.* Building Empathy in Hallyu // *Korean Regional Sociology*, 2018. Vol. 19. No.2. P. 29—52.
- Kang I.* The political economy of idols: South Korea’s neoliberal restructuring and its impact on the entertainment labour force // *K-pop—The International Rise of the Korean Music Industry*. Routledge, 2014. P. 51—65.
- Kyong Y.* Global Imagination of K-Pop: Pop Music Fans’ Lived Experiences of Cultural Hybridity // *Popular Music and Society*, 2018. Vol. 41. No.4. P. 373—389. DOI 10.1080/03007766.2017.1292819.
- Lie J.* What is the K in K-pop? South Korean popular music, the culture industry, and national identity // *Korea observer*, 2012. Vol. 43. No. 3. P. 339—363.
- Lyan I.* Welcome to Korea Day: From Diasporic to Hallyu «Fan-Nationalism» // *International Journal of Communication*, 2019. Vol. 13. P. 3764—3780.
- Oh I., Park G. S.* From B2C to B2B: Selling Korean pop music in the age of new social media // *Korea Observer*, 2012. Vol. 43. No. 3. Pp. 365—397.

Otmazgin N., Lyan I. Hallyu across the Desert: K-pop Fandom in Israel and Palestine // *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*, 2014. Vol. 3. No.3. P. 32—55. DOI 10.1353/ach.2014.0008.

Park G.S. Manufacturing creativity: Production, performance, and dissemination of K-pop // *Korea Journal*, 2013. Vol. 53. No. 4. P. 14—33.

Shin H. Have you ever seen the Rain? And who'll stop the Rain? : the globalizing project of Korean pop (K-pop) // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2009. Vol. 10. No. 4. P. 507—523. DOI 10.1080/14649370903166150.

Shin H. K-pop, the sound of subaltern cosmopolitanism // *Routledge handbook of East Asian popular culture*. New York: Routledge, 2017. P. 116—123.

Shin S. I., Kim L. Organizing K-pop: Emergence and market making of large Korean entertainment houses, 1980—2010 // *East Asia*, 2013. Vol. 30. No. 4. P. 255—272. DOI 10.1007/s12140-013-9200-0.

Shin S. Niche, Ethnic and Global Operations // *European Journal of East Asian Studies*, 2017. Vol. 16. No.1. P. 5—35. DOI 10.1163/15700615-01601006.

Siriyuvasak U., Shin H. Asianizing K-pop: production, consumption and identification patterns among Thai youth // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2007. Vol. 8. No.1. P. 109—136. DOI 10.1080/14649370601119113.

Yoon K. K-pop Trans/nationalism // *Routledge Handbook of Asian Transnationalism*. London: Routledge, 2023. P. 394—405.

Yoon K., Min W., Jin D.Y. Consuming the Contra-Flow of K-pop in Spain // *Journal of Intercultural Studies*, 2020. Vol. 41. No. 2. P. 132—147. DOI 10.1080/07256868.2020.1724907.

References

- 2022 Global Hallyu Trends, Seoul: Korean Foundation for International Cultural Exchange, 2022.
- Ahn J.* (2023). *H. K-Pop Without Koreans: Racial Imagination and Boundary Making in K-Pop*, *International Journal of Communication*, Vol. 17: 92—111.
- Ainslie M. J., Lipura S. J., Lim J.* (2018) Understanding the potential for a Hallyu “backlash” in Southeast Asia: A case study of consumers in Thailand, Malaysia and Philippines, *Kritika Kultura*, Vol. 28: 63—91. DOI: 10.13185/KK2017.02805.
- Chen L.* (2017). The emergence of the anti-Hallyu movement in China, *Media, Culture & Society*, Vol. 39, No. 3: 374—390. DOI 0.1177/0163443716646176
- Cho M.* (2017). Domestic Hallyu: K-Pop Metatexts and the Media’s Self-Reflexive Gesture, *International Journal of Communication*, Vol. 11: 2308—2331.
- Choi J., Maliangkay R.* (2015). Introduction: Why fandom matters to the international rise of K-pop, *K-pop—The International Rise of the Korean Music Industry*, Routledge: 1—18.
- Fedorenko O.* (2017). Korean-Wave celebrities between global capital and regional nationalisms, *Inter-Asia Cultural Studies*, Vol. 18, No. 4: 498—517. DOI 10.1080/14649373.2017.1388070.
- Fuhr M.* (2016a). Globalization and popular music in South Korea: Sounding out K-pop, Routledge, 256 p.
- Fuhr M.* (2016b). K-Pop music and transnationalism, *The Routledge handbook of Korean culture and society*, New York: Routledge, 2016: 283—296.
- Galbraith P. W.* (2018). ‘Idols’ in Japan, Asia and the world, *Routledge Handbook of Celebrity Studies*, Routledge: 202—214.

Jang W., Song J. E. (2018). Building Empathy in Hallyu, *Korean Regional Sociology*, Vol. 19. No.2: 29—52.

Kang I. (2014). The political economy of idols: South Korea's neoliberal restructuring and its impact on the entertainment labour force, *K-pop—The International Rise of the Korean Music Industry*, Routledge: 51—65.

Kyong Y. (2018). Global Imagination of K-Pop: Pop Music Fans' Lived Experiences of Cultural Hybridity, *Popular Music and Society*, Vol. 41, No.4: 373—389. DOI 10.1080/03007766.2017.1292819.

Lie J. (2012). What is the K in K-pop? South Korean popular music, the culture industry, and national identity, *Korea observer*, Vol. 43, No. 3: 339—363.

Lyan I. (2019). Welcome to Korea Day: From Diasporic to Hallyu «Fan-Nationalism», *International Journal of Communication*, Vol. 13: 3764—3780.

Oh I., Park G. S. (2012). From B2C to B2B: Selling Korean pop music in the age of new social media, *Korea Observer*, Vol. 43, No. 3: 365—397.

Otmazgin N., Lyan I. (2014). Hallyu across the Desert: K-pop Fandom in Israel and Palestine, *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*, Vol. 3, No. 3: 32—55. DOI 10.1353/ach.2014.0008.

Park G.S. (2013). Manufacturing creativity: Production, performance, and dissemination of K-pop, *Korea Journal*, Vol. 53. No. 4:14—33.

Shin H. (2009). Have you ever seen the Rain? And who'll stop the Rain?: the globalizing project of Korean pop (K-pop), *Inter-Asia Cultural Studies*, Vol.10, No. 4: 507—523. DOI 10.1080/14649370903166150.

Shin H. (2017). K-pop, the sound of subaltern cosmopolitanism, *Routledge handbook of East Asian popular culture*, New York: Routledge: 116—123.

Shin S. I., Kim L. (2013) Organizing K-pop: Emergence and market making of large Korean entertainment houses, 1980—2010, *East Asia*, Vol. 30. No. 4: 255—272. DOI 10.1007/s12140-013-9200-0.

Shin S. (2017). Niche, Ethnic and Global Operations, *European Journal of East Asian Studies*, Vol. 16, No.1: 5-35. DOI 10.1163/15700615-01601006.

Siriyuvasak U., Shin H. (2007). Asianizing K-pop: production, consumption and identification patterns among Thai youth, *Inter-Asia Cultural Studies*, Vol. 8, No. 1: 109—136. DOI 10.1080/14649370601119113.

Yoon K. (2023). K-pop Trans/nationalism, *Routledge Handbook of Asian Transnationalism*, London: Routledge, 2023: 394—405.

Yoon K., Min W., Jin D.Y. (2020). Consuming the Contra-Flow of K-pop in Spain, *Journal of Intercultural Studies*, 2020, Vol. 41, No. 2: 132—147. DOI 10.1080/07256868.2020.1724907.

Поступила в редакцию: 24.04.2023

Received: 24.04.2023

Принята к публикации: 08.06.2023

Accepted: 08.06.2023

П.С. Лешаков, Н. Малофеева

Российско-южнокорейское экономическое взаимодействие на паузе

Аннотация. Присоединение Республики Корея к антироссийским санкциям коллективного Запада в связи с началом специальной военной операции России на Украине привело к серьезному откату в двухсторонних экономических отношениях. Стоимостной объем взаимной торговли в 2022 г. просел на 23 %, приостановлено инвестиционное сотрудничество. Понижительные тенденции и неопределенность в российско-южнокорейском экономическом взаимодействии в ближайшей перспективе сохранятся, однако о полном разрыве сложившегося в последние десятилетия партнерства речь не идет. Пауза в поступательном развитии двухстороннего сотрудничества дает возможность оглянуться назад и объективно оценить достигнутый уровень взаимодействия в экономической области. Прежде всего, это завышенные ожидания российской стороны в отношении технологического и инвестиционного партнерства с южнокорейским бизнесом. Осуществление крупномасштабных капиталовложений в российскую экономику с передачей технологий и глубокой локализацией производственного процесса никогда не входили в планы капитанов южнокорейского бизнеса. Инвестиционные проекты по выпуску бытовой техники, легковых автомобилей, продуктов питания, реализованные на территории России, были направлены в первую очередь на освоение максимальной доли потребительского рынка стран ЕАЭС. Научно-техническое и инновационное сотрудничество, по сути дела, представляло собой улицу с односторонним движением, по которой в Республику Корея шла утечка российских мозгов и технологий. Попытка создания в Приморском крае южнокорейского индустриального парка, предпринятая в годы президентства Мун Чжэ Ина, изначально была обречена на неудачу, так же как и более ранний проект Находкинского технопарка. Встряска 2022 г. отчетливо высветила маниловский характер многочисленных мостов двухстороннего сотрудничества и несбыточность надежд российских чиновников на возрождение отечественного автомобильного и судостроения за счет южнокорейских технологий. Перегрузка российско-южнокорейского экономического взаимодействия после прохождения дна будет, скорее всего, осуществляться малым и средним бизнесом по наименее «токсичным» направлениям сотрудничества с учетом корректировки планки взаимных ожиданий.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, уровень экономического взаимодействия, технологическое партнерство, инвестиционные проекты, индустриальный парк, взаимные ожидания.

Авторы: Лешаков Павел Семенович, кандидат экономических наук, профессор, факультет мировой экономики и мировой политики, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0000-0002-8282-9933, E-mail: pleshakov@hse.ru

Малофеева Надежда, студентка, факультет мировой экономики и мировой политики, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: nmalofeeva@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лешаков П.С., Малофеева Н. Российско-южнокорейское экономическое взаимодействие на паузе // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 16—28. DOI: 10.48647/ICCA.2023.30.88.002.

P.S. Leshakov, N. Malofeyeva

Russian-South Korean Economic Interaction on Pause

Abstract. The accession of the Republic Korea to the anti-Russian sanctions of the collective West related to Russia's special military operation in Ukraine has led to a serious setback in bilateral economic relations. The value of mutual trade in 2022 sank by 23 %, investment cooperation was suspended. The downward trends and uncertainty in Russian-South Korean economic cooperation will continue in the near future, but complete breach of the partnership developed in recent decades is out of question. The pause in the sustained development of bilateral cooperation gives us opportunity to look back and objectively assess the level of interaction achieved in the economic field. First of all, it is the excessive expectations of the Russian side regarding technological and investment partnership with South Korean business. The implementation of large-scale capital investments in the Russian economy with technology transfer and deep localization of the production process have never been part of the plans of South Korean business captains. Projects in household appliances, passenger cars, and food production, implemented in Russia, were primarily aimed at acquiring maximum share of the consumer market of the EAEU countries. Scientific, technical and innovative cooperation, in fact, was a one-way street along which Russian brains and technologies were leaking to the Republic of Korea. The attempt to create a South Korean industrial park in Primorsky Krai, undertaken during the presidency of Moon Jae-in, was initially doomed to failure as well as earlier Nakhodka Technopark. The 2022 shakeup clearly highlighted the wishful character of numerous “bridges” of bilateral cooperation and vain hopes of Russian officials for the revival of domestic automotive and ship-building industries at the expense of South Korean technologies. After passing its bottom the reset of Russian-South Korean economic cooperation will most likely be carried out by small and medium-sized businesses in less “toxic” directions with readjustment of the level of mutual expectations.

Keywords: Russia, Republic of Korea, level of economic interaction, technological partnership, investment projects, industrial park, mutual expectations.

Authors: Pavel S. LESHAKOV, PhD (Economics), Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economics and World Politics, Higher School of Economics University. ORCID: 0000-0002-8282-9933. E-mail: pleshakov@hse.ru; Nadezhda MALOFEYEVA, student, School of Oriental Studies, Faculty of World Economics and World Politics, Higher School of Economics University. E-mail: nmalofeeva@edu.hse.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Leshakov P.S., Malofeyeva N. (2023). Rossijsko-yuzhnokorejskoe ekonomicheskoe vzaimodejstvie na pauze [Russian-South Korean Economic Interaction on Pause]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 16—28. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.30.88.002.

После спада 2019 и 2020 гг. стоимостной объем российско-южнокорейской торговли в 2021 г. вырос на 55,9 % до исторического максимума в 27,3 млрд долл.; в первом квартале 2022 г. он увеличился еще на 45,5 % (табл. 1). Эта тенденция быстрого восстановления двухстороннего экономического взаимодействия в постковидный период была сведена на нет безоговорочным присоединением южнокорейского правительства к антироссийским санкциям коллективного Запада в связи с началом специальной военной операции (далее — СВО) России на Украине. Линия поведения Сеула в связи с украинским кризисом в 2022 г. представляла собой разительный контраст по сравнению с ситуацией 2014 г., когда Республика Корея воздержалась от введения антироссийских санкций [Лексютина, 2022, с. 39]. Как следствие взаимный товарооборот по результатам 2022 г. сократился на 22,7 %, Российская Федерация опустилась с 10-го на 14-е место в списке основных торговых партнеров Республики Корея (табл. 2).

Таблица 1. Внешняя торговля Российской Федерации и Республики Корея в 2018—2022 гг., млн долл.

	2018	2019	2020	2021	2022			
					Январь—март	Январь—июнь	Январь—сентябрь	Январь—декабрь
Экспорт	17 504	14 567	10 630	17 357	5373	8927	11 649	14 808
Темпы прироста, %	45,4	-16,8	-27,0	63,3	78,7	24,5	1,3	-14,7
Импорт	7321	7774	6900	9980	2092	2987	4391	6331
Темпы прироста, %	6,0	6,2	-11,2	44,6	-1,6	-36,4	-39,5	-36,6
Оборот	24 825	22 341	17 530	27 337	7465	11 914	16 040	21 139
Темпы прироста, %	31,0	-10,0	-21,5	55,9	45,5	0,4	-14,4	-22,7

Источник: данные Корейской ассоциации международной торговли.

Таблица 2. Основные торговые партнеры Республики Корея в 2022 г.

№	Страна	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.	Оборот, млн долл.
1	КНР	155 777,7	154 572,5	310 350,2
2	США	109 809,7	81 771,6	131 581,4
3	СРВ	60 972,1	26 725,8	87 697,9
4	Япония	30 630,5	54 707,5	85 338,0
5	Австралия	18 764,2	44 907,7	63 671,9
6	Тайвань	26 199,8	28 268,8	54 468,6
7	ФРГ	10 087,2	23 611,3	33 698,5
8	Сингапур	20 216,0	10 345,8	30 563,8
9	Гонконг	27 653,8	1878,4	29 532,2
10	Индия	18 874,9	8899,3	27 774,2

Окончание табл. 2

№	Страна	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.	Оборот, млн долл.
11	Малайзия	11 475,0	15 251,8	26 726,8
12	Индонезия	10 218,7	15 736,6	25 955,3
13	Мексика	12 654,1	8578,1	21 232,2
14	Россия	14 808,3	6313,4	21 121,7

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

Ввоз южнокорейских товаров на российский рынок сократился на 36,6 % в основном в связи с прекращением после начала СВО поставок по официальным каналам легковых автомобилей и комплектующих к ним (табл. 3). На эти товарные позиции в предыдущие годы приходилось почти 40 % общего объема импорта из Республики Корея.

Таблица 3. Товарная структура российского импорта из Республики Корея

№	Код ТН ВЭД	Товарная позиция	2021 г.		2022 г.	
			Объем, млн долл.	Прирост, %	Объем, млн долл.	Прирост, %
1	8703	Легковые автомобили и прочие моторные транспортные средства	2550	71,7	894	-64,9
2	7308	Металлоконструкции из черных металлов и их части	487	2194,8	602	23,6
3	8708	Части и принадлежности моторных транспортных средств	1368	30,5	455	-66,8
4	8429	Бульдозеры, грейдеры, экскаваторы	337	125,0	304	-9,8
5	2710	Нефтепродукты, масла моторные	140	40,6	233	66,2
6	3304	Косметические средства и средства ухода за кожей	229	16,7	221	-3,2
7	3901	Полимеры этилена в первичных формах	151	114,2	197	30,0
8	8906	Суда прочие	125	11,5	132	5,8
9	9018	Медицинские инструменты и оборудование	98	21,3	125	28,0
Общий объем импорта			9980	44,6	6331	-36,6

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

Спад в российском экспорте был менее значительным, составив по результатам 2022 г. 14,7 % (табл. 1). При этом вплоть до сентября его стоимостной объем сохранялся на уровне 2021 г. за счет увеличения поставок южнокорейским потребителям коксующегося угля и антрацита, компенсировавшего снижение объемов ввоза сырой нефти, нефтепродуктов и сжиженного природного газа (табл. 4). Не последнюю роль в свертывании экономического взаимодействия сыграли финансовые рестрикции¹ и логистические ограничения², введенные правительством Республики Корея на первоначальном этапе СВО.

Таблица 4. Товарная структура российского экспорта в Республику Корея

№	Код ТН ВЭД	Товарная позиция	2021 г.		2022 г.	
			Объем, млн долл.	Прирост, %	Объем, млн долл.	Прирост, %
1	2701	Уголь каменный: антрацит, кокс	2566	30,4	5694	121,9
2	2709	Нефть и нефтепродукты, сырые	4269	79,1	2307	-45,9
3	2710	Нефть и нефтепродукты, кроме сырых	4657	69,8	1652	-64,5
4	2711	Газ природный, сжиженный	1715	120,8	1481	-13,6
5	0303	Рыба мороженая, за исключением филе	578	48,3	742	28,4
6	0306	Ракообразные в панцире и без панциря	459	15,2	487	6,0
7	7601	Алюминий необработанный	302	55,6	408	35,0
8	7202	Ферросплавы	239	163,5	190	-20,5
9	2844	Элементы химические, радиоактивные	254	11,8	188	-26,1
Общий объем экспорта			17 357	63,3	14 808	-14,7

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

С лета 2022 г. началось замещение на южнокорейском рынке российского углеводородного сырья продукцией стран из региона Ближнего Востока. Наиболее значительный спад наблюдался в поставках из России нефти и нефтепродуктов, удельный вес которых в общем объеме южнокорейского импорта сократился в 2021—2022 гг. с 19,8 % до 6,3 % (табл. 5).

¹ В течение 2021 г. под предлогом экономических санкций в отношении России, затрудняющих финансовые расчёты, судостроительные компании Hyundai Samho Heavy Industries и Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering расторгли соглашения с «Совкомфлотом» на строительство СПГ-газовозов на сумму 1,4 млрд долл.

² С весны 2021 г. судоходные компании Hyundai Marine Merchant и Korea Marine Transport прекратили обслуживания российских дальневосточных портов (Владивостока и Находки), что привело к существенному сокращению контейнерных перевозок между Россией и Республикой Корея.

В 2022 г. на фоне почти двукратного роста в стоимостном выражении закупок Республикой Корея СПГ Россия оказалась единственной страной, сократившей как физический (на 31,5 %), так и стоимостной (на 13,6 %) объем экспорта данного сырья на южнокорейский рынок (табл. 6).

Таблица 5. Основные поставщики на южнокорейский рынок сырой нефти и нефтепродуктов, полученных из битуминозных пород

№	Страна	2021 г.			2022 г.		
		Объем, млн долл.	Прирост, %	Доля, %	Объем, млн долл.	Прирост, %	Доля, %
1	ОАЭ	2700	70,5	11,5	4649	72,2	17,7
2	Индия	1884	78,2	8,0	2677	42,1	10,2
3	Катар	1321	174,4	5,6	2497	89,0	9,5
4	Алжир	1273	167,3	5,4	2492	95,7	9,5
5	Саудовская Аравия	1714	196,6	7,3	1990	16,1	7,6
6	Россия	4657	69,8	19,8	1 652	-64,5	6,3
7	Кувейт	976	175,6	4,2	1 573	61,3	6,0
8	Ирак	1316	75,2	5,6	950	-27,8	3,6
9	США	1543	52,8	6,6	897	-41,9	3,4
Общий объем импорта		23 544	84,8	100,0	26 323	11,8	100,0

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

Таблица 6. Основные поставщики на южнокорейский рынок сжиженного природного газа

№	Страна	2021 г.			2022 г.		
		Объем, млн долл.	Прирост, %	Доля, %	Объем, млн долл.	Прирост, %	Доля, %
1	Австралия	5763	90,5	22,7	15 077	161,6	30,1
2	Катар	6229	50,8	24,5	8507	36,6	17,0
3	США	4816	129,9	18,9	6609	37,2	13,2
4	Малайзия	1746	3,8	6,9	5457	212,5	10,9
5	Оман	2276	28,0	9,0	4662	104,8	9,3
6	Индонезия	1160	39,4	4,6	2921	151,9	5,8
7	Россия	1715	120,8	6,7	1481	-13,6	3,0
8	Папуа — Н. Гвинея	267	131,8	1,1	1344	403,2	2,7
9	Египет	101	221,9	0,4	812	705,9	1,6
Общий объем импорта		25 453	62,0	100,0	50 022	96,5	100,0

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

Сохранить и даже упрочить свои позиции на южнокорейском рынке в 2022 г. российские экспортеры смогли только по трем основным товарным позициям: каменный уголь, мороженая рыба и необработанный алюминий. При этом обращает на себя внимание более чем двукратный рост стоимостных объемов ввоза в Республику Корея коксующегося угля (табл. 7). Россия не только сохранила второе место среди основных поставщиков кокса, но и увеличила физические объемы его экспорта с 19,3 млн т в 2021 г. до 24,4 млн т в 2022.

Таблица 7. Основные поставщики на южнокорейский рынок коксующегося угля

№	Страна	2021 г.			2022 г.		
		Объем, млн долл.	Прирост, %	Доля, %	Объем, млн долл.	Прирост, %	Доля, %
1	Австралия	7291	101,4	54,1	11 589	59,0	44,2
2	Россия	2203	31,0	16,3	5043	128,9	19,2
3	Индонезия	1514	26,4	11,2	3240	113,9	12,4
4	Канада	1173	-0,2	8,7	2621	123,5	10,0
5	ЮАР	359	276,4	2,7	1345	274,6	5,1
6	США	304	-26,3	2,3	881	189,6	3,4
7	Мозамбик	223	103,2	1,7	548	146,2	2,1
8	Колумбия	286	-19,7	2,1	404	41,6	1,6
9	Филиппины	27	889,8	0,2	283	961,8	1,1
Общий объем импорта		13 485	53,2	100,0	26 210	94,4	100,0

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

Неопределенность в российско-южнокорейском экономическом взаимодействии в ближайшей перспективе сохранится, и, возможно, спад во взаимной торговле еще не достиг нижней точки. Тем не менее анализ статистики экспортно-импортных операций показывает стабилизацию и даже определенную тенденцию к росту ежемесячных объемов взаимной торговли начиная с июля 2022 г. (табл. 8). То есть о полном разрыве сложившегося в последние десятилетия партнерства речь ни в коем случае не идет.

Возникшая пауза в поступательном развитии двухстороннего сотрудничества дает возможность оглянуться назад и объективно оценить достигнутый уровень взаимодействия в экономической области. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на завышенные ожидания российской стороны в отношении технологического и инвестиционного партнерства с южнокорейским бизнесом, унаследованные еще с советских времен [Ткаченко, 2000, с. 62–63]. После развала Советского Союза российское правительство продолжало возлагать серьезные надежды на южнокорейский капитал, в частности активно продвигая в 1990-е годы проект российско-корейского индустриального комплекса в СЭЗ «Находка»,

Таблица 8. Помесячный прирост стоимостного объема российско-южнокорейской торговли в 2022 г., млн долл.

Месяц	Экспорт	Импорт	Оборот
Январь	2016	808	2824
Февраль	1700	934	2634
Март	1657	350	2007
Апрель	1683	245	1928
Май	1968	313	2281
Июнь	802	337	1139
Июль	852	463	1315
Август	924	438	1362
Сентябрь	946	502	1448
Октябрь	982	647	1629
Ноябрь	1062	792	1854
Декабрь	1065	502	1567

Источник: Рассчитано по данным Корейской ассоциации международной торговли.

в котором ориентированное на экспорт производство планировали разместить более ста южнокорейских фирм, специализировавшихся на выпуске пищевой продукции, потребительских товаров, бытовой электроники, глубокой переработке леса. Комплекс должен был обеспечить работой 15 тыс. российских граждан и выйти на ежегодный объем выпускаемой продукции в 2 млрд долл.¹

На сегодняшний день совокупный объем южнокорейских капиталовложений в российскую экономику так и не превысил отметку в 3 млрд долл. По данным Экспортно-импортного банка Кореи, в 2002—2022 гг. прямые инвестиции из Республики Корея в Российскую Федерацию составили 2,85 млрд долл. (график 1), или 0,42 % от общего вывоза частного капитала за рубеж (график 2). Следует признать, что осуществление крупномасштабных капиталовложений в российскую экономику с передачей технологий и глубокой локализацией производственного процесса никогда не входило в планы капитанов южнокорейского бизнеса.

Инвестиции крупных корпораций, таких как «Эл Джи Электроникс», «Самсунг Электроникс» и «Хёндэ Мотор», в производства на территории России бытовой техники и легковых автомобилей сводились не столько к глубокой локализации производственного процесса, сколько к минимизации таможенных плате-

¹ Демкин Д. «Силиконовая долина» в Приморье. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/184618#:~:text=Находка%20—%20друг%20корейца.%20Правительство,из%20крупнейших%20на%20Дальнем%20Востоке> (дата обращения: 11.02.2023).

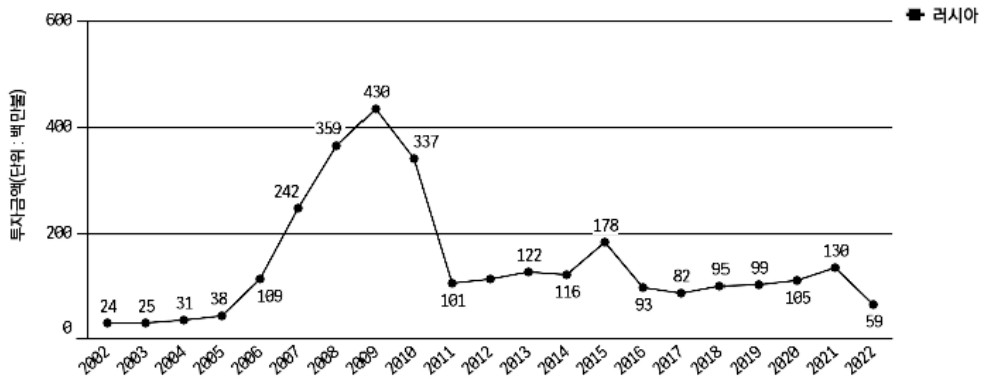

График 1. Прямые инвестиции из Республики Корея в Российскую Федерацию в 2002—2022 гг., млн долл. *Источник:* Рассчитано по данным Экспортно-импортного банка Кореи.

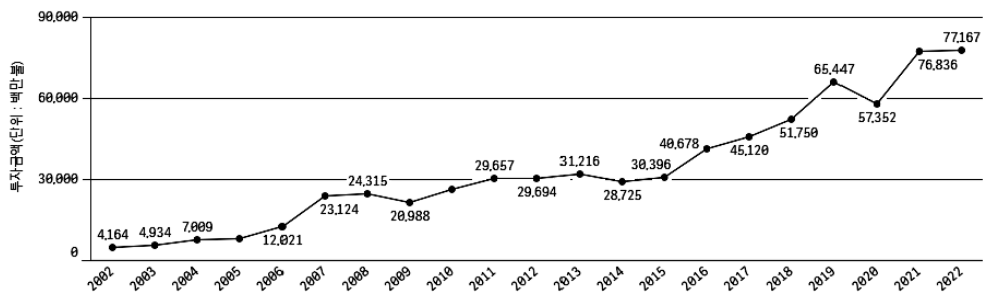

График 2. Общая статистика прямых инвестиций из Республики Корея в 2002—2022 гг., млн долл. *Источник:* Рассчитано по данным Экспортно-импортного банка Кореи.

жей, логистических и производственных издержек с целью захвата максимальной доли местного рынка в конкуренции с другими зарубежными производителями. Такая «отверточная сборка», привязанная к базовым технологиям материнских компаний, как показывает опыт южнокорейских предприятий в Китае, может быть перемещена с минимальными потерями в другие страны.

В этом отношении действия инвесторов из Республики Корея в России можно назвать скорее офшоризацией, чем локализацией. Опыт южнокорейского инновационного развития показывает, что перенос заимствованных технологий на местную почву должен осуществляться крупными национальными компаниями, располагающими финансовым и человеческим капиталом, необходимым для успешной локализации с последующим внедрением собственных передовых разработок по схеме «от имитации к инновации».

В России успешных примеров такой глубокой локализации в рамках технологического сотрудничества местных компаний с партнерами из Республики Корея мы не находим. Достаточно обратиться к опыту автосборочного предприятия «Автотор» в Калининградской области, на мощностях которого до последнего времени, судя по информации на сайте компании, осуществлялось «производство»

почти полной линейки легковых и коммерческих автомобилей марки «Киа», «Хёндэ», включая лимузины премиального бренда «Дженезис». Для сравнения: автомобильный кластер «Хёндэ мотор» под Санкт-Петербургом, в который было вложено более 1 млрд долл., освоил выпуск со сваркой и окраской кузова (так называемое SKD-производство) только трех моделей: «Хёндэ Солярис», «Хёндэ Крета» и «Киа Рио». Судьбу «Автотора», который с января 2023 г. оперативно перепрофилировал свою «отверточную сборку» с южнокорейских марок на малоизвестный китайский бренд «КАУИ», может повторить и совместный дальневосточный проект ССК «Звезда» с корпорацией «Самсунг Хэви Индастриз» по выпуску газозовов и нефтеналивных судов ледового класса. Существует большая вероятность того, что российско-южнокорейское сотрудничество в сфере судостроения, которое уже осложнилось после 2014 г., скорее всего, приостановится [Хайрутдинов, Акимова, 2022, с. 139].

Двухстороннее научно-техническое и инновационное взаимодействие, по сути дела, все три десятилетия представляло собой улицу с односторонним движением, по которой в Республику Корея шла утечка российских мозгов и технологий. Привлекаемые более высокой зарплатой и благоприятными условиями для научных исследований, российские специалисты в области лазерных и космических технологий, инженеры-программисты внесли весомый вклад в развитие инновационных направлений для своих южнокорейских работодателей. Один из последних примеров — подписание Корейским институтом аэрокосмических исследований (KARI) и Агентством по геологической информации и развитию космических технологий Таиланда (GISTDA) в феврале 2023 г. соглашения о сотрудничестве в области космоса. Документ предусматривает проведение совместных исследований и разработку технико-экономического обоснования строительства на территории Таиланда космодрома с применением южнокорейского опыта, технологий и ноу-хау¹. Как известно, этот опыт базируется на единственном проекте строительства на юге Корейского полуострова космодрома Наро, который был спроектирован и возведен в 2007—2009 гг. при техническом содействии российских специалистов государственного космического научно-производственного центра имени Хруничева.

Параллельно с приглашением российских специалистов крупные южнокорейские корпорации, такие как «Эл Джи Электроникс» и «Самсунг Электроникс», стали создавать научно-исследовательские центры в России, осуществляя так называемую дистанционную утечку мозгов, когда местные кадры привлекаются для создания зарубежной интеллектуальной собственности. При этом, как правило, никаких прав собственности на созданное ни у самого отечественного разработчика, ни у Российской Федерации не возникает [Грудев, 2022, с. 103]. В последние годы при поддержке южнокорейского правительства на Россию с предложениями о сотрудничестве в инновационной сфере стал выходить малый

¹ 정부, 태국“우주발사장” 구축 돕는다... “韓 우주산업체 해외진출 기대” [Правительство поможет построить в Таиланде «космическую стартовую площадку»... «Ожидается, что корейские космические фирмы будут расширяться за рубежом»] // Newsis. 13.02.2023. URL: https://newsis.com/view/?id=NISX20230213_0002191382 (дата обращения: 11.02.2023) (На коп.).

и средний бизнес в надежде на то, что российский интеллектуальный потенциал еще до конца не исчерпан.

Несмотря на неудачу упомянутого выше проекта создания в СЭЗ «Находка» российско-корейского промышленного комплекса¹, вторая попытка разместить на территории Приморского края южнокорейский технопарк была предпринята в годы президентства Мун Чжэ Ина. Этот проект был включен в повестку концепции «девяяти мостов» российско-корейского инвестиционного взаимодействия, предложенной президентом РК на III Восточном экономическом форуме в сентябре 2017 г. Затянувшиеся переговоры по данному вопросу между АО «Корпорация развития Дальнего Востока» и девелоперской компанией «Эл Эйч Корпорэйшн» к концу 2021 г. показали, что представители обеих госструктур были заинтересованы не столько в результате, сколько в процессе, хотя изначально было ясно, что массово привлечь в этот проект южнокорейский бизнес с учетом узости местного рынка, дефицита трудовых ресурсов и сложностей с логистикой будет невозможно.

К сожалению, приходится констатировать, что встряска 2022 г. одновременно разрушила практически все направления двухстороннего сотрудничества, согласованные Министерством экономического развития Российской Федерации и Комитетом по северному экономическому сотрудничеству при президенте Республики Корея в обновленной версии Плана реализации концепции «девяяти мостов»², продемонстрировав их маниловский характер и убедительно показав российским чиновникам несбыточность их надежд на возрождение отечественного автомобилестроения за счет южнокорейских технологий.

Выставленные Западом «красные флажки», за которые нельзя заходить, вынуждают крупные южнокорейские корпорации, имеющие несоизмеримо более весомые коммерческие интересы в США и ЕС, приостановить свою деятельность на российском рынке, хотя о полном уходе с него речь пока не идет. Часть южнокорейского бизнеса, такие компании, как «Доширак Рус», «Лотте Конфекшинэри», «Орион», «Кэй Тин энд Джи», даже получили шансы упрочить свои рыночные позиции в России [Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны, 2022, с. 95]. Задел, который был сделан в последние годы, указывает на заинтересованность южнокорейских бизнесменов в продолжении сотрудничества в медицине, ИТ-технологиях и в других сферах [Самсонова, 2022, с. 48]. В таких условиях перезагрузка российско-южнокорейского экономического

¹ В 1997 г. правительство России одобрило проект соглашения с правительством Республики Корея о создании на территории СЭЗ «Находка» российско-корейского промышленного комплекса. В 1998 г. после дефолта государственное финансирование СЭЗ «Находка» было прекращено. Попытка реанимировать российско-корейский проект в 2005 г. натолкнулась на невозможность получения в рамках действующего российского законодательства налоговых и таможенных льгот для корейских инвесторов. В 2006 г. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1990 г. о создании первой в СССР СЭЗ «Находка» утратило свою силу.

² План реализации концепции «девяяти мостов» 2.0 был подписан 27 октября 2020 г. на межсессионной встрече сопредседателей Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству — заместителя председателя правительства, полномочного представителя президента Российской Федерации в ДФО Ю.П. Трутнева и вице-премьера, министра планирования и финансов Республики Корея Хон Нам Ги.

взаимодействия после прохождения дна будет осуществляться малым и средним бизнесом по таким наименее «токсичным» направлениям, как продукция пищевой, текстильной косметической промышленности, креативный контент, сфера услуг, инновации, с учетом корректировки планки взаимных ожиданий. При этом важно, чтобы этот процесс представлял из себя двухстороннее движение, которое позволяло бы российским экспортерам замещать сокращающийся ввоз в Республику Корея углеводородного сырья на конечную продукцию с высокой добавленной стоимостью, в том числе инновационную.

Библиографический список

Грудев В.Е. Российско-южнокорейское сотрудничество в области высоких технологий на современном этапе: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2022. Вып. 6. С. 100—112. DOI: 10.31857/S013128120023369-6.

Лексютина Я.В. Развитие российско-южнокорейского торгово-экономического взаимодействия в условиях всеобъемлющих антироссийских санкций // Россия и Корея в современном информационном пространстве : Тезисы и доклады Международной научно-практической конференции, Иркутск, 01—02 октября 2022 года / отв. редакторы К.В. Иванов, И.В. Олейников. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 38—43.

Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022. 118 с.

Самсонова В.Г. Торгово-экономическое сотрудничество России и Республики Корея в условиях современных вызовов // Современные проблемы Корейского полуострова 2022 : Сборник статей. Москва : Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. С. 45—54. DOI 10.48647/IFES.2022.93.12.006.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2000. 207 с.

Хайрутдинов Р.Р., Акимова В.Г. Экономические отношения Российской Федерации и Республики Корея в условиях преодоления кризисных явлений // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т. 4. № 2. С. 137—141.

해외투자 변동추세. 전체 통계. [Динамика иностранных инвестиций. Общая статистика] // Statistics of foreign direct investments. Korea Eximbank URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/sub/totalStatistics.do> (дата обращения: 12.02.2023). (На кор.)

해외투자 변동추세. 국가별 통계. [Динамика иностранных инвестиций. Статистика по странам] // Statistics of foreign direct investments. Korea Eximbank URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/sub/countryStatistics.do> (дата обращения: 12.02.2023). (На кор.)

References

Grudev V. (2022). Rossijsko-yuzhnokorejskoe sotrudnichestvo v oblasti vysokih tekhnologij na sovremennom etape: problemy i perspektivy [Problems and Prospects of High-Tech Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Korea at the Present Stage], *Problemy dalnego vostoka*. No. 6: 100-112 DOI: 10.31857/S013128120023369-6. (In Russian).

Hajrutdinov R.R., Akimova V.G. (2023). Ekonomicheskie otnosheniya Rossijskoj Federacii i Respubliki Koreya v usloviyah preodoleniya krizisnyh javlenij [Economic relations of the Russian

Federation and The Republic of Korea in the conditions of overcoming the crisis], *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitiie*, V. 4, No. 2: 137—141. (In Russian).

Leksyutina Y.V. (2022). Razvitie rossijsko-yuzhnokorejskogo trgovno-ekonomicheskogo vzaimodejstviya v usloviyah vseob"emlyushchih antirossijskih sankcij [Development of Russian-South Korean Trade and Economic Cooperation in the Context of Comprehensive anti-Russian Sanctions], *Rossiya i Koreya v sovremennom informacionnom prostranstve : Tezisy i doklady Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Irkutsk, 2022, 38—43. (In Russian).

Rossijskij «poyas sosledstva» v usloviyah sankcionnoj vojny [Russian “neighborhood belt” under of the sanctions war] : Scientific Report / Edited by L.B. Vardomsky (executive editor), I.A. Korgun, N.V. Kulikova, A.G. Pylin. Moscow. *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2022, 118 p. (In Russian).

Samsonova V.G. (2022). Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Respubliki Koreya v usloviyah sovremennyh vyzovov [Trade and economic cooperation between Russia and The Republic of Korea under modern challenges], *Sovremennye problemy Korejskogo poluostrova 2022 : Sbornik statej, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS*: 45—54. DOI 10.48647/IFES.2022.93.12.006. (In Russian).

Tkachenko V. (2000). Koreiskii poluostrov i interesi Rossii [The Korean Peninsula and Russia's Interests], *Vostochnaya Literatura*, 207 p. (In Russian).

해외투자 변동추세. 전체 통계. (Haeoetuja Byeondongchuse. Jeonche tonggye). [Foreign Investment Trends. Total Statistics]. Statistics of foreign direct investments. Korea Eximbank URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/sub/totalStatistics.do> (accessed: 12 February, 2023). (In Korean).

해외투자 변동추세. 국가별 통계. (Haeoetuja Byeondongchuse. Gukgabyeol tonggye). [Foreign Investment Trends. Statistics by Country]. Statistics of foreign direct investments. Korea Eximbank URL: <https://stats.koreaexim.go.kr/sub/interstateStatistics.do> (accessed: 12 February, 2023). (In Korean).

Поступила в редакцию: 12.05.2023

Received: 12.05.2023

Принята к публикации: 17.05.2023

Accepted: 17.05.2023

Е.М. Ермолаева

Влияние христианского фактора на политическую элиту Южной Кореи после освобождения (1945—1960 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается роль христианской церкви в формировании политической элиты и административного аппарата Южной Кореи в 1945—1960 гг. Анализируются причины, по которым христианская община расширялась, сохраняла высокий социальный статус и политический вес, стала носителем антикоммунистической идеологии, сформировала социально-политическую опору властей. Автор исследует предпосылки, причины и процесс «христианизации» административного аппарата страны в период режима Американской военной администрации и президентства Ли Сынмана¹. В колониальный период принятие христианства проходило за счет усилий западных миссионеров и самостоятельного знакомства корейцев с западной общественно-политической мыслью, которая вместе с христианской моралью интегрировалась в идеологию национально-освободительного движения. В период после освобождения христианское сообщество продолжало расширяться, оно активно участвовало в политической жизни страны, придерживалось антикоммунистических взглядов, обличая атеизм коммунизма. Формирование институтов либерально-демократической политической системы в Южной Корее требовало новых подходов и знаний, а также предполагало взаимодействие с американским истеблишментом. Христианство в этом процессе играло важную роль, это учение воспринималось многими корейскими политиками как необходимая составляющая современного мировоззрения. Кроме того, южнокорейские политики, являвшиеся христианами, могли пользоваться рядом преимуществ, которые были необходимы им на пути к власти.

Ключевые слова: христианство, Республика Корея, политическая элита, Американская военная администрация, Ли Сынман, антикоммунизм.

Автор: Ермолаева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой корееведения, Дальневосточный федеральный университет. ORCID: 0000-0002-7928-2543. E-mail: ermolaeva.em@dvfu.ru

¹ Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских имён на русский язык на усмотрение автора: по системе Концевича или, как они используются МИД РФ и СМИ.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ермолаева Е.М. Влияние христианского фактора на политическую элиту Южной Кореи после освобождения (1945—1960 гг.) // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 29—44. DOI: 10.48647/ICCA.2023.98.39.003.

E.M. Ermolaeva

The influence of Christianity on the South Korea's Political Elite after Liberation (1945—1960)

Abstract. The article examines the role of the Christian Church in the formation of the political elite and the administrative apparatus of South Korea in 1945—1960. The reasons why the Christian community expanded and maintained a high social status and political weight, became the bearer of anti-communist ideology, and formed the socio-political support of the authorities are analyzed. The author examines the prerequisites, causes and process of “Christianization” of the country's administrative apparatus during the period of USAMGIK and Rhee Syngman's presidency. The formation of democratic political system in South Korea required new approaches and knowledge, as well as interaction with the American establishment. Christianity played an important role in this process, being perceived by many Korean politicians as a necessary component of the modern worldview. Joining the Christian community gave a number of advantages that politicians needed on their way to power. The colonial period shows us Christianity as a source of new religious symbols, but the period after liberation is characterized by the perception of Christianity as the ideology of the new state, which is an opponent of the communist ideology and promotes modernization processes.

Keywords: Christianity, Republic of Korea, political elite, USAMGIK, Rhee Syngman, anti-communism.

Author: Ekaterina M. ERMOLAEVA, PhD (History), Head of Korean Studies Department, Far Eastern Federal University. ORCID 0000-0002-7928-2543. E-mail: ermolaeva.em@dvvfu.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Ermolaeva E.M. (2023). Vliyanie xristianskogo faktora na politicheskuyu e'litu Yuzhnoj Korei posle osvobozhdeniya (1945—1960 gg.) [The influence of Christianity on the South Korea's Political Elite after Liberation (1945—1960)]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 29—44. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.98.39.003.

Введение

После освобождения Кореи от японской колониальной зависимости формально на Корейском полуострове наступило время религиозного плюрализма, однако ни на Севере, ни на Юге этот процесс не являлся полноценным. На Севере вся религиозная сфера постепенно попала под контроль государства, а после установления кимирсеновского режима религиозные, особенно христианские, круги стали объектом репрессий. На Юге религиозное сообщество получило обещанную свободу, однако мы наблюдаем фаворитизм в отношении христиан со

стороны американского командования и неоднозначные отношения христианской церкви с властями Первой республики.

Основная причина, по которой на Севере христианство подверглось гонению, а на Юге ворвалось в социально-политическую жизнь страны, — это его западное для Кореи происхождение. Оно стало источником новой морали, прогрессивных общественно-политических идей, которые пришли на Корейский полуостров вместе с европейской литературой и миссионерами. Не последнюю роль в формировании государственной политики по отношению к христианскому сообществу играла его связь с западной религиозной общиной, а также опора на идеи либеральной демократии.

Ряд исследователей не просто отмечают важную роль христианства: они пишут, что Республика Корея конца 1950-х годов являлась «христианским государством» [Lee, Suh, 2017, p. 479], а христианство было ее «де-факто государственной идеологией» [Tikhonov, 2013]. Исходя из вышеприведенных утверждений, мы можем предположить, что эта религия стала не просто идеологической базой, но и оказал воздействие на южнокорейский истеблишмент. Таким образом, автор ставит своей целью ответить на вопрос: насколько христианский фактор повлиял на политическую элиту Южной Кореи 1945—1960 гг., с чем это влияние связано и как оно проявлялось.

Христианская церковь в Корее в конце XIX — первой половине XX в.

Влияние христианства на социокультурную среду Кореи сложно преуменьшить. Особенно значительную роль оно сыграло в конце XIX — первой половине XX в. «Открытие» Кореи позволило западным католическим и протестантским миссионерам активизировать деятельность в стране; своими проповедями они повлияли на формирование политического самосознания корейцев, сформировав новые представления не только о Боге, но и законе, равенстве, гуманизме [Толстокулаков, 2007, с. 103]. Этот период характеризовался быстрой политической, социальной и культурной трансформацией, а усиление агрессии Японии в Корее породило в корейцах осознание их национальной идентичности. В формировании идеологии национального единства корейцы обратились к религиозным символам, в числе которых были и христианские.

Христианская община в Корее начала XX в. постепенно росла. В 1907 г. в Корее насчитывалось 41 тыс. христиан, которые по большей части концентрировались в крупных городах. Самым христианским из городов являлся Пхеньян, а если говорить о провинциях, то на Севере — в Пхёнсан и Хванхэ, на Юге — в Кёнсан проживало больше всего людей, исповедующих эту религию, функционировало подавляющее большинство христианских церквей. Наиболее популярной христианской конфессией являлся протестантизм [Нага, 2017, p. 83—84].

Несмотря на то что с момента колонизации Кореи японское правительство не приветствовало усиление христианской церкви, количество христиан продолжало увеличиваться, особенно в северных провинциях. Согласно статистике, к началу Второй мировой войны общее количество членов корейской христиан-

ской церкви составляло 420 тыс. человек, при этом в трех северо-западных провинциях, Пхёнан-Намдо, Пхёнан-Пукто и Хванхэ, проживало более 100 тыс. верующих, то есть около четверти всего христианского населения страны [Нага, 2017, р. 84].

Можно указать на несколько основных причин достаточно быстрой христианизации Кореи в конце XIX — первой половине XX в. *Во-первых*, это изначально продуманная стратегия западных протестантских миссионеров, которые обеспечили перевод Библии на корейский язык и использовали так называемые методы Невиуса, предполагавшие работу не только с элитой, но и с широкими массами, включая детей и женщин [Пак, 2011, с. 150—151]. Важную роль в деле распространения христианского учения сыграл упор миссионеров на образование и здравоохранение и ставка на самих корейцев. Более гибкой и активной в этой сфере оказалась протестантская церковь, ввиду чего количество ее прихожан увеличивалось с большей скоростью. Миссионеры открыто защищали американские принципы, христианскую веру и западный образ жизни. Генри Аппенцеллер, например, стремился превратить Корею в «независимую протестантскую нацию под американским демократическим влиянием и защитой, чтобы она могла служить выдающимся примером для подражания другим азиатским странам», он «работал над реформированием корейского общества по образцу общества Соединенных Штатов...» [Davies, 1992, р. 422].

Вторая причина активного распространения христианства в Корею в указанный период, вероятно, объясняется политическими изменениями в стране и постепенной утерей Кореей своей независимости. Корейская элита, переживавшая духовный кризис и утратившая веру в традиционные учения, стремилась к получению новых знаний. Христианство с самого начала воспринималось корейцами как прогрессивное учение. Западные миссионеры представили наглядные доказательства этому в виде больниц и учебных заведений, построенных, управляющихся и обеспечивающихся по западному образцу. Кроме того, на фоне агрессивных действий Японии, США и другие западные страны сохраняли образ дружественных, тем самым подпитывая веру корейцев в христианство.

Похоже, отношение корейцев к Западу не изменилось даже после того, как США отказались помочь Корее в ответ на ее обращения в преддверии установления протектората Японии в 1905 г. Так или иначе, христианизация Кореи продолжалась, а крещение для корейцев стало неким актом протеста против как традиционной системы, так и колониального гнета. Ряд представителей интеллектуальной элиты настаивали на том, что конфуцианство было источником слабости и упадка страны, они выступали против старой конфуцианской системы и коррумпированных имперских судов. На этом фоне христианство было фактически единственной альтернативой, так как транслировало принципиально новые установки, направленные на реформирование старой системы — как религиозной, так и в целом социально-политической. Оно олицетворяло для корейцев западный образ жизни, экономические блага, являлось источником новых общественно-политических идей. Христианская церковь настаивала на том, чтобы каждый новый член порвал со старыми устоями, включая поклонение предкам [Park, 2003, р. 120], тем самым давая ощущение духовного обновления.

В колониальный период христианство стало значимой частью национально-освободительного движения. Отсылка к христианским и либеральным ценностям просматривается в националистической идеологии корейцев, кроме того, сам состав участников движения доказывает этот тезис. Достаточно указать на тот факт, что из тридцати трех «представителей нации», которые подписали Декларацию независимости 1919 г., шестнадцать являлись протестантами [Lee Byongsung, 2017, p. 15]. Кроме того, сама христианская церковь как институт стремилась включиться в социально-политический процесс: она проводила специальные молебны и иные акции, направленные против японской агрессии, привлекая тем самым новых adeptов по всей стране [Kim, 1996, p. 36—37].

Тем не менее стоит отметить, что в колониальный период христианская церковь не всегда поддерживала антияпонские настроения, а колониальная власть не всегда выступала против христианской церкви. Японцы, корейские коллаборационисты и христианская элита часто сотрудничали. Так, в «эпоху гуманного правления» в 1920—1930 годах наблюдается рост христианских церквей, чему способствовало смягчение колониальной политики и стремление японцев создать социальную опору режима. «Контакт» колониальных властей и церкви осуществлялся в том числе за счет «модернизационной роли» последней.

В целом взаимоотношения колониальных властей и христианской церкви в Корею можно оценить как «сложные» и «неоднозначные». Установленным является факт того, что ряд священников и мирян соглашались сотрудничать с японцами, объясняя это давлением со стороны колонизаторов или совпадением взглядов на модернизацию страны. В некоторых аспектах японцы и христианские деятели смогли прийти к некому консенсусу, в то же время в целом христианская мораль противостояла колониальной жестокости.

Появление новой политической элиты

Во второй половине XIX в. корейцы получили возможность знакомиться с достижениями западной культуры и общественно-политической мысли. Поколение реформаторов, которое родилось во второй половине XIX в., с юности впитывало в себя новые веяния; оно имело возможность бывать за границей, знакоилось с европейскими концепциями конституционализма, парламентаризма и либеральных свобод [Толстокулаков, 2007, с. 86]. Для молодых политиков конца XIX в. христианство не являлось «чуждым», а воспринималось как часть своей истории. Многие из них принимали крещение, осознав реформаторскую сущность западной мысли после поездки за рубеж, учебы в христианских учебных заведениях или общения с представителями христианской общины. Идеологическая направленность нового поколения интеллектуалов, по мере превращения страны в колонию Японии, трансформировалась из сугубо модернизационной в националистическую [Пак, 2011, с. 155], при этом христианская мораль и либеральные ценности часто сопутствовали этой трансформации.

Основная масса новой политической элиты состояла из представителей родовитых, часто обедневших семей. С детства они осознавали важность образования, часть получили его в традиционной конфуцианской форме, а христианскую веру приняли уже в достаточно зрелом возрасте, другие — обрели возможность получить образование в миссионерских школах, где параллельно еще в юности приняли и саму религию. Выходцев из богатых привилегированных семей среди христианских политиков было не так много [Matsutani, 2012]. Среди них стоит отметить двух человек, сыгравших большую роль в истории Кореи: Юн Чхихо (1864—1945) и Со Джэпхилья (1864—1951). Оба родились в семьях богатых *янбан* и были отправлены в Японию, общались с Ким Оккюном и членами Партии прогресса. Оба пришли в методистскую церковь: Юн — после переезда в Китай, Со Джэпхилья — в США. И тот и другой в 1896 г. учредили Общество независимости, через которое продвигали идеи корейского национализма, одновременно с этим издавали газету «Тоннип синмун» («Независимая газета») и преподавали в миссионерских школах, прилагая усилия для распространения современного образования. Не все члены Общества являлись христианами. Так, близкий соратник Юна и Со Ли Санджэ (1950—1927) принял христианство только в 54 года, в то время как Ю Гильджун (1856—1914) не был крещен и оставался верен своим традиционным воззрениям до конца жизни.

Еще один член Общества независимости, выдающийся участник борьбы за независимость Кореи, политик, педагог Ан Чханхо (1878—1938), вступил в него, будучи истовым христианином. Выходец из небогатой семьи, он переехал в Сеул после смерти отца и получил там образование в пресвитерианской миссионерской школе. Интересен его взгляд на причины закабаления Кореи. В 1907 г. он писал о том, что индивидуальное развитие и принятие христианской веры является единственным путем корейцев к свободе: «Христос сказал евреям, что они совершили много злых поступков и были лишены всякого добра, потому Бог отнял у них права и передал их другим... Это, безусловно, относится к Корее сегодня» [Цит по: Wells, 1990, p. 41].

Список корейских деятелей конца XIX — первой половины XX в., которые приняли христианство, признав его модернизационную составляющую, был бы не полон без таких имен, как Ли Сынман (1975—1965), Ким Гу (1876—1949), Ким Гюсик (1881—1950), Хон Джин (1877—1946), Ли Донхви (1873—1935) и др. Жизненные обстоятельства, при которых молодые активисты вступали в протестантскую или католическую церковь, были различными. Тем не менее можно обозначить три основные тенденции в этом процессе: 1) обучение в христианских школах и влияние миссионеров; 2) общение с уже принявшими христианство соотечественниками; 3) знакомство с западной общественно-политической мыслью.

Формирование правой идеологии корейских христиан

В XIX в. христианство познакомило корейцев с благами цивилизации, в колониальную эпоху оно легло в основу националистических воззрений, конкурируя с традиционными корейскими верованиями и новыми учениями. Постколо-

ниальная эпоха также характеризуется увеличением количества христиан, которое в отдельные периоды описывается как «стремительное» или «взрывное» [Lee Byongsung, 2017, p. 12]. Однако в рамках новых исторических условий всплеск христианизации в этот период произошел в южной части Корейского полуострова.

На Севере влияние христиан после освобождения в 1945 г. было выше, чем коммунистов, — фактически эти две группы могли конкурировать за политическое господство [Armstrong, 2003, p. 14—15]. Журнал Time писал, что в Пхеньяне проживало около 50 тыс. христиан, которые составляли около 17 % его населения [Time, 1950]. Большая часть христиан ожидала коммунистов, готовилась к формированию так называемой народной демократии. Преподобный Ким Чэджун в преддверии прихода советских войск выступил со следующим заявлением: «Правительство, заслуживающее нашей благодарности, гарантирует свободу религии и вероисповедания, свободу мысли, свободу печати, собраний и публикаций, а также свободу совести... Мы должны отдать должное коммунизму за то, что он дал нам научный анализ экономических институтов и план действий по улучшению общества... Учитывая нынешнюю реальность Кореи, мы примем любое правительство, коммунистическое или нет, если оно гарантирует свободы, перечисленные выше» [Цит по: Em, 2020, p. 13].

По мере формирования государственной системы на Севере, недовольные режимом корейцы начали переходить на Юг. Первая волна миграции началась в 1946—1947 гг., вторая пришлась на период Корейской войны. Не все перебежчики были христианами, тем не менее они составляли значительную долю [강인철, 1992, с. 134—135]. Как следствие, на Юге увеличивалось количество церквей: в некоторых случаях в церкви были превращены даже возведенные японцами синтоистские храмы [Naga, 2007, p. 188]. Перебежчики транслировали антисоветские настроения, их христианская часть выступала против коммунистического атеизма, что в целом усиливало антикоммунистические воззрения южан.

Приходя на Юг, мигранты сталкивались с проблемой адаптации на новом месте, что еще более подогревало их радикальные взгляды. Церковь становилась для них местом утешения, поэтому, даже не будучи изначально христианами, перебежчики принимали крещение или начинали посещать христианские (чаще протестантские) приходы уже после переселения в Южную Корею. При этом церкви с сильным антикоммунистическим посылом набирали прихожан быстрее всего. Самым известным примером была церковь Ённак, образованная в 1945 г. и уже к 1949 г. насчитывавшая три тысячи прихожан, большинство из которых были беженцами из Синьдзю (пров. Пхёнан-Пукто) [Clark, 2003, p. 303].

В течение первых нескольких месяцев после освобождения христианская церковь на Юге оставалась неоднородной в своих политических предпочтениях, в ее рядах наблюдались конфликты. Многие священники за годы колониального режима уступили давлению колониального правительства и сотрудничали с японцами, за что подвергались критике со стороны христиан, принципиально выступавших против японцев. Однако церковь пришла к консенсусу гораздо быстрее, чем представители «мирского» левого и правого политического крыла.

Церковные деятели с гораздо большей готовностью прощали своих собратьев-коллаборационистов, так как искупление и прощение являются важными составляющими христианского учения. Посредниками в этом процессе часто выступали американские миссионеры, которые старались добиться примирения между христианскими лидерами. На Юге начали проводиться так называемые встречи искреннего покаяния и духовного возрождения, на которых транслировались антикоммунистические взгляды. Многие члены христианской общины находились в тесном взаимодействии с Американской военной администрацией и Корейской демократической партией, поэтому их правые взгляды легко объяснить. Не последнюю роль в формировании правой и даже ультраправой идеологии сыграли северокорейские перебежчики [Park, 2003, p. 169—170].

Ударными силами правых на Юге стали разного рода молодежные организации, которые стояли на службе у полиции, а по факту являлись бандами головорезов. Ярким примером может являться Северо-западный молодёжный союз, в котором молодежь с Севера была ключевой. Формирование подобных группировок происходило в том числе и рамках церковной общины, а насилие, которое они совершали, особенно во время Корейской войны, позволило ряду исследователей назвать протестантизм в Корее «религией ярости», «религией убийц» [김진호, 2018, с. 202].

Таким образом, с точки зрения идеологического спектра и политических установок южнокорейское христианское сообщество после освобождения увеличилось и расширяло свой социальный состав, при этом являлось политически активным, в некоторых случаях использовало радикальные методы, оставалось проамериканским и выступало против коммунизма с его атеистическими воззрениями.

Христиане в аппарате Американской военной администрации в Корее

После прихода американских военных начала формироваться административная и хозяйственная система Юга. Очевидно, что штат укомплектовывался в основном за счет корейцев, которые оценивались американцами как лояльные и обладающие необходимыми качествами. По итогу среди корейцев, которые получили назначения, было очень много христиан: они занимали различные должности в администрации, работали в финансовых институтах и органах безопасности, являлись политическими советниками, наполнили собой сферу образования и медицины. Речь идет не только о корейцах-христианах: свое место в государственном аппарате нашли и американские миссионеры, которые воспринимали свою деятельность как возможность превратить Южную Корею в «яркую демократию» [Lee, 2007, p. 147].

Так, была сформирована Американская военная администрация (далее — АВА), которую возглавил генерал Джон Р. Ходж, который считался хорошим офицером, однако очень мало знал об Азии и не владел корейским языком. Нуждаясь в помощи, Ходж сделал одним из своих доверенных лиц Фрэнка Уильямса,

методистского миссионера. Уильямс родился в Инчхоне и провел первые пятнадцать лет своей жизни в Корее. Свободно говоря по-корейски, он мог помочь Ходжу в общении с корейцами, используя свои знания и связи. Уильямс помогал набирать корейцев в административно-хозяйственный сектор, знакомил американских военных с текущей социально-политической ситуацией, донося информацию с известной долей субъективности [Haga, 2007, p. 171].

Уильямс не был опытным политиком, демонстрировал явный фаворитизм по отношению к определенным членам политической элиты, который в большинстве случаев объяснялся их принадлежностью к христианскому сообществу. Среди близких ему по духу людей мы можем увидеть исключительно правых националистов, например Сон Джину, Ким Гу, Ли Сынмана. Существует мнение, что именно Уильямс убедил Ходжа вернуть Ли Сынмана в Корею, несмотря на негативное к этому отношение Вашингтона [Haga, 2007, p. 171]. Так или иначе АВА контактировала с политиками правого крыла, в частности с членами Корейской демократической партии, многие из которых являлись коллаборационистами в колониальный период, но оправдывались фактом «вынужденного сотрудничества».

Приход вооруженных сил США на Юг дал корейским христианам возможность получить власть. Поскольку американцы искали образованных англоговорящих служащих, корейцам, которые получили образование в миссионерских школах и тесно сотрудничали с миссионерами, было относительно легко поступить на службу в американскую администрацию. Тридцать пять из пятидесяти корейцев, занимающих высокие посты, были профессорами или выпускниками христианского колледжа Чосон (Ёнсе), священнослужителями или прихожанами. Кроме того, шесть корейских врачей, обученных американскими миссионерами во время японского колониального периода, были назначены вице-губернаторами. Национальный консультативный совет, созданный Ходжем с помощью Уильямса, неофициально называли «Христианским национальным консультативным советом» [Haga, 2007, p. 179]. Главой Корейской национальной полиции, также по совету Уильямса, стал Чо Бёнок — христианин и член Корейской демократической партии.

Вместе с американскими военными в Южную Корею начали прибывать американские миссионеры, заинтересованные в продвижении своих церквей. Так, в 1945 г. визы были выданы двадцати миссионерам для найма в Департамент общественного здравоохранения и социального обеспечения АВА [Clark, 2003, p. 294]. Военный губернатор генерал-майор Арчер Л. Лерч с миссионерами встречался каждую пятницу для обсуждения текущей социально-политической повестки. За счет собственных усилий и материальных ресурсов церкви миссионеры решали большую часть вопросов, связанных с социальной сферой. Именно они занимались благоустройством перебежчиков с Севера, попутно проповедуя им «благовую весть» и приводя в лоно церкви. Получив доступ к социальной работе, образованию, медицине, зарубежные проповедники обрели доступ к расширению влияния своих церквей. Христианское сообщество расширялось, крепло, внутри него создавались прочные связи, завязанные на правящем блоке.

Таким образом, можно утверждать, что режим АВА характеризовался привлечением христиан к административно-хозяйственной и политической деятельности и тем самым закреплением весомого статуса христианской общины в целом. Христиане способствовали укреплению антикоммунистической идеологии, сопряженной с терпимостью к бывшим коллаборационистам. Все это в целом влияло на политический климат на юге Корейского полуострова, делало христианскую церковь комфортной средой для формирования социальных связей, обретения единомышленников, взаимодействия как с высшим руководством, так и с народными массами.

Формирование режима Ли Сынмана

После освобождения Кореи на Юг начало прибывать множество политических деятелей, которые в колониальный период находились в эмиграции. Многие из них являлись членами христианской церкви — в большей степени протестантской. Отношение к принятию крещения у корейцев было весьма прагматичным. Христианство ассоциировалось с западной цивилизацией, идеями либеральной демократии, символизировало отказ от старых порядков.

Президент Первой республики Ли Сынман был протестантом. Он учился в школе Пэдждэ, где общался с преподобным Аппенцеллером — методистским миссионером в Корее. За годы обучения и жизни за рубежом, Ли сформировал прочные связи с методистской церковью. Считается, что его религиозные контакты давали ему серьезное преимущество перед другими политическими лидерами в Корее после освобождения. Так, Ким Гу и Ким Гюсик, которые также относились к протестантской церкви, проигрывали ему в этом плане, а потому не смогли с таким же успехом наладить коммуникацию с американским командованием и представителями корейского политического истеблишмента.

Еще в 1907 г. Ли Сынман опубликовал книгу «Дух независимости», в которой излагал свою программу по обретению Кореей суверенитета. В этой работе, наряду с критикой текущей политики власти, он подчеркивал роль образования, настаивал на необходимости расширения внешних связей страны, особенно с европейскими странами и США, а также делал упор на принятие христианства как единственно верной религии, которая позволит Корее достигнуть уровня развития Великобритании и США [Rhee, 2001, p. 282—283].

В процессе борьбы за власть и ее удержание Ли встречался с корейскими христианами и «проповедовал» идею национальной независимости, подкрепляя свою позицию «библейской мудростью» как ревностный проповедник. Он сформировал дружеские отношения с представителями корейской христианской элиты, особенно с известными профессорами, которые стали в итоге его самыми преданными сторонниками на протяжении всего срока президентства. В окружении Ли Сынмана сформировалась группа приближенных советников, которые также принадлежали к протестантам [Park, 2003, p. 170].

Религиозные и политические взгляды Ли Сынмана сделали его особенно популярным среди христиан. Он понимал важность религии в формировании

единства корейского общества. Так, еще в 1942 г. Ли писал своему другу, что в Корее «более миллиона христиан», страна является «величайшим бастионом христианства на Востоке» [Цит по: Naga, 2007, p. 215]. Он был исключительно оптимистичен в отношении роли Кореи как «будущих ворот в Азию» и «горнила для догматов Конфуция и учения Христа». Кроме того, по его мнению, именно «христианская Корея» была способна остановить «коммунизацию».

Исследователи отмечают еще одну причину, по которой Ли Сынман и последующие руководители РК делали ставку на христианское сообщество: оно было важным звеном между Южной Кореей и ее «американскими спонсорами». Вступление США в Корейскую войну, продиктованное общей парадигмой холодной войны, подписание Договора о взаимной обороне 1953 г. — все это укрепило отношения Сеула и Вашингтона, однако отношения США с правительством Ли Сынмана по многим причинам оставались натянутыми. В такой ситуации образ Южной Кореи как «христианской страны» позволял обращаться к американской общественности для получения крайне необходимой помощи через протестантские и католические церкви США и других стран Запада. С этой точки зрения неудивительно, что католик Чан Мен был избран первым послом РК в США в январе 1949 г. [Lee, 2006, p. 24]. Другим хорошим примером проведения политики через «христианскую повестку» были демонстрации, организованные Национальным христианским советом Южной Кореи в июне 1949 г., призывавшие к принятию конгрессом США законопроекта о помощи Корее. «Пусть церкви мира объединят свои силы для защиты христианства в Корее» — таков был один из лозунгов, наряду с другими обращениями к американским «христианским братьям» [Naga, 2007, p. 88—113].

Под руководством Ли Сынмана церемония в христианском стиле заменила конфуцианско-буддийские традиции на всех правительственных собраниях. Во время инаугурации Ли принес присягу, положив руку на Библию, что стало беспрецедентным событием в истории Кореи. Никто не возражал, когда он предложил начать церемонию открытия Национальной ассамблеи с благодарственной молитвы одного из депутатов, который был христианским священником.

Фактически Первая республика ознаменовала начало нового этапа христианского влияния в корейской истории. Объединяющим являлся лозунг о том, что «новая Корея» должна быть основана на «христианских идеалах» [한국기독교의 역사, 2009, с. 41]. Христианство стало религией корейской элиты, а христиане начали доминировать в новом правящем классе страны. 21 % депутатов парламента, избранного в Южной Корее 10 мая 1948 г., были протестантами. Среди управленцев доля протестантов была еще выше. 38 % из 242 человек, занимавших посты министров или заместителей министров при президенте Ли Сынмане в 1948—1960 гг., были протестантами, большая часть из них были богатыми людьми с американским или японским образованием. Исходя из риторики тех лет, можно сделать вывод, что понятия «демократия», «антикоммунизм» и «христианство» для многих являлись синонимами [Хангук кидоккёый ёкса, 2009, с. 43—44].

К маю 1950 г. около половины членов кабинета и около 40 из вновь избранных 210 депутатов Национального собрания были христианами. Заместителем

председателя парламента РК был пресвитерианский старейшина, мэр Сеула, и трое из восьми губернаторов провинций также относились к христианской церкви. Единство взглядов этих политических деятелей кроме всего прочего обеспечивалось антикоммунистической идеологией и страхом перед угрозой с Севера. Ли Сынман утверждал, что «каждый христианин знает, что он главная цель», у всех христиан есть «идеи и убеждения, поэтому они будут выступать против коммунистов», и «будут убиты, если Север возьмет верх» [Graham, 1983, p. 146].

Для Ли Сынмана поддержка христианской общины была приоритетной, так как в своей политике противостояния коммунизму он упирал на его бескомпромиссный атеизм: в его риторике постоянно звучали тезисы о «жестоких репрессиях северокорейского режима по отношению к христианам». Тем самым он сплотил вокруг себя противников северокорейского режима, среди которых было много христиан, перешедших на Юг.

«Неразрывный союз» между новой элитой и христианским руководством был дополнительно скреплен Корейской войной 1950—1953 гг., когда правые христиане стали рассматривать южнокорейские власти как своих единственных защитников от угрозы коммунистов. Тем не менее отношения президента с христианами не были однозначными.

Несмотря на поддержку, которую Ли Сынман обрел в первые годы после прибытия в Корею и вступления на пост президента, в середине 1950-х годов в среде южнокорейских христиан появились те, кто оставался на правых позициях, но одновременно с этим критиковал президента. Основной посыл заключался в том, что антикоммунистическая политика Ли Сынмана являлась прикрытием для его политической игры, в правительстве процветала коррупция, экономические реформы не проводились [Yoon, 2017, p. 246]. Южнокорейские протестанты вскоре начали экуменическое движение за объединение и инициировали программу «промышленной евангелизации» как средства искоренения бедности в РК.

В своей критике правящего режима христианская церковь провозглашала себя истинным носителем антикоммунистических ценностей, а главной задачей указывала необходимость «искоренить социальную коррупцию, рассадник, в котором укореняется и растет коммунизм, и улучшить уровень жизни бедных, чтобы они не поддались обманчивым обещаниям коммунистов» [Цит по: Tikhonov]. В 1960 г. одно христианское издание опубликовало статью, в которой утверждалось, что «люди с недоверием относятся к группам, называющим себя “антикоммунистами”, так как Ли Сынман не борется с коммунизмом, а превращает жизнь людей в ад из-за их проступков» [Yoon, 2017, p. 246].

Заключение

Во время колониального периода Кореи христианская церковь и христианское учение обрели авторитет, сопряженный с идеями равенства, демократии и социальной справедливости, а также подкрепленный гуманитарной деятельностью христианских священников и миссионеров. Наиболее активно в этом про-

цессе принимали участие протестантские церковные деятели. В этот период многие корейские интеллектуалы и политики вступили в христианскую общину во время своего обучения, поездок в США, общения с миссионерами или самостоятельного знакомства с библейскими постулатами. В итоге мы наблюдаем формирование новой политической элиты, взращённой на западных ценностях с христианским уклоном.

Сложно дать оценку, насколько глубоко христианская вера повлияла на образ мысли и поведение южнокорейских политиков. Очевидным остается, что христианство являлось частью западной культуры, которая воспринималась корейцами как база для реформирования общественно-политической системы. Полагаем, что подход к принятию этой религии был достаточно утилитарным, объяснялся целым набором конкретных преимуществ, включая налаживание контактов с западным социумом, формирование имиджа прогрессивно мыслящих людей, интеграцию с правящим классом, получением ряда других социальных и материальных бонусов. Тем не менее бесспорным остается факт постоянного роста количества христиан в Южной Корее и усложнения их социального состава.

После освобождения на Юге христианское сообщество обеспечило взаимодействие корейцев и американских военных, заполнило административный аппарат, за счет чего повысило свой статус в глазах общественности. Сохраняя антикоммунистический настрой, христиане, тем не менее, постепенно корректировали свои политические взгляды, поддерживая или выступая оппозицией правящему режиму. Принадлежность к христианскому миру стала своего рода «знаком качества и прогресса», обеспечивающим карьерный рост и «понятность» для западного сообщества.

Библиографический список

한국 기독교의 역사 3 해방 이후 20세기 말까지 [История христианства в Корее после освобождения до конца XX в.] // 서울: 한국기독교역사연구소 [Сеул: Институт истории христианства в Корее], 2009. 313 p. (На кор.).

강인철. 월남 개신교 천주교의 뿌리-해방후 북한에서의 혁명과 기독교 [Кан Инчоль. Корни протестантизма и католицизма во Вьетнаме: революция и христианство в Северной Корее после освобождения] // 역사비평 [Историческое обозрение], 1992. Vol. 17: 91—141. (На кор.).

김진호. 권력과 교회. [Ким Джинхо. Власть и церковь] // 서울: 창비 [Сеул: Чханби], 2018. 247 p. (На кор.).

Пак А. В. Проникновение протестантизма в Корею: начальный этап // Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 24—25 марта 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 148—157.

Толстоулаков, И.А. История общественно-политической мысли Кореи // Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007. С. 33.

Armstrong Charles K. The North Korean Revolution, 1945—1950. // New York: Cornell University Press, 2003. 288 p.

Carrots and Radishes // Time, 13 November 1950. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,821353,00.html> (дата обращения: 23.11.2022).

Clark D. N. Living Dangerously in Korea: The Western Experience, 1900—1950 (The Missionary Enterprise in Asia) // Eastridge Books, 2003. 455 p.

Davies D. M. Building a City on a Hill in Korea: The Work of Henry G. Appenzeller // Church History, 1992. Vol. 61, Issue 4, Pp. 422—435.

Em H. Christianity, the Cold War, and the Construction of the Republic of Korea // Korea Journal, 2020. Vol. 60, № 4, Pp. 5—29.

Graham Franklin. Bob Pierce: This One Thing I Do // USA: W Pub Group, 1983. 220 p.

Haga K.Y.A. An Overlooked Dimension of the Korean War: The Role of Christianity and American Missionaries in the Rise of Korean Nationalism, Anti—colonialism, and Eventual Civil War, 1884—1953 // PhD diss., College of William & Mary, 2007. 623 p.

Kim In Soo. Protestants and the Formation of Modern Korean Nationalism, 1885—1920: A Study of the Contributions of Horace G. Underwood and Sun Chu Kil // New York: P. Lang, 1996. 215 p.

Lee B. Christianity and Modernity in Korea under Japanese Colonial Rule: The Federal Council of Protestant Evangelical Missions in Korea, Japanese Colonialism, and the Formation of Modern Korea // Montreal, 2017. 305 p.

Lee Chae-jin. A Troubled Peace: US Policy and the Two Koreas // USA: John Hopkins University Press, 2006. 376 p.

Lee Cheng-Pang, Suh Myungsahm. State Building and Religion: Explaining the Diverged Path of Religious Change in Taiwan and South Korea, 1950—1980 // American Journal of Sociology, 2017. Vol.123, No.2, Pp. 465—509.

Lee Namhee. The Making of Minjung: Democracy and the Politics of Representation in South Korea // Ithaca: Cornell University Press, 2007. 368 p.

Matsutani Motokazu. Church over Nation: Christian Missionaries and Korean Christians in Colonial Korea // Doctoral dissertation, Harvard University, 2012. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/9882530> (дата обращения: 23.04.2023)

Park Chung-Shin. Protestantism and Politics in Korea // Washington: University of Washington Press, 2003. 320 p.

Rhee Syngman. The Spirit of Independence: A Primer of Korean Modernization and Reform // Translated by Han-kyo Kim. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2001. 308 p.

Tikhonov V. South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War — religion as ideology? // The Asia-Pacific Ocean Journal, 2013. Vol. 11, Issue 18, № 1. URL: <https://apjif.org/2013/11/18/Vladimir-Tikhonov/3935/article.html> (дата обращения: 23.02.2023).

Wells K.M. New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea 1896—1937 // Honolulu: University of Hawaii Press, 1990. 222 p.

Yoon Jeongran. Victory over Communism: South Korean Protestants. Ideas about Democracy, Development, and Dictatorship, 1953—1961 // The Journal of American-East Asian Relations, 2017. Vol. 24, No. 2/3, Pp. 233—258.

References

Armstrong Charles K. (2003). The North Korean Revolution, 1945—1950, *New York: Cornell University Press*, 288 p.

Clark D.N. (2003). Living Dangerously in Korea: The Western Experience, 1900—1950 (The Missionary Enterprise in Asia), *Eastbridge Books*, 455 p.

Davies D. M. (1992). Building a City on a Hill in Korea: The Work of Henry G. Appenzeller, *Church History*, Vol. 61, Issue 4: 422—435.

Em H. (2020). Christianity, the Cold War, and the Construction of the Republic of Korea, *Korea Journal*, Vol. 60, № 4: 5—29.

강인철 (1992). 월남 개신교 천주교의 뿌리-해방후 북한에서의 혁명과 기독교 (*Gang Incheol* (1992). Wolnam Gaesingyo, Cheonjugyo'ui ppuri: haebang hu bukhaneoseo'ui hyeongmyeonggwa gidokgyo). [*Gang Incheol* (1992). Roots of Protestantism and Catholicism in Vietnam: Revolution and Christianity in North Korea after Liberation], *역사비평* [Yeoksa Bipyeong], № 17: 91—141 (In Korean).

Graham Franklin (1983). Bob Pierce: This One Thing I Do. *USA: W Pub Group*, 220 p.

Haga K.Y.A. (2007). An Overlooked Dimension of the Korean War: The Role of Christianity and American Missionaries in the Rise of Korean Nationalism, Anti—colonialism, and Eventual Civil War, 1884—1953. PhD diss., *College of William & Mary*, 623 p.

한국 기독교의 역사 3 해방 이후 20세기 말까지 (Hanguk gidokgyo'ui yeoksa 3 haebang ihu 20segi malkkaji). [History of Korean Christianity 3 From Liberation to the End of the 20th Century]. *Seoul: The Institute of the History of Christianity in Korea*, 2009. 313 p. (In Korean).

Kim In Soo (1996). Protestants and the Formation of Modern Korean Nationalism, 1885—1920: A Study of the Contributions of Horace G. Underwood and Sun Chu Kil, 1885—1920. *New York: P. Lang*, 215 p.

김진호 (2018). 권력과 교회 (*Kim Jinho* (2018). Kwollyeokkwa kyohoe) [*Kim Jinho* (2018). Power and Church]. *Seoul: Changbi*. 247 p. (In Korean).

Lee Byongsung (2017). Christianity and Modernity in Korea under Japanese Colonial Rule: The Federal Council of Protestant Evangelical Missions in Korea, Japanese Colonialism, and the Formation of Modern Korea. *Montreal*, 305 p.

Lee Chae-jin (2006). A Troubled Peace: US Policy and the Two Koreas. *USA: John Hopkins University Press*, 376 p.

Lee Cheng-Pang; Suh Myungsahm (2017). State Building and Religion: Explaining the Diverged Path of Religious Change in Taiwan and South Korea, 1950—1980, *American Journal of Sociology*, Vol. 123, No. 2: 465—509.

Lee Namhee (2007). The Making of Minjung: Democracy and the Politics of Representation in South Korea. *Ithaca: Cornell University Press*, 368 p.

Matsutani Motokazu (2012). Church over Nation: Christian Missionaries and Korean Christians in Colonial Korea. *Doctoral dissertation, Harvard University*. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/9882530> (accessed: 23 April, 2023).

Pak A. V. (2011). Proniknovenie protestantizma v Koreyu: nachal'nyj etap, *Koreya: desyatiletie novyh vozmozhnostej* [The Penetration of Protestantism in Korea: An Initial Stage]. *Doklady, predstavlennye na XV nauchnoj konferencii koreevedov Rossii i stran SNG. Moscow*: 148—157 (In Russian).

Park Chung-Shin (2003). Protestantism and Politics in Korea. *Washington: University of Washington Press*, 320 p.

Rhee Syngman (2001). The Spirit of Independence: A Primer of Korean Modernization and Reform / Translated by Han-kyo Kim. *Honolulu, HI: University of Hawaii Press*, 308 p.

Tikhonov V. (2013). South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War — religion as ideology?, *The Asia-Pacific Ocean Journal*, 2013. Vol. 11, Issue 18, № 1. URL: <https://apjif.org/2013/11/18/Vladimir-Tikhonov/3935/article.html> (accessed: 23 February, 2023).

Tolstokulakov I. A. (2007). Istoriya obshchestvenno-politicheskoy mysli Korei [History of socio-political thought in Korea]. *Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta*, 368 p. (In Russian).

Wells Kenneth M. (1990). *New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea 1896—1937*. Honolulu: University of Hawaii Press, 222p.

Yoon Jeongran (2017). Victory over Communism: South Korean Protestants. Ideas about Democracy, Development, and Dictatorship, 1953— 961, *The Journal of American-East Asian Relations*, Vol. 24, No. 2/3: 233—258.

Carrots and Radishes. *Time*, 13 November 1950. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,821353,00.html> (accessed: 23 November, 2022).

Поступила в редакцию: 13.05.2023

Received: 13.05.2023

Принята к публикации: 19.05.2023

Accepted: 19.05.2023

М.С. Захарова

Сравнительная характеристика альянсов США с РК и Филиппинами: общее и особенное

Аннотация. Автор проводит сравнительную характеристику военных альянсов США с РК и Филиппинами и выявляет их общие и отличительные черты. В работе рассматривается исторический контекст образования американо-южнокорейского и американо-филиппинского союзов, их институциональная база, а также поднимается вопрос о целесообразности сохранения альянсов для каждой из стран. В работе утверждается, что различия двух альянсов проявляются как в сфере деятельности и вызовах, которым они противостоят, так и в уровне консолидации альянсов. Автор утверждает, что, несмотря на разногласия и существующие в Южной Корее и на Филиппинах дискуссии о необходимости поддержания столь высокого уровня военного сотрудничества с США, альянсы остаются важной и неотъемлемой составляющей национальной безопасности РК и Филиппин, а также необходимым инструментом для сохранения лидирующих позиций США в Азии.

Ключевые слова: США, Южная Корея, Филиппины, военный альянс, Индо-Тихоокеанский регион.

Автор: Захарова Мария Сергеевна, специалист, научный отдел, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0006-2699-7023, E-mail: marria.dipacademy@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Захарова М.С. Сравнительная характеристика альянсов США с РК и Филиппинами: общее и особенное // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 45—59. DOI: 10.48647/ICCA.2023.76.96.004.

M.S. Zakharova

Comparative characteristics of the US alliances with the Republic of Korea and the Philippines: general and special

Abstract. The author compares the US-ROK and US-Philippines military alliances and identifies their common and distinctive features. The paper examines the historical context of the formation of the American-South Korean and American-Philippine al-

liances, their institutional framework, and also raises the question of the expediency of maintaining alliances for each of the countries. The paper argues that the differences between the two alliances are manifested both in the field of activity and the challenges they face, and in the level of its consolidation. The author argues that despite the differences and debates in South Korea and the Philippines concerning the need to maintain such a high level of military cooperation with the US, alliances remain an important and integral component of the national security of the Republic of Korea and the Republic of the Philippines, as well as a necessary tool for maintaining the leading positions of the US in Asia.

Keywords: USA, South Korea, Philippines, military alliance, Indo-Pacific region.

Author: Maria S. ZAKHAROVA, specialist, Scientific Department, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS. ORCID: 0009-0006-2699-7023.
E-mail: marria.dipacademy@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Zakharova M.S. (2023). Sravnitel'naya karakteristika al'yansov SShA s RK i Filippinami: obshhee i osobennoe [Comparative characteristics of the US alliances with the Republic of Korea and the Philippines: general and special]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 45–59. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.76.96.004.

Практика заключения альянсов помогает многим странам в реализации совместной политики в области региональной безопасности. Американская система альянсов с азиатскими странами оказывает огромное влияние не только на формирование архитектуры безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (далее — ИТР), но и на формирование внешней политики стран-союзников. Образованная во времена холодной войны система «оси и спиц» (hub-and-spokes system) США по сей день остается одним из важнейших механизмов, позволяющих Вашингтону сохранять свой статус влиятельного регионального игрока. На фоне все более активной политики Китая в ИТР и Южно-Китайском море (далее — ЮКМ), в частности, альянсы с азиатскими странами приобретают для США новую значимость. Одними из самых давних и ценных союзников США в ИТР остаются Южная Корея и Филиппины. Несмотря на то что доминирование американской структуры двусторонних соглашений и роль Южной Кореи и Филиппин в ней не подвергаются сомнению, среди экспертов остаются вопросы к уровню консолидации этих альянсов и их направленности.

Система альянсов является одной из важнейших составляющих американской внешней политики, которая позволяет Вашингтону сохранять свой статус влиятельного игрока в ИТР. Огромную роль в формировании системы «оси и спиц» сыграл Джон Фостер Даллес. В 1951 г. он совершил азиатское турне в качестве советника государственного секретаря и, проведя серию переговоров, предложил президенту Трумэну заключить военные соглашения с Филиппинами, Японией, Австралией, Новой Зеландией и Индонезией. Целью этих договоренностей было обеспечение совместных действий между странами для противодействия агрессии извне и возможному нападению одной из перечисленных стран

(например, в случае повторной агрессии Японии). В своем письме президенту США Даллес пришел к заключению, что США необходимо перейти от политики многосторонности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее — АТР) к политике двусторонности, заключив ряд соответствующих договоров с азиатскими странами [Office of Historian, Volume 6, Part 1]. Позднее бывший министр обороны США Джордж Маршалл писал, что стремление Филиппин углубить военное сотрудничество и перевести его в многосторонний формат преждевременно и не отвечает интересам безопасности США. Он утверждал, что существующие соглашения являются адекватными и полностью соответствуют военным нуждам обеих стран. Маршалл также настаивал на том, чтобы США заключали как можно меньше договоров о взаимной безопасности [Office of Historian, Volume 6, Part 1]. Таким образом, наряду с Сан-Францисским договором были заключены договоры об обороне с Филиппинами (30 августа 1951 г.), с Австралией и Новой Зеландией (1 сентября 1951 г.) и с Японией (8 сентября 1951 г.). В результате у США появилась сеть отдельных альянсов, состоящая из самих Соединенных Штатов в качестве «оси» и их союзников в Индо-Тихоокеанском регионе в качестве «спиц» в этой системе.

США и Филиппины имеют прочные исторические связи, которые берут свое начало со времен американской колонизации островов. После обретения Филиппинами независимости 4 июля 1946 г. начался новый период в отношении двух стран: заключение дипломатических отношений и формирование тесного сотрудничества во многих областях. Филиппины были крайне заинтересованы в развитии региональной системы безопасности и заявляли о необходимости создания соответствующих организаций. Так, на фоне заключения Североатлантического альянса в 1949 г. бывший президент Филиппин Эльпидио Кирино выдвинул США предложение о создании Тихоокеанского пакта, который стал бы аналогом НАТО [Office of Historian, Volume 7, Part 2]. Правительство Кирино было уверено в поддержке США в случае военных действий, однако стремилось обеспечить необходимый уровень американской военной поддержки и в мирное время. Стоит отметить, что, несмотря на отсутствие прямой угрозы национальной безопасности Филиппинам, руководство страны разделяло опасения многих региональных стран о потенциальном возрождении милитаристской политики Японии. В связи с этим создание многостороннего регионального альянса с участием США виделось эффективным механизмом обеспечения региональной безопасности. Позднее инициативу Кирино поддержал президент Тайваня Чан Кайши и президент Южной Кореи Ли Сынман. Однако президент Трумэн заявил о незаинтересованности США в многосторонних региональных альянсах в ИТР [Office of Historian, Volume 7, Part 2].

Несмотря на провал планов Кирино о создании регионального альянса безопасности с участием США, филиппино-американское военное сотрудничество продолжало углубляться и развиваться в военном и институциональном направлениях. Самым первым документом, закрепляющим военное сотрудничество двух стран, стало Соглашение о военных базах 1947 г. По соглашению Филиппины предоставляли американскому правительству 23 участка на территории своей страны для размещения военных баз сроком на 99 лет. При этом военная техника

США получала право беспрепятственно использовать все воздушное и морское пространство Филиппин. Таким образом, Соединенные Штаты получали полный контроль над филиппинскими вооруженными силами и могли размещать на территории страны любые объекты и вооружения [Agreement Concerning Military Bases, Manila, 14 March 1947]. Филиппины фактически утратили любую самостоятельность в реализации военной политики. При этом такое масштабное американское военное присутствие не было вызвано внешней угрозой национальной безопасности страны, а служило исключительно в интересах филиппинской элиты. В это время в стране существовал очаг напряженности в Центральном Лусоне, вызванный недовольством крестьянства проводимой правительством административной и аграрной политикой [Shalom, p. 11].

Следующим важным соглашением стал Договор о взаимной безопасности 1951 г. Заключение этого соглашения углубило американо-филиппинское военное сотрудничество. Договор о взаимном обеспечении безопасности 1951 г. закрепил обязанности обеих стран по оказанию друг другу помощи в случае, если на США или Филиппины будет совершено нападение. При этом формулировки договора не дают четкого ответа на вопрос, обязаны ли США защищать морские районы, которые оспариваются Филиппинами, и какие действия они обязаны предпринять в случае обострения конфликта в ЮКМ. На фоне проведения Китаем более активной политики в ЮКМ правительство Филиппин все чаще поднимает вопрос о том, окажет ли Вашингтон поддержку в случае, если Китай пойдет на обострение территориального спора. В 2019 г. госсекретарь Дональда Трампа Майк Помпео заявил, что, поскольку Южно-Китайское море является частью Тихого океана, любое вооруженное нападение на филиппинские военные силы, самолеты или суда в ЮКМ приведет к возникновению обязательств по взаимной обороне в соответствии со ст. IV Договора о взаимной обороне 1951 г. [Heydarian]. В 2022 г. во время встречи с президентом Филиппин Маркосом госсекретарь Байдена Блинкен в очередной раз заверил, что условия договора будут применены в случае любого вооруженного нападения на филиппинских военных [Wong]. Таким образом, США, которые ранее уклонялись от прямого ответа на этот вопрос, в последние годы стремятся убедить Филиппины в своей готовности оказать всю необходимую военную помощь в том случае, если Китай пойдет на провокационные действия в ЮКМ. Причиной подобных перемен в американской позиции является сохраняющийся конфликт США с Китаем. В частности, в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. открыто говорится о том, что Китай представляет угрозу не только для США, но и для стран ИТР в целом. Поэтому Вашингтон намерен всячески поддерживать своих азиатских партнеров, которые также расценивают китайскую политику как угрозу своей национальной безопасности [National Security Strategy, p. 24].

Следующими важными документами в системе военного сотрудничества двух стран являются Соглашение о визитах войск между США и Филиппинами 1998 г. (The Visiting Forces Agreement) и Соглашение об усиленном оборонном сотрудничестве между США и Филиппинами 2014 г. (The U.S.-Philippines Enhanced Defense Cooperation Agreement). Первое определяет правила, по которым американские войска, суда и летательные аппараты могут въезжать в страну,

и устанавливает уголовную юрисдикцию в отношении американского военного персонала [The Visiting Forces Agreement between the US and the Philippines]. Второе соглашение было подписано с целью увеличения ротационного присутствия вооруженных сил, кораблей и самолетов США на Филиппинах и расширения доступа США к филиппинским военным базам, включая возможность хранения американских военных материалов и оборудования. Согласно документу, американские военные могут бесплатно использовать филиппинские военные базы и технику [Agreement between the US and the Philippines on Enhanced Defense Cooperation].

Сейчас Филиппины являются крупнейшим получателем американской военной помощи, оборудования и подготовки кадров в Юго-Восточной Азии. В 2015—2020 гг. США и Филиппины провели 1321 совместное военное мероприятие. Обе стороны свернули сотрудничество в области безопасности в 2020—2021 гг. из-за неопределенности в отношениях двух стран при руководстве Дутерте и пандемии COVID-19. В 2022 г. около 3800 военнослужащих ВСФ и 5100 солдат США приняли участие в совместных учениях «Плечом к плечу», главных ежегодных двусторонних учениях, проходивших на крупнейшем филиппинском острове Лусоне. Другие известные учения включают морские учения «Вместе», которые были проведены в октябре 2021 г., и «Сотрудничество воинов моря», прошедшие в сентябре 2021 г. [The Philippines: Background and U.S. Relations].

Военное сотрудничество Вашингтона и Манилы сконцентрировано вокруг борьбы с терроризмом, проведения совместных военных учений, координации действий в морском пространстве и поставок американской военной техники на Филиппины. Так, США оказывали Маниле активную помощь в борьбе с мусульманскими сепаратистами и экстремистами на юге страны. Конфликт между центральным правительством и мусульманским населением о Минданао, добиравшимся полной автономии, начался в конце 1960-х годов. В ходе борьбы за независимость сформировалось непримиримое радикальное крыло, чья экстремистская деятельность была направлена на создание полностью независимого государства Бангсаморо. Одними из самых радикально настроенных группировок были Абу Сайяф (1991) и Джемаа Исламия (2005), которые имели связи с Аль-Каидой и были объявлены террористическими не только филиппинским правительством, но и США [Дикарев]. С 2001 г. военные советники США начали вести контртеррористическую деятельность на Филиппинах, оказывая Маниле консультативную поддержку и обмениваясь с ней разведанными в рамках борьбы против вооруженных экстремистов на юге страны, от группировок, связанных с Аль-Каидой, до коммунистических и сепаратистских повстанцев [The Philippines: Background and U.S. Relations].

Южная Корея также стала важным элементом американской системы безопасности в ИТР. Создание США серии асимметричных альянсов с азиатскими странами служило не только для сдерживания угрозы распространения коммунизма, но и для сдерживания агрессивного поведения антикоммунистических союзников, которые могли бы втянуть Вашингтон в нежелательную войну в регионе. Среди таких союзников был президент Китайской Республики Чан Кайши и южнокорейский президент Ли Сынман. Администрации Трумэна и Эйзен-

хауэра рассчитывали на то, что тесное двустороннее сотрудничество свяжет руки антикоммунистическим диктаторам и наложит на них определенные ограничения [Cha Victor]. В то же время американское руководство не спешило соглашаться на заключение двустороннего пакта безопасности, так как амбиции Ли Сынмана об объединении двух Корей военным путем с военной помощью США не отвечали американским планам. Так, 8 апреля 1953 г. южнокорейский посол обратился к государственному секретарю Даллесу с просьбой как можно скорее заключить соглашение о безопасности с его страной с целью успокоить население и убедить его, что США и ООН не оставят их наедине с угрозой, исходящей от КНДР. Однако Даллес пояснил послу, что сложившаяся на Корейском полуострове ситуация препятствует заключению соглашения о безопасности между странами. Главной проблемой являлась неопределенность, связанная с определением территории Республики Корея, поскольку американские договоры о безопасности предполагают вмешательство США в случае нападения на территорию союзника. При этом Ли Сынман неоднократно заявлял, что весь Корейский полуостров является территорией Республики Корея, а это, в случае заключения соглашения, могло обязать Соединенные Штаты применить силу непосредственно на территории Северной Кореи [Office of Historian, Volume 15, Part 1]. Таким образом, США столкнулись с дилеммой, когда им было необходимо укрепить двустороннее сотрудничество с антикоммунистическими лидерами Азии для осуществления большего контроля над их внешней политикой и при этом не давать правительствам гарантии, которые бы обязали Вашингтон пойти на прямое военное столкновение с коммунистами. Такая осторожность США вызывала негодование у Ли Сынмана, поэтому он предпринял попытки оказания давления на американское руководство, заявив о намерении вывести свои войска из Командования ООН для самостоятельной координации военных действий и выразив негодование нежеланием Вашингтона заключить с Республикой Корея договор, подобный тем, что США уже заключили с рядом других азиатских стран [Office of Historian, Volume 15, Part 1]. В сложившихся условиях, когда обстановка на Корейском полуострове накалялась все больше, госсекретарь Даллас и министр обороны Уилсон предложили Эйзенхауэру три варианта дальнейших действий США: заключить пакт о взаимной безопасности с Южной Кореей, совершить военный переворот и отстранить Ли Сынмана или вывести войска США с Корейского полуострова. Президент выбрал первый вариант и написал южнокорейскому лидеру письмо с предложением начать переговоры о двустороннем пакте о безопасности [Letter to President Syngman Rhee of Korea]. Президент Ли выразил свое согласие, но выдвинул при этом ряд условий, среди которых были требования о подписании США договора о взаимной обороне с РК до подписания договора о перемирии с Северной Кореей, предоставлении РК адекватной военной помощи для наращивания сухопутной, морской и воздушной обороны, а также экономической помощи. Кроме того, Ли дал понять, что никакие иностранные вооруженные силы не должны входить в Республику Корея с целью охраны военнопленных [Office of Historian, Volume 15, Part 2]. Несмотря на то что Договор о взаимной обороне США и РК был подписан 1 октября 1953 г., спустя два месяца после подписания Соглашения о перемирии с Северной Кореей, это

событие стало большим дипломатическим успехом Ли Сынмана. Южнокорейский лидер сумел убедить американское правительство заключить договор, который изначально не входил в планы США. Согласно соглашению, США имели право распоряжаться своими сухопутными, воздушными и морскими силами на территории Республики Корея, а в случае нападения на РК обязаны оказать ей военную помощь [Mutual Defense Treaty between the Us and RK].

Примечательно, что окончание холодной войны, стремительное экономическое развитие и переход Южной Кореи к демократическому режиму не привели к существенному сокращению американского военного присутствия в РК. Попытка США осуществить это встретила сопротивление южнокорейского правительства. Стратегический план для АТР 1990 г., также известный как Восточноазиатская стратегическая инициатива, стал очередной попыткой США сократить свое военное присутствие в регионе. Предполагалось, что США сократят количество военного контингента в Южной Корее, Японии и Филиппинах на 10—12 процентов. В случае РК этот план включал в себя сокращение американского контингента на 7 тыс. человек, назначение генерального офицера РК главой Военной комиссии по перемирию и передачу ряда оперативных задач Южной Корее в рамках изменения роли Соединенных Штатов на Корейском полуострове от ведущей к вспомогательной. Хотя первый этап был реализован, обострение северокорейского ядерного кризиса в 1991—1992 гг. привело к тому, что бывший министр обороны Дик Чейни заморозил его реализацию до разрешения кризиса [Strategic Framework for the Asian Pacific RIM].

В 1978 г. РК и США создали Командование объединенных сил (Combined Forces Command), чья роль заключается в сдерживании или при необходимости применении военной силы против внешней агрессии, направленной на РК. Под управлением Командования находится 600 тыс. человек и компоненты воздушных, наземных, военно-морских сил и объединенных сил морской пехоты. Численность воинского контингента США в РК — 28,5 тыс. человек. Во главе Командования стоит генерал США. Одним из самых важных направлений деятельности Командования является организация и проведение ежегодных совместных военных учений РК и США, крупнейшими из которых являются «Страж свободы Ульчи» (Ulchi Freedom Guardian) и «Союз» (Alliance). Обе страны проводят амбициозные мероприятия по усовершенствованию военной программы для поддержания жизнеспособной военной позиции РК при поддержке США [Combined Forces Command]. Сейчас страны активно занимаются модернизацией американских систем противоракетной обороны, размещенных на территории Южной Кореи. В октябре 2022 г. началась модернизация системы противоракетной обороны THAAD, установленной в 2017 г., для ее интеграции с противоракетными системами PAC-3 MSE (Patriot Advanced Capability-3 Missile Segment Enhancement). Предполагается, что эти шаги, направленные на улучшение оборонного потенциала РК, позволят дистанционно управлять пусковыми установками и эффективно защитить жителей страны от возможной ракетной угрозы со стороны КНДР [US Army...]. Таким образом, глядя на сферы деятельности американско-филиппинского и американско-южнокорейского альянсов, становится очевидным их основное различие: сотрудничество США с РК сконцентрировано вокруг воен-

ной угрозы КНДР, с Филиппинами — вокруг нетрадиционных угроз и вызовов безопасности.

Несмотря на то что первоначальные стимулы для укрепления военного альянса с РК потеряли для США свою ценность в связи с окончанием холодной войны и завершением идеологической борьбы с коммунистическими странами, военное присутствие в регионе позволяет Вашингтону оставаться влиятельным региональным игроком. При этом для Южной Кореи военный альянс с США по-прежнему остается важным механизмом обеспечения национальной безопасности из-за существующей экзистенциальной угрозы, которую представляет собой ракетно-ядерная программа КНДР. Северокорейская угроза остается важнейшей проблемой безопасности РК с момента разделения стран до настоящего времени.

Примечательно, что даже разногласия РК и США относительно политики в отношении Северной Кореи не становились поводом для кризиса альянса. Так, например, несмотря на разные взгляды президента Дж. Буша-младшего, внесшего КНДР в список стран «оси зла», и президентов-левоцентристов РК Ким Дэчжуна и Но Мухёна, которые реализовывали политику «солнечного тепла» в отношении Северной Кореи и добились существенного улучшения отношений двух Корей, обе стороны эффективно сотрудничали в осуществлении реконфигурации вооруженных сил США на полуострове. Так, администрации Буша и Но пришли к ограниченному пониманию стратегической гибкости, в соответствии с которой силы Вооруженных сил США могут быть развернуты для выполнения миссий за пределами полуострова и правительство Южной Кореи не обязано оказывать политическую или военную поддержку такому развертыванию [Snyder]. Таким образом, даже в момент потепления межкорейских отношений, когда альянс с США не имел такой стратегической ценности, южнокорейское правительство не стремилось существенно сократить интенсивность сотрудничества с США. Стоит учитывать, что, несмотря на традиционные разногласия южнокорейских консерваторов и левоцентристов (progressives) относительно степени зависимости страны от американской военной помощи, необходимость сохранения военного сотрудничества с США никогда не ставилась под сомнение. Роль внутренней политики Южной Кореи в ее внешней политике часто сводится к карикатуре о южнокорейских либералах, которые обычно изображаются как антиамериканские и потакающие Северной Корее, в то время как консерваторы рассматриваются как проамериканские и жесткие по отношению к Северной Корее. Эта упрощенная характеристика южнокорейских либералов послужила основой для искаженной точки зрения о южнокорейском политическом раскладе. В реальности внешняя политика южнокорейских левоцентристов в общих чертах не так сильно отличается от политики консерваторов. Оба лагеря рассматривают альянс США и РК как незыблемую основу национальной безопасности страны [Park]. Так, в Стратегии для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона 2022 г. Южная Корея в очередной раз подчеркнула важность сохранения альянса с США, назвав его основой мира и процветания не только на Корейском полуострове, но в ИТР в целом. Также в документе отмечается трансформация альянса в глобальный всеобъемлющий стратегический альянс [Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region, p. 13].

В случае Филиппин альянс с США неоднократно становился предметом дискуссий и претерпевал периоды острого кризиса. Так, бывший президент Филиппин Родриго Дутерте инициировал сокращение американо-филиппинского сотрудничества в военной сфере. Р. Дутерте был уверен, что зависимость Филиппин от США имеет негативные последствия и лишает Манилу права на реализацию самостоятельной внешней политики. Такой резкий поворот во внешнеполитическом курсе страны был также обусловлен и непоследовательностью действий администрации Барака Обамы в отношении конфликта Филиппин и КНР в ЮКМ. Филиппинцы были разочарованы политикой своего союзника во время обострения пограничного конфликта между КНР и Филиппинами в районе отмели Скарборо в 2012 г. Американское правительство отказалось предоставить им гарантии своего вмешательства и поддержки в случае военного обострения конфликта. Таким образом, Дутерте осознал острую потребность в корректировке внешнеполитического курса страны [Сведенцов, с. 66]. В 2016 г. он призвал к пересмотру Соглашения об усиленном оборонном сотрудничестве между США и Филиппинами 2014 г. и сокращению численности американских войск и совместных военных учений на Филиппинах, а позже принял решение отложить строительство военных объектов, предусмотренных Соглашением. 10 февраля 2020 г. правительство Филиппин направило в посольство США в Маниле «уведомление о расторжении» Соглашения о визитах войск между США и Филиппинами 1998 г. Примечателен тот факт, что традиционно Сенат Филиппин выступал против расширения альянса с США. Однако, когда в 2020 г. президент Дутерте выступил за расторжение Соглашения о визитах войск, Сенат большинством голосов выступил за его сохранение, что, тем не менее, не остановило президента [The Philippines: Background and U.S. Relations]. Несмотря на то что нынешний президент Филиппин Фердинанд Маркос-младший заявляет, что сотрудничество Филиппин с США — это не просто дань исторической памяти, но неотъемлемая часть Филиппин, и прикладывает всевозможные усилия для восстановления прежнего уровня консолидации альянса, его уязвимость остается реальным фактом [EWC Celebrates 75 Years...].

Бесспорно, уровень консолидации американо-филиппинского и американо-южнокорейского альянсов сильно отличается по ряду причин. Прежде всего, наличие у РК экзистенциальной угрозы в лице ядерной программы КНДР диктует ее потребность в эффективной системе обороны и усиленном сотрудничестве с США. В случае Филиппин военный потенциал страны уступает многим странам Юго-Восточной Азии. Несмотря на существование периодически обостряющегося территориального спора с Китаем и серьезный внутренний конфликт на о. Минданао, Филиппины тратят меньше процента своего ВВП на оборону [Asia-Pacific Rebalance 2025]. Таким образом, РК, являясь более сильным и стабильным государством, выстраивает последовательную политику в отношении альянса с США. Независимо от того, какая партия находится у власти, полное прекращение сотрудничества с США не рассматривается. Несмотря на то что Южная Корея жертвует своей способностью принимать внешнеполитические решения и формировать свою военную политику без оглядки на США, страна идет на этот риск ради поддержания безопасности своей страны.

Таким образом, военные альянсы США с Филиппинами и Южной Кореей по сей день сохраняют свою значимость для каждой из стран. Для США поддержание системы «оси и спиц», в которой «спицами» являются их азиатские союзники, остается необходимым условием сохранения своих позиций и статуса ведущего игрока, который стремится сформировать выгодную для себя архитектуру безопасности в ИТР. Несмотря на то что на начальном этапе США проявляли меньший интерес к двусторонним обязательствам в области безопасности, чем Филиппины и РК, со временем польза от такого сотрудничества становилась все более очевидной, а в условиях современного регионального и глобального соперничества США с КНР альянсы дают Вашингтону существенные преимущества. Так, в Индо-Тихоокеанской стратегии США 2022 г. особенно подчеркивается роль альянсов в борьбе с наращиванием потенциала КНР в ИТР. Утверждается, что давление и агрессивное поведение Китая оказывает негативное влияние на страны региона и нарушает права человека и международное право. США стремятся противостоять политике Китая и создать в регионе условия, которые бы отвечали интересам и ценностям Вашингтона и его союзников [Indo-Pacific Strategy of the United States, p. 5].

Однако в действительности подобная политика лишь повышает уровень конфликтности в регионе и провоцирует создание враждебных военных блоков. Китайская сторона неоднократно заявляла, что действия США в ИТР превращают регион в поле геополитического противостояния. В частности, глава МИД Китая Цинь Ган предрек провал Индо-Тихоокеанской стратегии США и заявил, что современная политика Вашингтона заключается в попытках формирования «тихоокеанской стратегии НАТО» и военных блоков, направленных против КНР [Chinese Foreign Minister Qin Gang...].

Российская Федерация также выступает против американской системы альянсов, настаивая на необходимости развития многостороннего и равноправного сотрудничества в регионе. Так, в Концепции внешней политики РФ 2023 г. особенно подчеркивается стремление России к формированию в регионе внеблокового сотрудничества и противодействию политике по проведению разграничительных линий [Концепция внешней политики Российской Федерации, с. 34].

Основными различиями американо-филиппинского и американо-южнокорейского альянсов остаются сферы деятельности этих союзов и степень их консолидации. Наличие у РК прямой экзистенциальной угрозы со стороны КНДР диктует необходимость не только в развитии своего собственного военного потенциала, но и в усилении военного сотрудничества с США. Таким образом, альянс Южной Кореи и США направлен на противодействие военной угрозе, исходящей от активного развития ядерного и ракетного потенциала Северной Кореи. Напротив, деятельность американо-филиппинского альянса направлена на борьбу с нетрадиционными угрозами и вызовами безопасности, что обусловлено отсутствием экзистенциальных угроз национальной безопасности Филиппин. Несмотря на затяжной внутренний конфликт на о. Минданао, а также периодически обостряющийся территориальный конфликт Республики Филиппины с Китаем, у страны нет острой потребности в увеличении государственных расхо-

дов на оборону и интенсификации военного сотрудничества с США. Следующим различием является уровень консолидации американо-филиппинского и американо-южнокорейского альянсов. Несмотря на укоренившийся стереотип о различии подходов южнокорейских консерваторов и левоцентристов к сотрудничеству с США, в действительности альянс не претерпевал никаких кризисов и фундаментальных изменений с момента основания. Напротив, сотрудничество США и РК последовательно развивалось и модернизировалось независимо от партийной принадлежности находящихся у власти президентов Южной Кореи. Это связано с тем, что реальный расклад в политике консервативных и левоцентристских партий сильно отличается от стереотипного упрощенного представления о левоцентристах как о просеверокорейских и антиамериканских радикалах и консерваторах как о проамериканских сторонниках жесткого подхода к КНДР. В действительности представители обеих партий осознают важность союза с США для обеспечения национальной безопасности РК и не стремятся поставить его под удар. На Филиппинах же существует реальная дискуссия и неоднозначное отношение к альянсу с США. История альянса двух стран состоит как из периодов активизации военного сотрудничества, так и практически полного его сокращения, которое наблюдалось при руководстве бывшего президента Филиппин Родриго Дутерте.

Библиографический список

Дикарев А. Д. Мусульмане на Филиппинах: борьба за автономию или сепаратизм? // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 2(8). С. 97—114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26620264> (дата обращения: 20.03.2023).

Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/upload/main/d01/5qxj78ge46dk6d4fprssi3uy54uctlyd/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

Сведенцов, В. Л. Политика Филиппин при президенте Родриго Дутерте // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6 (51). С. 60—74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36833399> (дата обращения: 22.03.2023).

A Strategic Framework for the Asian Pacific RIM // University of California. 01.01.1992. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.31822015339674&view=1up&seq=10> (дата обращения: 22.03.2023).

Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the Philippines on Enhanced Defense Cooperation // Department of State. 28.04. 2014. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/14-625-Philippines-Defense-Cooperation.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

Agreement Between the United States of America and the Philippines Regarding the Treatment of United States Armed Forces Visiting the Philippines // Department of State, 09.10.1998. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/107852.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

Agreement Concerning Military Bases, Manila, 14 March 1947 // International Law Studies. Vol. 45. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2158&context=ils> (дата обращения: 20.03.2023).

Asia-Pacific Rebalance 2025 // Center for Strategic and International Studies. January. 2016. URL: <https://www.ssri-j.com/MediaReport/DocumentUS/2016GreenAsiaPacificRebalance2025.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

Cha Victor. Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia // Belfer Center. October. 2010. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/powerplay-origins-us-alliance-system-asia#:~:text=%22Powerplay%22%20refers%20to%20the%20construction,over%20the%20smaller%20ally's%20actions> (дата обращения: 20.03.2023).

Chinese Foreign Minister Qin Gang slams U.S. Indo-Pacific strategy as 'encirclement' // The Hindu. 07.03.2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/chinese-foreign-minister-qin-gang-slams-us-indo-pacific-strategy-as-asian-nato-says-bound-to-fail/article66590913.ece> (дата обращения: 15.03.2023).

Combined Forces Command // United States Forces Korea. URL: <https://www.usfk.mil/About/CFC/> (дата обращения: 25.03.2023).

EWC Celebrates 75 Years of U.S.-Philippine Relations with 'Philippines Matters for America' Publication // U.S. Embassy Manila. 17.06.2022. URL: <https://ph.usembassy.gov/ewc-celebrates-75-years-of-u-s-philippine-relations-with-philippines-matters-for-america-publication/> (дата обращения: 15.03.2023).

Foreign Relations of the United States, 1949, the Far East and Australasia // Office of the Historian. 23.03.1949. Vol. 7. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v07p2/d314> (дата обращения: 15.03.2023).

Foreign Relations of the United States, 1949, the Far East and Australasia // Office of the Historian. 05.05.1949. Vol.7. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v07p2/d323> (дата обращения: 17.03.2023).

Foreign Relations of the United States, 1951, Asia and the Pacific // Office of the Historian. 26.01.1951. Vol.6. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v06p1/d6> (дата обращения: 15.03.2023).

Foreign Relations of the United States, 1951, Asia and the Pacific // Office of the Historian. 13.04.1951. Vol. 6. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v06p1/d67> (дата обращения: 17.03.2023).

Foreign Relations of the United States, 1952—1954, Korea // Office of the Historian. 08.04.1953. Vol. 15. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1/d452> (дата обращения: 15.03.2023).

Foreign Relations of the United States, 1952—1954, Korea // Office of the Historian. 08.04.1953. Vol.15. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d630> (дата обращения: 17.03.2023).

Heydarian Javad Richard. The True Significance of Pompeo's South China Sea Statement // Asia Maritime Transparency Initiative. 04.08.2020. URL: <https://amti.csis.org/the-true-significance-of-pompeos-south-china-sea-statement/> (дата обращения: 15.03.2023).

Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

Letter to President Syngman Rhee of Korea, Concerning Acceptance of the Panmunjom Armistice // The American Presidency Project. 07.06.1953. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/letter-president-syngman-rhee-korea-concerning-acceptance-the-panmunjom-armistice> (дата обращения: 20.03.2023).

Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea // American Foreign Policy 1950—1955. Vol. I and II. URL: https://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/SOFA/H_Mutual%20Defense%20Treaty_1953.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

Park S. Nathan. The Foreign Policy Outlook of South Korean Progressives: Part 2. // Korea Economic Institute. 22.02.2022. URL: <https://keia.org/the-peninsula/the-foreign-policy-outlook-of-south-korean-progressives-part-ii/> (дата обращения: 22.03.2023).

Shalom R. Stephen. Securing the U.S.-Philippine military bases agreement of 1947 // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 05.07.2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14672715.1990.10413097?needAccess=true> (дата обращения: 22.03.2023).

Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. 28.12.2022. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133 (дата обращения: 20.03.2023).

Snyder A. Scott. The US-South Korea Alliance // Council on Foreign Relations. February, 2012. URL: <https://www.cfr.org/excerpt-us-south-korea-alliance> (дата обращения: 20.03.2023).

The Philippines: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. 14.09.2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R47055.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

The 2022 National Security Strategy of the United States // The White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).

US Army, MDA ace live-fire intercept with THAAD-PAC-3 MSE combo // Defense Brief. 30.03.2022. URL: <https://defbrief.com/2022/03/30/us-army-mda-ace-live-fire-intercept-with-thaad-pac-3-mse-combo/> (дата обращения: 23.03.2023).

Wong Edward. In the Philippines, Blinken Vows to Strengthen Military Ties // The New York Times. 06.08.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/08/06/world/asia/blinken-philippines-us-asia-tensions.html> (дата обращения: 17.03.2023).

References

A Strategic Framework for the Asian Pacific RIM. *University of California, 1 January 1992.* URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.31822015339674&view=1up&seq=10> (accessed: March, 2023).

Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the Philippines on Enhanced Defense Cooperation. *Department of State, 28 April 2014.* URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/14-625-Philippines-Defense-Cooperation.pdf> (accessed: March, 2023).

Agreement Between the United States of America and the Philippines Regarding the Treatment of United States Armed Forces Visiting the Philippines. *Department of State, 9 October 1998.* URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/107852.pdf> (accessed: March, 2023).

Agreement Concerning Military Bases. Manila, 14 March 1947, *International Law Studies.* Vol. 45. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2158&context=ils> (accessed: March, 2023).

Asia-Pacific Rebalance 2025, *Center for Strategic and International Studies. January, 2016.* URL: <https://www.ssri-j.com/MediaReport/DocumentUS/2016GreenAsiaPacificRebalance2025.pdf> (accessed: March, 2023).

Cha Victor (2010). Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia, *Belfer Center.* URL: <https://www.belfercenter.org/publication/powerplay-origins-us-alliance-system-asia#:~:text=%22Powerplay%22%20refers%20to%20the%20construction,over%20the%20smaller%20ally's%20actions> (accessed: March, 2023).

Chinese Foreign Minister Qin Gang slams U.S. Indo-Pacific strategy as ‘encirclement’, *The Hindu*, 7 March 2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/chinese-foreign-minister-qin-gang-slams-us-indo-pacific-strategy-as-asian-nato-says-bound-to-fail/article66590913.ece> (accessed: March, 2023).

Combined Forces Command. United States Forces Korea. URL: <https://www.usfk.mil/About/CFC/> (accessed: March, 2023).

Dikarev A. D. (2016). Musulmane na Filippinah: borba za avtonomiyu ili separatizm? [Muslims in the Philippines: the struggle for autonomy or separatism?], *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world*. No 2(8):97—114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26620264>

EWC Celebrates 75 Years of U.S.-Philippine Relations with ‘Philippines Matters for America’ Publication. *U.S. Embassy Manila*, 17 June 2022. URL: <https://ph.usembassy.gov/ewc-celebrates-75-years-of-u-s-philippine-relations-with-philippines-matters-for-america-publication/> (accessed: March, 2023).

Foreign Relations of the United States, 1949, the Far East and Australasia. *Office of the Historian*, 23 March 1949. Vol.7. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v07p2/d314> (accessed: March, 2023).

Foreign Relations of the United States, 1949, the Far East and Australasia. *Office of the Historian*, 05 May 1949. Vol.7. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v07p2/d323> (accessed: March, 2023).

Foreign Relations of the United States, 1951, Asia and the Pacific. *Office of the Historian*, 26 January 1951. Vol. 6. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v06p1/d6> (accessed: March, 2023).

Foreign Relations of the United States, 1951, Asia and the Pacific. *Office of the Historian*, 13 April 1951. Vol. 6. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v06p1/d67> (accessed: March, 2023).

Foreign Relations of the United States, 1952—1954, Korea. *Office of the Historian*. 8 April 1953. Vol.15. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p1/d452> (accessed: March, 2023).

Foreign Relations of the United States, 1952—1954, Korea. *Office of the Historian*, 8 April 1953. Vol.15. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d630> (accessed: March, 2023).

Heydarian Javad Richard (2010). The True Significance of Pompeo’s South China Sea Statement. *Asia Maritime Transparency Initiative*. URL: <https://amti.csis.org/the-true-significance-of-pompeos-south-china-sea-statement/> (accessed: March, 2023).

Indo-Pacific Strategy of the United States. *The White House*, February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: March, 2023).

Letter to President Syngman Rhee of Korea, Concerning Acceptance of the Panmunjom Armistice. *The American Presidency Project*, 7 June 1953. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/letter-president-syngman-rhee-korea-concerning-acceptance-the-panmunjom-armistice> (accessed: March, 2023).

Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea. *American Foreign Policy 1950—1955*. Vol. I and II. URL: https://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/SOFA/H_Mutual%20Defense%20Treaty_1953.pdf (accessed: March, 2023).

Park S. Nathan (2022). The Foreign Policy Outlook of South Korean Progressives: Part 2. *Korea Economic Institute*. URL: <https://keia.org/the-peninsula/the-foreign-policy-outlook-of-south-korean-progressives-part-ii/> (accessed: March, 2023).

Shalom R. Stephen (2019). Securing the U.S.-Philippine military bases agreement of 1947. *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14672715.1990.10413097?needAccess=true> (accessed: March, 2023).

Snyder A. Scott (2012). The US-South Korea Alliance. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/excerpt-us-south-korea-alliance> (accessed: March, 2023).

Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, 28 December 2022*. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133 (accessed: March, 2023).

Svedencov V. L. (2018). Politika Filipin pri prezidente Rodrigo Duterte [Politics of the Philippines under President Rodrigo Duterte], *Problems of National Strategy*. No 6(51): 60–74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36833399> (accessed: March, 2023).

The foreign policy concept of the Russian Federation 2023. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 31 March 2023*. URL: <https://www.mid.ru/upload/main/d01/5qxj78ge46dk6d4fprssi3uy54uctlyd/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf> (accessed: March, 2023).

The Philippines: Background and U.S. Relations. *Congressional Research Service, 14 September 2022*. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R47055.pdf> (accessed: March, 2023).

The 2022 National Security Strategy of the United States. *The White House, 12 October 2022*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: March, 2023).

US Army, MDA ace live-fire intercept with THAAD-PAC-3 MSE combo. *Defense Brief, 30 March 2022*. URL: <https://defbrief.com/2022/03/30/us-army-mda-ace-live-fire-intercept-with-thaad-pac-3-mse-combo/> (accessed: March, 2023).

Wong Edward (2022). In the Philippines, Blinken Vows to Strengthen Military Ties. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2022/08/06/world/asia/blinken-philippines-us-asia-tensions.html> (accessed: March, 2023).

Поступила в редакцию: 27.03.2023

Received: 27.03.2023

Принята к публикации: 22.04.2023

Accepted: 22.04.2023

Р.Р. Калинин

Космическая программа Южной Кореи: аспекты международной безопасности

Аннотация. Южная Корея рассматривает космическую деятельность в качестве одного из приоритетных направлений обеспечения благосостояния и безопасности страны. Мирная космическая программа тесно связана с интересами национальной безопасности. В ноябре 2022 г. администрация Юн Сок Ёля озвучила масштабные инициативы по освоению Луны в 2032 г. и Марса в 2045 г. Развитие космической деятельности также зафиксировано в 120 задачах национальной политики нынешней администрации. В ближайших планах Южной Кореи вывод на орбиту группировки разведывательных спутников, создание национальной навигационной системы к 2035 г. Кроме того, Южная Корея активно влетается в систему космической безопасности США. По итогам саммита между президентом США Дж. Байденом и президентом Республики Корея Юн Сок Ёлем в Вашингтоне было объявлено о создании «космического союза» между двумя державам¹. Большие космические планы Южной Кореи реализуются в интересах безопасности страны и связаны с реагированием на угрозы со стороны КНДР. В результате Южная Корея, будучи сравнительно молодой, но амбициозной космической державой, сталкивается с выбором между ответственным поведением и удовлетворением геополитических интересов. В условиях принятия Южной Кореи в Большой космический клуб приобретает актуальность изучение влияния космической программы страны на международную безопасность.

Ключевые слова: Южная Корея, международная безопасность, космос, New Space, Большой космический клуб.

Автор: Калинин Роман Ренатович, аспирант, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, стажер ПИР-Центр. ORCID: 0000-0001-8495-2196. E-mail: kalininrr95@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Калинин Р.Р. Космическая программа Южной Кореи: аспекты международной безопасности // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 60–71. DOI: 10.48647/ICCA.2023.87.51.015.

¹ Yoon voices hope for 'space alliance' between S. Korea, U.S. // Yonhap URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230426000800315?section=national/diplomacy> (дата обращения: 29.04.2023).

R.R. Kalinin

South Korea's space program: aspects of international security

Abstract. South Korea considers space as a vital security and economic domain. In November 2022 President Yoon Suk-yeol announced ambitious plans on Moon and Mars exploration. The development of space activities is also listed in the current administration's «120 tasks» to achieve national policy objectives. In the near future, South Korea plans to build a constellation of reconnaissance satellites, and to create a national positioning system by 2035. South Korea's immediate plans include deploying a constellation of reconnaissance satellites into orbit and creating a national navigation system by 2035. In addition, South Korea is actively intertwined with the U.S. space security system. A summit between U.S. President Biden Jr. and Korean President Yoon Suk-yeol in Washington announced the creation of a “space alliance” between the two powers.

These projects are closely related to the realization of national security interests and responding to the threat from the DPRK. As a result, South Korea as a relatively young but aspirational member of The Big Space Club¹ faces a choice between behaving responsibly and satisfying geopolitical interests. Its space ambitions make relevant studying the impact of the country's space program on international security.

Keywords: South Korea, international security, space, New Space, The Big Space Club.

Author: Roman R. KALININ, PhD student, Department of World Politics, Lomonosov Moscow State University, intern, PIR-Center.
ORCID: 0000-0001-8495-2196. E-mail: kalininrr95@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kalinin R.R. (2023). Kosmicheskaya programma Yuzhnoj Korei: aspekty mezhdunarodnoj bezopasnosti [South Korea's space program: aspects of international security]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 60–71. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2023.87.51.015.

Южная Корея и мирный космос

Республика Корея является молодой и перспективной космической державой. 30 января 2013 г. ракета-носитель KSLV-1 успешно вывела космический аппарат (далее — КА) TSAT-2C на орбиту, что позволило стране войти в Большой космический клуб [An H.J., 2020]. Имеющийся мощный научно-технологический потенциал позволяет Южной Корее влиться во все современные тренды в освоении космоса.

История развития современной космической программы Южной Кореи началась в период холодной войны. Однако успех ракетно-космической деятельности был заложен еще в XIV в., когда ученый Чхе Му Сон добыл из Китая рецепт пороха. С помощью последнего была создана установка запуска огненных стрел *сингичжон*, использованная в борьбе с японскими пиратами [Pak Son Re., 2005].

¹ The Big Space Club is an informal association of states that have nationally demonstrated technology of space flights Read more: Afanasyev I.B., Lavrenov Bolshoi Kosmicheskyyi Club [A. Big Space Club]. — *Novosti kosmonavтики*, 2006 (In Rus.).

В дальнейшем разработки Чхве Му Сона применялись для создания более крупной установки, которая считается прототипом двухступенчатой ракеты. Ею устранили противников в период династии Чосон [Choi Joon-Min, 2014].

В XX в. в Южной Корее зарождалась современная космическая отрасль. В 1970-е годы президент Пак Чон Хи продвигал идею военного усиления своей страны, которая заключалась в обретении ядерного оружия и средств его доставки — твердотопливных ракет [Дьячков, 2014].

Переход к мирной космической программе был обусловлен несколькими факторами: *во-первых*, бурным экономическим ростом страны и существенным вложением средств в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР); *во-вторых*, противодействием развитию национального компонента ракетно-ядерной программы Южной Кореи со стороны США и, наконец, убийством в 1979 г. вдохновителя ядерной программы — Пак Чон Хи [Simon, 1994].

В октябре 1989 г. был создан Корейский авиакосмический исследовательский институт KARI (Korea Aerospace Research Institute)¹, а также Центр по исследованию спутников SaTReC (Satellite Research Center) в Корейском институте передовых технологий KAIST (Korea Advanced Institute of Science and Technology) и провайдер телекоммуникационных услуг КТ (Korea Telecom). Эта система институтов вскоре будет дополнена центральным звеном. Для координации космической деятельности нынешний президент Юн Сок Ёль принял решение о создании национального космического агентства KASA наподобие американского НАСА (Korea Aerospace Administration (KASA))².

Основным игроком в космической отрасли страны является государство, которое осуществляет финансирование и планирование космической деятельности, развивает имидж Южной Кореи как ответственной космической державы [Choi Joon-Min, 2014]. В 1967 г. Южная Корея подписала Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. В 2001 г. страна присоединилась к режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ)³.

Важность космической сферы для развития страны фиксируется в ключевых документах политического планирования Южной Кореи. Президент Юн Сок Ёль в рамках своей национальной стратегии развития из 120 задач выделяет создание новой отраслевой инновационной системы⁴. В частности, цель 79 называется «Прыжок вперед в качестве космической державы и открытие космической эры в Корее»⁵, что подразумевает развитие частной инициативы в космической

¹ History Korea Aerospace Research Institute // Korea Aerospace Research Institute URL: https://www.kari.re.kr/eng/sub01_04.do (дата обращения: 12.02.2021).

² Seoul and Washington Set up Springboard for 'Space Alliance' // KBS World URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&id=Po&Seq_Code=177392&page=0 (дата обращения: 24.04.2023).

³ Members of the Missile Technology Control Regime // Missile Technology Control Regime [Electronic Source] URL: <https://mtrc.info/partners/> (дата обращения: 14.02.2021).

⁴ Yoon administration announces 6 policy goals, 120 tasks // Korea. Net URL: <https://eng.president.go.kr/> (дата обращения: 29.04.2023).

⁵ Ibidem.

сфере, создание инфраструктуры, а также разработку ракет и собственной навигационной системы для обеспечения безопасности страны. Как следует из документа, экономические и инновационные цели неизменно соседствуют с необходимостью обеспечения безопасности страны.

Согласно Третьему плану по продвижению развития аэрокосмической отрасли, Южная Корея намерена произвести запуск первого коммерческого спутника в 2026 г., перейти к реализации лунной программы, создать собственную навигационную спутниковую систему KPS (Korea Positioning System)¹. В октябре 2020 г. южнокорейская телекоммуникационная компания KT SAT впервые продемонстрировала гибридный маршрутизатор для спутника с технологией 5G².

В среднесрочной перспективе для усиления своей экономики Южная Корея активно планирует привлечение в космическую отрасль частного сектора. В стране уже ведутся работы над созданием частной космической компании, основанной на разработках Корейского института аэрокосмических разработок (KARI), и активно интересуется идеей «Космос 4.0», согласно которой космические технологии будут служить основой для решения глобальных проблем и создания условий для устойчивого развития³. В рамках Корейского космического форума 2020 г. ученые из Южной Кореи совместно с коллегами из разных стран обсудили идею «нового космоса» (New Space) как глобальной индустрии частных компаний и предпринимателей, нацеленных на коммерческую деятельность в космосе⁴.

В результате серьезного импульса со стороны государства 21 июня 2022 г. состоялся успешный пуск ракеты KSLV-2 («Нури-2») собственной разработки. В ноябре 2022 г. администрация Юн Сок Ёля озвучила планы по созданию более мощной ракеты, освоению Луны и Марса⁵. Это позволит стране вывести индустрию коммерческих пусков на международный уровень.

Космос и интересы национальной безопасности Республики Корея

Мирный характер космической деятельности сочетается с мерами, направленными на укрепление национальной безопасности страны. В первой опубликованной Белой книге по обороне 1988 г. цели освоения космоса не заявля-

¹ Third Master Plan for Promotion of Aerospace Development // KARI. URL: https://www.kari.re.kr/cop/bbs/BBSMSTR_00000000031/selectBoardArticle.do?jsessionid=779C434B3F9EE3FDAA84C35D6E708D48?ntId=7184&kind=&mno=sitemap_02&pageIndex=1&searchCnd=&searchWrd= (дата обращения: 13.02.2021).

² KT SAT Showcases World's First Satellite-5G Router Connectivity // KT SAT. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/kt-sat-showcases-worlds-first-satellite-5g-router-connectivity-301139992.html> (дата обращения: 14.02.2021).

³ Korea Space Forum 2020 // Korea Space Forum URL: <https://spaceforum.kr/> (дата обращения: 14.02.2021).

⁴ Ibid.

⁵ President wants to put flag on Mars by 2045 under space economy plan // Korea.Net. URL: <https://www.korea.net/> (accessed: 24.01.2023).

лись [Kwon, Song, 1989]. В новом тысячелетии развитие космического пространства стало неотъемлемой частью создания вооруженных сил (далее — ВС) современного образца. Кроме того, космос стал рассматриваться как необходимый элемент независимого оборонного потенциала [Арбатов, Дворкин, 2009].

В Белой книге по обороне 2008 г. в качестве основы структуры ВС будущего названо развитие средств наблюдения/рекогносцировки в окрестностях Корейского полуострова, а также развитие высокоточного оружия большой дальности¹. В Белой книге по обороне 2010 г. исследования аэрокосмического пространства и спутниковой навигации значатся в приоритете Агентства по развитию обороны (Agency for Defense Development). Данная цель заявлена в рамках усиления экспорта военных технологий².

При администрации Мун Чжэ Ина была объявлена Военная реформа 2.0, что стало продолжением реформ по созданию армии современного образца, начатых в 2005 г. В рамках реформы в Белой книге по обороне 2018 г. отмечалось, что целью преобразований является создание ВС, способных отвечать на разноплановые угрозы национальной безопасности с помощью элитных подразделений, использующих передовые технологии³.

Анализ реформ южнокорейских вооруженных сил демонстрирует, что возможности космического пространства будут использованы для реагирования на угрозу, в том числе ядерную, со стороны КНДР [A. Cordesman].

Избранный в 2022 г. президент от правых сил Юн Сок Ёль выступил за усиление альянса с США⁴ и возрождение «трех столпов» обороны: Kill Chain (стратегия превентивного удара), KAMD (Korea Air and Missile Defense — ПВО и ПРО Кореи) и KMPR (Korea Massive Punishment and Retaliation — Корейская стратегия широкомасштабного ответного карательного удара)⁵. Космические разработки в сочетании с доктриной превентивного удара по КНДР (Kill Chain) повышают риск конфликта на Корейском полуострове⁶.

В 1979 г. Южная Корея и США подписали Меморандум о взаимопонимании 1979 г., согласно которому вводились ограничения на дальность и полезную на-

¹ Defense White Paper 2008 // Ministry of National Defense. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/155624/South_Korea_2008_eng.pdf (accessed: 06.01.2022).

² Defense White Paper 2010 // Ministry of National Defense. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/155720/South_Korea_2010_eng-1.pdf (accessed: 06.01.2022). P. 60.

³ Defense White Paper 2018 // Ministry of National Defense. URL: https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblicitn/PBLICTNEBOOK_201908070153390840.pdf (accessed: 06.01.2022).

⁴ Cho J. What conservative Yoon Seok-yeol's win as South Korea's president means for US-North Korea relations // ABC News. 09.03.2022. Available at: <https://abcnews.go.com/International/conservative-yoon-wins-south-koreas-presidential-election/story?id=83345740> (дата обращения: 22.07.2023).

⁵ Воронцов А. Период военно-политической стабильности на Корейском полуострове приближается к завершению // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20.05.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/period-stabilnosti-na-koreyskom-poluostrove/> (дата обращения: 22.07.2022).

⁶ Defense Ministry changes terminology for “three-axis system” of military response // Hankyoreh. URL: <http://english.hani.co.kr/> (accessed: 14.01.2023).

грузку южнокорейских ракет [Pinkston, 2012]. Впоследствии условия ограниченный пересматривались в пользу увеличения дальности и полезной нагрузки. В 2021 г. во время саммита президентов Южной Кореи и США стороны объявили об отмене Руководящих принципов¹. Этот шаг вызывает опасения, поскольку создание собственных высокоточных ракет в неядерном оснащении может негативно повлиять на хрупкий баланс сдерживания на Корейском полуострове. В 2021 г. заместитель советника президента Мун Чжэ Ина по национальной безопасности Ким Хён Чжон отмечал, что пересмотр Руководящих принципов позволит Южной Корее ускорить космическую программу посредством создания твердотопливных ракет-носителей. Так как стоимость твердого топлива существенно ниже жидкого, это позволит Южной Корее чаще запускать спутники для зондирования Корейского полуострова в интересах безопасности страны². Однако те же самые технологии могут быть использованы для создания ударных ракет.

С 1980-х годов продолжается разработка ракет серии «Хёнму». Ряд экспертов опасается, что Южная Корея воспользуется снятием ограничений на ракетную программу 1979 г. для создания спектра ракет различной дальности, которые могут применяться в потенциальном военном конфликте. В частности, опасения вызывает возможность в перспективе использовать южнокорейскую ракетную программу в рамках альянса США—Южная Корея для противостояния с КНДР и Китаем [Panda, 2021].

В среднесрочной перспективе одной из главных целей космической программы Южной Кореи является наращивание спутниковой группировки. На сегодняшний день качество спутниковых снимков³ позволяет получать разведданные, которые могут быть ценны для быстрого принятия решений в условиях конфликта. Следовательно, крупная спутниковая группировка может быть использована для реализации доктрины Kill Chain и снизить зависимость от США в сфере получения разведданных⁴.

Южная Корея уже озвучила планы вывода на орбиту спутников-шпионов для наблюдения за КНДР⁵. Всего за 1992—2021 гг. страна вывела на орбиту 32 спутника⁶. В июле 2020 г. был произведён запуск первого спутника военного

¹ S. Korea, U.S. agree to end bilateral missile guidelines. URL: en.yna.co.kr (дата обращения: 05.07.2021).

² South Korea to have solid-fuel rockets in major deal with US // Defense News [Electronic Source]. URL: <https://www.defensenews.com> (дата обращения: 16.02.2021).

³ Лаворов А. «Новая эра: как коммерческие спутниковые снимки меняют современную войну» // ЦАСТ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IJa-uEjZDKQ> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ South Korea launches first satellite with homegrown rocket // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/south-korea-launches-first-satellite-homegrown-rocket-rcna34679> (дата обращения: 23.03.2023).

⁵ South Korea Says It Will Launch Spy Satellites as Missile Deal Is Revised // The New York Times Company. URL: <https://www.nytimes.com/2020/07/28/world/asia/south-korea-satellites-rockets.html#:~:text=South%20Korea%20has%20no%20military,satellites%20to%20monitor%20North%20Korea> (дата обращения: 14.02.2021).

⁶ Satellites by countries & organizations // N2YO.com. (URL: <https://www.n2yo.com/satellites/?c=SKOR&t=country>) (дата обращения: 13.02.2023).

назначения ANASIS 2 (Army/Navy/Air Force Satellite Information System 2)¹. Его разработкой занималось оборонное подразделение Airbus Group. Спутник был выведен на орбиту ракетой Falcon 9 компании SpaceX². Ранее, в 2006 г., Южная Корея уже вывела на орбиту спутник двойного назначения Koreasat-5, который обеспечивал закрытый канал связи между военным и гражданским операторами³.

Дальнейшее производство спутников, предназначенных в том числе для военных целей, возможно в рамках сотрудничества с франко-итальянской компанией Thales Alenia Space. В 2018 г. она заключила контракты с южнокорейской аэрокосмической и оборонной компанией KAI (Korea Aerospace Industries) и компанией Hanwha Systems Corporation на разработку спутниковой группировки для дистанционного зондирования Земли для нужд обороны Южной Кореи⁴. На инициативу под кодовым названием «Проект 425» южнокорейское правительство выделило 888 млн долл. В планах обозначен запуск группировки из пяти спутников в 2023 г.⁵

Еще одной целью южнокорейской космической программы является создание национальной навигационной системы KPS (Korean Positioning System), которая рассматривается как аналог американской системы GPS с возможностью их совместимости. В 2021 г. Министерство науки и информационно-телекоммуникационных технологий объявило о планах по созданию площадки для наземных испытаний, а запуск самой системы из семи навигационных спутников рассчитывали произвести в 2034 г.⁶ Известно, что KPS будет обеспечивать группировка из восьми спутников, первый из которых планируется к запуску в 2027 г.⁷ Безопасность является одной из приоритетных целей данного проекта, поскольку в Южной Корее опасаются возможного отключения от американской системы GPS в случае возникновения конфликта с КНДР⁸.

¹ ANASIS 2 (KMilSatCom 1, URC-700K, Koreasat 116) // Gunter's Space Page. URL: https://space.skyrocket.de/doc_sdat/anasis-2.htm (дата обращения: 13.02.2021).

² Первая ступень ракеты Falcon 9 приземлилась на плавучую платформу // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/718242> (дата обращения: 13.02.2021).

³ Спутник связи. KoreaSat 5 // Ecorospace.ME. URL: <https://ecorospace.me/KoreaSat+5.html> (дата обращения: 13.02.2021).

⁴ Thales Alenia Space will support Korean Aerospace industry for the development of a constellation earth observation radar satellites // Thales Alenia Space. URL: <https://www.thalesgroup.com/en/worldwide/space/press-release/thales-alenia-space-will-support-korean-aerospace-industry> (дата обращения: 13.02.2021).

⁵ Thales Alenia Space signs contracts for South Korea's military radar constellation // Spacetech Asia. URL: <https://www.spacetechasia.com/thales-alenia-space-signs-contracts-for-south-koreas-military-radar-constellation/> (дата обращения: 13.02.2021).

⁶ Korea will launch its own satellite positioning system // GPS World. URL: <https://www.gpsworld.com/korea-will-launch-its-own-satellite-positioning-system/> (дата обращения: 16.02.2021).

⁷ Immediate opportunities from the Korea Positioning System (KPS) project // Intralink. URL: <https://www.intralinkgroup.com/en-GB/Latest/Blog/December-2022/Opportunities-from-the-Korea-Positioning-System> (дата обращения: 23.04.2023).

⁸ S. Korea to Build 'Korean Positioning System' by Putting Up Seven GPS Satellites // Businesskorea. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=20414> (дата обращения: 16.02.2021).

С точки зрения рисков для международной безопасности намерения Южной Кореи создать крупную спутниковую группировку мониторинга за Корейским полуостровом в сочетании с развитием ракетных технологий может привести к формированию иллюзии превосходства неядерной военной мощи страны над ядерным сдерживанием КНДР. Как отмечает датский военный эксперт Я. Боуэрс, эта иллюзия может повлечь преднамеренное или непреднамеренного использование обычных вооружений для поражения ядерных сил противника [I. Bowers, 2022].

Сотрудничество с США в сфере космической безопасности

Развитие сотрудничества с США в сфере космической безопасности делает Южную Корею частью глобального противостояния ведущих космических держав. Стратегия обороны в космическом пространстве США 2020 г. рассматривает РФ и КНР в качестве стратегических угроз и ставит задачу обретения космического превосходства в ближайшие 10 лет¹. В 2019 г. Д. Трамп впервые в истории США с 1947 г. объявил о создании отдельного вида ВС — Космических сил, бюджет которых в 2023 г. уже насчитывает 23 млрд. долл.²

Союзнические связи Южной Кореи и США продолжают укрепляться и отвечают целям космической безопасности Вашингтона. О развитии сотрудничества в области освоения космоса говорится в дипломатической Белой книге 2021 г.³ С 2017 г. министерства обороны двух стран проводят командно-штабные учения для совместного реагирования на космические угрозы⁴. Кроме того, с 2016 г. на Корейском полуострове размещены элементы американской ПРО ТНААД⁵, которые по мнению китайской стороны могут идентифицировать пуски китайских ракет с помощью мощного радара [Ермаков, 2017].

В конце 2022 г. было создано командование Космических сил США в Корее (SPACEFOR-KOR), которое будет заниматься поддержкой систем позиционирования, спутниковой связи, предупреждения о ракетном нападении⁶. Подобные

¹ Defense Space Strategy Summary 2020 // US Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/> (accessed: 15.01.2023).

² Pentagon Prepares to Release Unclassified Space Strategy // GovCIO. URL: <https://governmentciomedia.com/pentagon-prepares-release-unclassified-space-strategy> (24.04.2023).

³ Diplomatic White Paper 2021 // Ministry Foreign Affairs. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do (accessed: 6.01.2023).

⁴ Joint Communique? of the 49 ROK-U.S. Security Consultative Meeting // Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/20171028-Joint-Communique-OSD-MND-October-17-Final-version.pdf> (accessed: 06.01.2023).

⁵ Theater High Altitude Area Defense (ТНААД) является системой заатмосферного перехвата, теоретически способной атаковать спутники на околоземной орбите и на более высоких при усиленном бустере Подробнее: Chapter 2: Chinese Perspectives on Space Weapons // American Academy of Arts and Science. URL: <https://www.amacad.org/publication/russian-and-chinese-responses-us-military-plans-space/section/4> (accessed: 15.01.2023).

⁶ Space Force's Korea Component Stands Up, Citing 'Existential' Threat From North Korea // Air & Space Forces Magazine. URL: <https://www.airandspaceforces.com> (accessed: 06.01.2023).

структуры создаются и в других странах, что отвечает стратегии национальной безопасности США.

Помимо сотрудничества в сфере технологий и обмена информацией США и Южная Корея активно работают над созданием правил и норм космической деятельности, которые также зачастую направлены на реализацию собственных интересов. 25 апреля 2023 г. Юн Сок Ёль и вице-президент США К. Харрис, курирующая космическую отрасль, совместно посетили Центр космических полетов НАСА. В заявлении К. Харрис по итогам встречи отмечено, что партнерство США и Южной Кореи в космической сфере будет иметь глобальный охват, и стороны работают над созданием международных правил и норм для мирного и ответственного использования космоса¹. В мае 2021 г. Южная Корея присоединилась к программе НАСА по освоению Луны «Артемида», подписав соответствующие соглашения², и озвучила свой план по высадке на Луну в 2032 г.³ Тем не менее ряд экспертов полагают, что «соглашения Артемиды» — это попытка США перенести «порядок, основанный на правилах», на всю Солнечную систему. К примеру, в КНР и РФ опасаются, что за ними может скрываться стремление США к «отчуждению» Луны и других космических тел⁴. Южная Корея как союзник США может стать бенефициаром этого сотрудничества, однако рискует столкнуться с противодействием со стороны других крупных космических держав.

* * *

Реализация собственной космической программы Южной Корея является частью долгосрочной национальной стратегии по обеспечению экономических интересов и интересов национальной безопасности страны. Успешный запуск ракеты собственной разработки «Нури-2» в 2022 г. придал импульс космической отрасли. Администрация Юн Сок Ёля зафиксировала развитие космической сферы в 120 задачах национального строительства. Задача 79 подразумевает развитие частной инициативы в космической сфере, создание инфраструктуры, а также разработку ракет и национальной навигационной системы для обеспечения безопасности страны. В рамках этой задачи Южная Корея работает над развитием концепции «нового космоса» (New Space) и создает условия для развития частных компаний и предпринимателей, нацеленных на коммерческую деятельность в космосе, планирует создать более мощную ракету-носитель для развития

¹ Remarks by Vice President Harris and President Yoon Suk Yeol of the Republic of Korea During a Visit to NASA Goddard Space Flight Center // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/25/remarks-by-vice-president-harris-and-president-yoon-suk-yeol-of-the-republic-of-korea-during-a-visit-to-nasa-goddard-space-flight-center/> (дата обращения: 29.04.2023).

² South Korea signs Artemis Accords, aims for moon by 2030. URL: <https://www.space.com/south-korea-artemis-accords-moon-exploration>(дата обращения 05.07.2021)

³ South Korean leader eyes “landing on moon in 2032, Mars in 2045” // SpaceNews. URL: <https://spacenews.com/134853-2/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ «Соглашения Артемиды»: как США формируют новый космический альянс // РСМД. URL: <https://russiacouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/sandbox/soglasheniya-artemidy-ka-k-ssha-formiruet-novyy-kosmicheskiy-alyans/> (дата обращения: 24.04.2023).

коммерческих пусков и, таким образом, войти в семерку крупнейших космических держав.

Тем не менее в условиях нарастания межкорейских противоречий, как отмечает российский кореевед К.В. Асмолов, планы мирного освоения космоса могут быть ширмой для реализации оборонных проектов [К. Асмолов, 2022]. Исследование мирного и военного компонентов космической программы Южной Кореи позволят выделить ряд рисков для международной безопасности. *Во-первых*, развитие концепции интегрированного противоборства с использованием космических технологий усиливает дилемму безопасности на Корейском полуострове и может повлечь иллюзию превосходства неядерной державы (Южной Кореи) над ядерной (КНДР). *Во-вторых*, создание коалиции космических держав во главе с США вносит раскол в систему международной космической безопасности. Такие инициативы, как размещение на юге Корейского полуострова элементов системы ПРО THAAD, создание командования Космических сил США в Корее (SPACEFOR-KOR) и реализация международно-правовых инициатив, направленных исключительно на обеспечение интересов США и их союзников, могут быть негативно восприняты другими ведущими космическими державами.

Негативных сценариев можно избежать в рамках ответственного подхода к космической деятельности. Как участник основополагающих режимов по обеспечению космической безопасности, Южная Корея не должна становиться заложником гонки вооружений в космосе и следовать принципу равной и неделимой космической безопасности.

Библиографический список

Асмолов К.В. Юн Сок Ель собирается осваивать Марс или начинает «звездные войны»? // Новое Восточное Обозрение. URL: <https://journal-neo.org/ru/2022/12/11/yun-sok-el-sobiraetsya-osvaivat-mars-ili-nachinaet-zvezdny-e-voyny> (дата обращения: 08.01.2022).

Афанасьев И. Б., Лавренов А. Большой космический клуб. М: Новости космонавтики, 2006. 256 с.

Дьячков И.В. Эволюция северокорейской ядерной программы в контексте ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии : 2-я половина XX — начало XXI вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Дьячков Илья Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. М., 2014. 224 с.

Ермаков А.С. Комплексы раздора // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompleksy-razdora/> (дата обращения: 23.07.2022).

Космос: оружие, дипломатия, безопасность // под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009. 175 с.

A. Panda Solid Ambitions: The U.S.—South Korea Missile Guidelines and Space Launchers // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/08/25/solid-ambitions-u.s.-south-korea-missile-guidelines-and-space-launchers-pub-82557> (дата обращения: 14.02.2021).

An H. J. South Korea's Space Program: Activities and Ambitions // *Asia Policy*, 2020. Vol. 27. №. 2. Pp. 34—42.

Bowers I. Counterforce Dilemmas and the Risk of Nuclear War in East Asia // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 2022. Vol. 5. № . sup1. P. 6—23. DOI 10.1080/25751654.2022.2064153

Choi Joon-Min Perspective on Korean Space Technology Development Programs // *Space Technology Development: Effects on National Security and International Stability*. Seoul: Asan Institute for Policy Studies. 2014. 104 p.

Choi Joon-Min Perspective on Korean Space Technology Development Programs // *Space Technology Development: Effects on National Security and International Stability*. Seoul: Asan Institute for Policy Studies, 2014. Pp. 67—97.

Cordesman A. H. Korean Peninsula Military Modernization Trends // *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, 2016.

Kwon T. Y., Song Y. S. The First ROK Defense White Paper: Its Significance and Important Contents // *The Korean Journal of Defense Analysis*, 1989. Vol. 1. № . 1. P. 193—211.

Pak Son-nae Science and technology in Korean history: Excursions, Innovations, and Issues // Jain Publishing Company, 2005. 313 p.

Pinkston D. The New South Korean Missile Guidelines and Future Prospects for Regional Stability // *International Crisis Group*, 2012. Vol. 25.

Simon D. F., Son C. Korea's technological development // *The Pacific Review*, 1994. Vol. 7. №. 1. Pp. 89—103.

References

Asmolv K.V. Yoon Suk-yeol's space mission to Mars or a new era of Star Wars, *New Eastern Outlook*. URL: <https://journal-neo.org/2022/12/11/yoonsuk-yeols-space-mission-to-mars-or-a-new-era-of-star-wars> (accessed: 08 January, 2023).

Afanas'ev I. B., Lavrenov A. (2006). Bol'shoj kosmicheskij klub [The Big Space Club], *Novosti kosmonavтики*. (In Russian).

Dyachkov I. V. (2014) Evolyuciya severokorejskoj yadernoj programmy v kontekste yadernogo neraspromstraneniya v Severo-Vostochnoj Azii (2-ya polovina XX — nachalo XXI vv.) [Evolution of North Korea's Nuclear Program in the Context of Nuclear Nonproliferation in Northeast Asia (Second Half of the Twentieth and Early Twenty-First Centuries)]. (In Russian).

Ermakov A. S. Kompleksy razdora [Systems of discord], RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompleksy-razdora/> (accessed: 23.July.2022). (In Russian).

Kosmos: oruzhie, diplomatiya, bezopasnost [Space: arms, diplomacy, security], Ed. By A.G. Arbatova, V.Z. Dvorkina. Moscow, ROSSPEN, 2009 (In Russian).

Panda, A. Solid Ambitions: The U.S.—South Korea Missile Guidelines and Space Launchers, *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/08/25/solid-ambitions-u.s.-south-korea-missile-guidelines-and-space-launchers-pub-82557> (accessed: 14 February 2021).

An H. J. (2020). South Korea's Space Program: Activities and Ambitions, *Asia Policy*, Vol. 27, No. 2: 34—42.

Bowers I. (2022). Counterforce Dilemmas and the Risk of Nuclear War in East Asia, *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, Vol. 5, No. sup1: 6—23.

Choi Joon-Min (2014). Perspective on Korean Space Technology Development Programs, *Space Technology Development: Effects on National Security and International Stability*, Ed. By Park Jiyoung, Seoul, Asan Institute for Policy Studies.

Choi Joon-Min (2014). Perspective on Korean Space Technology Development Programs, *Space Technology Development: Effects on National Security and International Stability*, Ed. By Park Jiyoung, Seoul: Asan Institute for Policy Studies: 67–97.

Cordesman A. H. (2016). Korean Peninsula Military Modernization Trends, Center for Strategic and International Studies (CSIS).

Kwon T. Y., Song Y. S. (1989). The First ROK Defense White Paper: Its Significance and Important Contents, *The Korean Journal of Defense Analysis*, Vol. 1, No. 1: 193–211.

Pak Son-nae (2005). Science and technology in Korean history: Excursions, Innovations, and Issues, Jain Publishing Company, 313 p.

Pinkston D. (2012). The New South Korean Missile Guidelines and Future Prospects for Regional Stability, *International Crisis Group*, Vol. 25.

Simon D. F., Son C. (1994). Korea's technological development, *The Pacific Review*, Vol. 7, No. 1: 89–103.

Поступила в редакцию: 30.04.2023

Принята к публикации: 26.05.2023

Received: 30.04.2023

Accepted: 26.05.2023

О.В. Кирьянов

Новые аспекты арктической политики Республики Корея

Аннотация. Республика Корея по различным причинам стала заметно позже проявлять интерес к Арктике, чем государства, которые исторически и географически постоянно были связаны с регионом. Тем не менее Корея смогла в значительной степени наверстать упущенное, превратившись в активного игрока в этой части мира.

В последние несколько лет правительство РК приняло ряд важных решений, выводя роль и влияние Кореи на качественно новый уровень. Среди такого рода новых инициатив можно выделить отдельный закон, регулирующий работу РК в полярных регионах (вступил в силу с октября 2021 г.), долгосрочную Стратегию деятельности в Арктике—2050 (ноябрь 2021 г.), новый пятилетний план работы в полярных регионах на 2023—2027 гг. объявлен в декабре 2022 г.), а также начало строительства второго собственного ледокола, который постоянно будет работать только в Арктике.

В данном исследовании делается попытка, схематично обрисовав историю развития политики Южной Кореи в Арктике, а также кратко определив подход РК к сотрудничеству с Россией в Арктике в новой геополитической ситуации, более подробно проанализировать те новые решения и планы, которые утвердил Сеул в отношении региона в последние несколько лет.

Ключевые слова: Корея, Арктика, полярные регионы, Северный морской путь, Базовый план деятельности в полярных регионах, Закон о деятельности в полярных регионах, Стратегия деятельности в Арктике—2050.

Автор: Кирьянов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, представитель, Центр исследования рисков в Азии (ARRC), г. Сеул (Республика Корея). ORCID: 0000-0003-0353-510X. E-mail: oleg.kir2002@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кирьянов О.В. Новые аспекты арктической политики Республики Корея // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 72—89.
DOI: 10.48647/ICCA.2022.49.46.016.

О.В. Kiriyanov

The Policy of the Republic of Korea in the Arctic: New trends and issues

Abstract. Due to various reasons the Republic of Korea (ROK) has started its engagement in the Arctic region much later than countries which historically and geographically have been present in this part of the world. However, in many senses Korea managed to catch up with leaders and plays now an important role in the Arctic.

Recently the Korean government has made several very important decisions aimed at raising its role and activity in the region to a new level. The Polar activities promotion act (in force since October 2021), the long-term “2050 Arctic activity strategy” (November 2021), the 1st policy framework in polar regions in 2023—2027 (December

2022), the decision to start building its second icebreaker to be used only in the Arctic — are the examples of those actions taken by Seoul in the last 2—3 years.

In this article while presenting a brief view of the history of the Korean policy in the Arctic we are trying to analyze the content and meaning of the new policy decisions as well as defining the approach of Seoul towards cooperation with Russia in the region in a new geopolitical situation.

Keywords: Korea, Arctic, Polar regions, Northern Sea Route, Arctic Masterplan, Arctic Policy Framework, Polar Activities Promotion Act, 2050 Arctic activity strategy.

Author: Oleg V. KIRIYANOV, PhD (history), CEO, The Asia Risk Research Center (ARRC), Seoul (ROK). ORCID: 0000-0003-0353-510X.

E-mail: oleg.kir2002@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kiriyanov O.V. (2023) *Novy'e aspekty` arkticheskoy politiki Respubliki Koreya* [The Policy of the Republic of Korea in the Arctic: New trends and issues]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 72—89. (In Russian).

DOI: 10.48647/ICCA.2022.49.46.016.

На фоне стран Арктического региона Южная Корея находилась в весьма невыгодном положении, когда стала проявлять интерес к региону Северного полюса: у нее не было и нет прямого выхода к Арктике, она начала пытаться проникнуть туда достаточно поздно, когда другие уже имели обширные программы изучения и освоения региона, успев за столбить свои интересы. Тем не менее, как показывают события последних двух-трех десятилетий, Республика Корея смогла в значительной степени наверстать упущенное, превратившись в активного игрока в регионе, который пытается не без успеха выстраивать выгодное для себя сотрудничество как на двусторонней основе — с каждым из арктических государств, так и в многостороннем, международном формате.

Отсутствие прямого выхода к региону Сеул компенсирует тем, что активно предлагает свои услуги и помощь в тех сферах, где имеет определенное преимущество, включая судостроение, морской транспорт, некоторые направления научных исследований и др. Корея параллельно активно участвует в разного рода международных программах взаимодействия, поддерживая имидж государства, которому очень важны проблемы Арктики и на решение которых оно готово тратить значительные средства, прилагая серьезные усилия.

I. История арктических исследований Южной Кореи

Начало корейской полярной программы можно отнести к 1987 г., когда при Корейском институте исследования и освоения мирового океана (KODI) был создан Центр полярных исследований [Журавель В.П., 2016, с. 124]. При этом старт более-менее активной работы в Арктике произошел несколько позже — примерно во второй половине 1990-х годов, когда Южная Корея стала задумываться о перспективности Северного полюса.

На это Южную Корею подталкивали объективные интересы. Страна имеет сухопутную границу лишь с Северной Кореей, но транспортное сообщение через КНДР с остальным материком отсутствует из-за политических причин, а проекты создания сухопутных транскорейских магистралей так до сих пор и не получили развития. Де-факто Южная Корея является островом. Имея динамично развивающуюся экспортно-ориентированную экономику, РК не имеет иного выбора, кроме как делать ставку на развитие морских транспортных путей и морского флота. По морским путям перевозится более 99 % всего южнокорейского экспорта и импорта [Ким Мин Су, Марченков М.Л., с. 71]. В этой связи логичным выглядит постоянный интерес Кореи к поиску новых маршрутов, где Северный морской путь (СМП) в Арктике представляется перспективным и экономически оправданным направлением с точки зрения транспортировки товаров и ресурсов между Кореей и Европой [Эпштейн В.А., Тахаева А.Р., 2018, с. 24]. Страна также имеет развитую судостроительную промышленность, большой опыт в развитии портовой, транспортной и логистической инфраструктуры, что делает ее выгодным партнером для России, которая обладает 53 % береговой линии всей Арктики.

Ситуация в Арктическом регионе напрямую влияет на климат Корейского полуострова, где зимой бывают периоды коротких, но ощутимых холодов, а летом идут мощные муссонные дожди, наносящие серьезный ущерб. Все это предопределило как научный, так и практический интерес Южной Кореи, которая по мере своего развития превращалась во все более мощную, технологически и научно развитую державу, имеющую технические, финансовые возможности для изучения Арктики.

В 1999 г. двое южнокорейских ученых присоединились к научной экспедиции КНР, которая на судне «Снежный дракон» изучала Берингово и Чукотское моря, что стало первым практическим шагом в деле изучения Арктики корейцами [서현교, 2019, с. 48].

Вместе с тем время с конца 1990-х до 2013 г. можно считать первым, в какой-то степени начальным этапом арктической политики Республики Корея, когда формировалось общее понимание целей и задач в регионе, создавалась научная, техническая, практическая инфраструктура для работы, а также начала подводиться правовая и административная база на этом направлении. Безусловно, подобная работа продолжается и до сих пор, но первые шаги были сделаны именно в тот период.

Среди наиболее знаковых событий того времени стоит отметить создание Корейского арктического научного комитета (KASCO) (2001), присоединение РК к Международному арктическому научному комитету, создание собственной базы «Дасан» (다산) в поселении Нью-Олесунн в норвежской провинции Свальбард на архипелаге Шпицберген (2002), открытие Корейского института полярных исследований (KOPRI) (2004) [Ким Мин Су, Марченков М.Л., с. 73], [Рыжова, 2019, с. 169].

В 2008 г. был заложен, а на следующий год спущен на воду первый корейский ледокол «Араон», который существенно расширил возможности для работы в полярных регионах — как на Северном, так и Южном полюсах. В 2010 г. корей-

ские исследователи на этом ледоколе совершили первую самостоятельную экспедицию в Арктику [서현교, 2019, с. 48].

Учитывая ключевое значение Арктического совета (АС), Южная Корея стала работать над получением статуса официального наблюдателя АС, подав заявку на это в мае 2008 г., став сразу «временным наблюдателем», что позволило Сеулу принимать определенное участие в работе организации, хотя и в ограниченном формате. Несмотря на усилия РК, на министерских заседаниях АС в 2009 и 2011 гг. рассмотрение ее заявки было отложено [서현교, 2021, с. 177—179].

В 2012 и 2013 гг. Министерство морских дел и рыболовства РК (далее — ММДР РК) опубликовало Меры по продвижению политики полярного региона», в результате которых была провозглашена «биполярная» политика Кореи, то есть имеющая два направления: в Арктике и Антарктике.

В конце концов, 15 мая 2013 г. на министерской встрече Арктического совета в шведском городе Кируне Южная Корея вместе с рядом других стран (Китай, Япония, Индия, Сингапур, Италия) получила статус официального наблюдателя АС, что позволяет говорить о завершении первого этапа арктической политики РК [Черкашин П., 2014].

Получение этого статуса многие эксперты в Южной Кореи восприняли как значимую веху, выход на новый уровень в арктической политике, а некоторые вообще предлагают считать 15 мая 2013 г. датой официального начала полноценной политики РК в Арктике [서현교, 2021, с. 172].

В декабре 2013 г. был принят Базовый план политики в Арктическом регионе, который определял основные направления деятельности на пять лет и был составлен на основе взаимодействия ряда министерств, ведомств, научных и экономических организаций, экспертов [최초로 북극권...]. РК стала первой из азиатских стран, выработавшая подобный план деятельности, что подчеркивает ту важность, которую Сеул стал придавать данному региону [Ким Мин Су, Марченков М.Л., с. 73]. Общая цель документа заключалась в «содействии устойчивому будущему Арктики через развитие сотрудничества с государствами Арктического региона и соответствующими международными организациями в областях науки, техники и экономики» [정부 최초로 북극권...].

РК, понимая большую потенциальную выгоду для себя в Арктике и от полноценного функционирования Северного морского пути, стала обращать внимание на изучение данного маршрута [김석환, 나희승, 박영민, 2014, с. 83—84]. В 2013—2017 гг. различные южнокорейские транспортные компании провели несколько пробных рейсов по перевозке нефтепродуктов и прочих грузов по СМП [Рыжова А.В., 2019, с. 173—175].

Международному сотрудничеству, диалогу, продвижению своих интересов через двусторонние и многосторонние форумы Сеул уделяет огромное внимание, целенаправленно формируя имидж страны, которая ответственно подходит к работе в Арктике [Эпштейн В.А., Тахаева А.Р., 2018, с. 26]. С 2016 г. ежегодно в начале декабря в Пусане Южная Корея проводит форум «Неделя арктического партнерства», куда приглашаются известные эксперты, политики, представители бизнеса различных стран, работающие в Арктике. Данная площадка стала одним

из немногих регулярных многосторонних комплексных форумов в мире, посвященных региону.

В 2017 г., выступая на 3-м Восточном экономическом форуме во Владивостоке, президент РК Мун Чжэ Ин в качестве основы экономического сотрудничества России и Южной Кореи предложил концепцию «девяти мостов» — девяти основных направлений, которым будет уделяться приоритетное внимание. В их число вошли в том числе и сферы, которые полностью или частично имеют отношение к Арктике: Северный морской путь (судоходство), судостроение, развитие портовой инфраструктуры, поставки газа и др. [Со Хён Гё, 2021, с. 184]

В июле 2018 г. ММДР РК опубликовало Базовый план стимулирования деятельности в Арктическом регионе, который стал развитием Базового плана политики в Арктическом регионе 2013—2017 гг.

По сравнению с первым планом второй отражал уже более весомую роль и растущие амбиции РК в Арктике, были уточнены и расширены стратегические задачи и цели на период с 2018 по 2022 г. [북극활동 진흥 기본계획...]. Южная Корея уже стала позиционироваться как «пионер и партнёр в открытии будущего Арктики», было запланировано расширение сфер и направлений деятельности.

Характерно, что в списке четырех ключевых задач плана 2018—2022 гг. на первое место были выведены уже «экономические возможности», за которыми следовало «Арктическое участие в качестве ответственного наблюдателя» (международное сотрудничество), «Научные исследования для решения глобальных проблем» и «Создание потенциала для работы с арктическими вызовами». Для сравнения, в плане 2013—2017 гг. в списке приоритетов на первом и втором местах были международное сотрудничество и научные исследования, а экономика лишь на третьем. Это демонстрирует определенную смену порядка приоритетов РК, которая стала больше обращать внимания на экономическую выгоду и возможности [서현교, 2019, с. 51—53], [Со Хён Гё, Пак Чжон Кван, Чистов И.И., 2021, с. 91].

Окончание второго периода арктической политики РК можно провести примерно в 2021—2022 гг., когда был принят ряд важнейших решений, завершена работа второго «базового плана», а также произошли геополитические изменения в мире, которые повлияли в том числе на сотрудничество и работу государств в Арктике.

II. Новые моменты арктической политики РК

1. Общая ситуация

К завершению сроков реализации второго по счету «базового плана» Южная Корея уже была государством, которое по праву заслужило себе достойное место в списке стран, которые хотя и не имеют непосредственного выхода к Арктике, но проявляют постоянный интерес к региону, занимаются его исследованиями, готовы выделять средства и прочие ресурсы на это, а также работать в системе международного сотрудничества в качестве ответственного его члена. Надо отдать должное как корейским исследователям, ученым, так и политикам, а также

бизнесменам: к рубежу 2020 г. было очевидно, что они сумели наладить и поддерживать взаимовыгодные отношения с каждым из арктических государств. Корея смогла показать, что хотя она лишена прямого доступа к региону, но у нее есть то, чего не хватает либо есть, но в недостаточной степени у каждого из арктических государств.

О месте каждой из стран АС в списке корейских приоритетов можно спорить, но, если обобщать всю ситуацию, то очевидно что корейцам удалось наиболее активно развить сотрудничество с Норвегией, которая позволила еще в 2002 г. открыть на Шпицбергене корейскую исследовательскую станцию «Дасан», где реализуются разные программы двустороннего сотрудничества и исследований.

В качестве главных конкурентов в Арктике Южная Корея воспринимает в первую очередь Китай и Японию, у которых схожая ситуация: это тоже динамично развивающиеся страны Азии и они не имеют своего выхода к Арктическому региону [김석환, 나희승, 박영민, 2014, с. 80], [Черкашин П., 2014].

Вскоре в Южной Корее стали отмечать, что стало очевидно и всем в мире: важность Арктики стала быстро расти, между основными арктическими странами помимо сотрудничества стали очень заметны и явные элементы конкуренции, а порой и противостояния.

На этом фоне в конце 2021—2022 гг. в РК был принят ряд важных решений в самых разных сферах, которые позволяют говорить о начале нового этапа арктической политики Кореи и выхода ее на новый уровень. Среди таковых можно назвать появление отдельного Закона о стимулировании деятельности в полярных регионах (вступил в силу с 14 октября 2021 г.) [극지활동 진흥법..], принятие среднесрочной Стратегии деятельности Республики Корея в Арктике—2050 (ноябрь 2021 г.) [기여와 신뢰를기반으로...], а также выработку нового, уже объединенного 1-го базового плана стимулирования деятельности в полярных регионах, определившего конкретные задачи на период с 2023—2027 гг. как на Северном, так и Южном полюсах [제1차 극지활동진흥기본계획..].

Под влиянием начала с 24 февраля 2022 г. конфликта на Украине резко изменилась и геополитическая ситуация: крайне обострились отношения, вплоть до открытого противостояния России, с одной стороны, и всеми остальными арктическими государствами — с другой. Это серьезно повлияло на весь спектр связей и контактов, также внеся коррективы и в арктическую политику Республики Корея.

2. Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах

Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах был внесен правительством РК на рассмотрение Национального собрания (парламента) 24 декабря 2020 г. и одобрен депутатами в апреле 2021 г. Пройдя необходимые процедуры, он официально вступил в силу с 14 октября 2021 г.

Значение его для выработки долгосрочной, широкомасштабной политики Республики Корея в Арктике сложно переоценить, так как до этого времени все действия Сеула в этом регионе осуществлялись без специальной правовой базы. Единственным специализированным правовым актом, который существовал в

отношении деятельности в полярных регионах, был лишь законодательный акт о деятельности в Антарктике и об охране окружающей среды, принятый в сентябре 2004 г., но сфера его правоприменения ограничивалась южной полярной областью земного шара, а также научными исследованиями [극지 활동의 폭을 넓히는...].

Новый закон подвел правовую основу под проведение деятельности на обоих полюсах, а также в гораздо более широком спектре областей. Главной его целью названо «оказание всесторонней помощи и поддержки работе по устойчивому развитию полярных регионов, лидирующей роли в решении стоящих перед человечеством общих проблем, а также содействию развитию национальной экономики и достижению национальных интересов Республики Корея».

Обязанность государства по данному закону определена как «соблюдение подписанных с другими странами и международными организациями договоров по проблематике полярных регионов, планирование и содействие международному сотрудничеству и мирному использованию полярных регионов».

Закон предусматривает обязательство вырабатывать каждые пять лет ММДР РК (в контакте с другими ведомствами, организациями, экспертами и пр.) базовый план стимулирования деятельности в полярных регионах, а на каждый год принимать отдельный план реализации поставленных задач. При этом отныне документы по Арктике и Антарктике должны разрабатываться так, чтобы действия на одном полюсе координировались и согласовались с работой на другом [극지 활동 진흥법...].

Главными направлениями работы в рамках закона были определены научно-исследовательская деятельность, подготовка квалифицированных кадров, содействие экономической деятельности, создание и управление необходимой инфраструктурой, создание информационной системы, охрана окружающей среды, обеспечение безопасной работы, а также научно-просветительская и популяризаторская деятельность в обществе в отношении важности Арктики и Антарктики.

Отдельным пунктом закона (ст. 10) было зафиксировано «создание правительством базы для содействия развитию экономической деятельности по Северному морскому пути, возможности экономического использования которого растут по мере уменьшения ледового покрова» [극지 활동 진흥법...].

Как прокомментировал принятие закона занимавший тогда пост директора отдела морского развития ММДР РК Ку До Хён, «реализация Закона о стимулировании деятельности в полярных регионах» позволит как активизировать научные исследования, увеличить инвестиции, так и придать импульс участию частных лиц в деятельности в полярных регионах» [극지 활동의 폭을 넓히는...].

3. Стратегия деятельности Республики Корея в Арктике-2050

В декабре 2018 г. правительство РК обнародовано «Полярное видение—2050», но данный документ носил характер декларации семи достаточно общих целей без детализации [Со Хён Гё, Пак Чжон Кван, Чистов И.И., 2021, с. 92—93]. 30 ноября 2021 г. представитель ММДР РК заявил, что их ведомство в ходе состоявшегося заседания Госсовета РК доложило президенту и членам правительства о принятии Стратегии деятельности РК в Арктике до 2050 г. (далее — Стратегия-2050) [기여와 신뢰를기반으로...].

Выработка долгосрочной стратегии, которая бы определяла основные принципы и цели деятельности РК в Арктике, стала доказательством свершившегося факта: Южная Корея прошла этап новичка и перешла в разряд активно действующих в Арктике держав, которые с регионом связывают свое будущее и планируют там работать долгие годы.

Если оценивать общий посыл выработанной ММДР РК Стратегии-2050, то можно сказать, что Южная Корея перешла от работы, которая строилась на основе приоритета проведения научных исследований в регионе, к этапу, когда реализуется уже целый комплекс одинаково важных задач, где исследовательская деятельность — лишь одна из длинного списка ведущих направлений. Все это отражено и в резюме главной цели Стратегии-2050 — «до 2050 г. превратиться в передовую державу по устойчивому управлению Арктикой» путем реализации деятельности в рамках четырех основных направлений.

В документе выделены эти самые четыре самых важных направления. Во-первых, это «вклад в решение проблем Арктического региона». Из документа следует, что по этому направлению Корея намерена увеличивать свои научные, информационные возможности по реагированию на проблему изменения климата (активизация научных исследований, формирование единой базы данных, активизация наблюдений за климатом), разрабатывать и приобретать технологии, способствующие адекватной оценке, защите и сохранению экологии северных морей, их флоры и фауны, активизировать сотрудничество и помощь по линии работы с коренными народами Севера [기여와 신뢰를 기반으로...].

В рамках данного направления были конкретизированы планы построить второй собственный ледокол, развернуть группировку спутников наблюдения за Арктикой и создать систему наблюдения за характеристиками региона в высоких широтах.

Второе направление — «расширение горизонтов арктической дипломатии». Говоря конкретнее, здесь подразумевается выработка программ двустороннего сотрудничества, подстроенных под особенности каждой из арктических стран, а также более активное участие в работе всех международных форумов, организаций и прочих многосторонних структур.

По линии двустороннего сотрудничества все арктические страны в рамках Стратегии-2050 были разбиты на три категории по важности: «наиболее важные» — Россия, Норвегия, Дания; «стратегические» — США, Канада; и «страны с потенциалом» — Исландия, Швеция, Финляндия. Для каждой была выделена приоритетная сфера, по которой Корея планировала особенно активно сотрудничать. Например, приоритетом для работы с РФ был определен Северный морской путь, с Норвегией — рыболовство, с Канадой — коренные народы, с Финляндией — экологичные типы судов, прокладка подводных кабелей и т. д.

Третье направление Стратегии-2050 — «участие в устойчивом развитии Арктики». Оно подразумевает создание новейших технологий судостроения и судоходства для стабильного использования СМП, активизацию сотрудничества в рамках экологически чистых источников энергии, участие в деятельности по обеспечению долгосрочного и устойчивого использования морских ресурсов Арктики, поиск новых форм и моделей сотрудничества в Арктике.

Четвертое направление — «создание (совершенствование) базы для работы в Арктике». В этом разделе предусмотрены задачи по увеличению всего спектра ресурсов для работы в Арктике, в том числе подготовка квалифицированных кадров, оптимизация и улучшение структуры управления и принятия решений и пр. [기여와 신뢰를 기반으로...]

Арктика декларировалась как регион крайне важный не только с точки зрения научных исследований, изучения проблем климата и экологии, но и как часть планеты, где растет потенциал выгодного использования для торговли, логистики, освоения различных ресурсов, и как источник новых доходов для корейской экономики.

4. 1-й Базовый план стимулирования деятельности в полярных регионах в 2023—2027 гг.

Как уже было отмечено выше, вступивший в силу в конце 2021 г. Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах предусматривал необходимость выработки каждые пять лет среднесрочного Базового плана стимулирования деятельности в полярных регионах. Учитывая, что до этого действовали сначала Базовый план политики РК в Арктическом регионе 2013—2017 гг., а затем Базовый план стимулирования деятельности в Арктическом регионе 2018—2022 гг., то новый пятилетний документ определял предстоящую работу на период 2023—2027 гг. Как видно из названия, у нового Базового плана нумерация стартовала опять с начала. Это произошло из-за того, что теперь план объединял работу как в Арктике, так и Антарктике.

Официально 1-й Базовый план стимулирования деятельности в полярных регионах 2023—2027 гг. был представлен министром морских дел и рыболовства РК Чо Сын Хваном 5 декабря 2022 г. в ходе выступления в Пусане на ежегодной международной конференции «Неделя арктического сотрудничества»¹. План содержит более конкретные и детальные цели и задачи, которые Южная Корея должна решить в ближайшие пять лет как в Арктике, так и Антарктике [북극활동 진흥 기본계획...].

Интересной особенностью этого документа стал тот факт, что в нем сразу же отмечался рост конкуренции держав в полярных регионах, увеличение расходов на них, что предопределяло необходимость и Южной Корее еще больше активизировать свою деятельность. При этом была проведена объективная оценка уровня корейских технологий в различных сферах деятельности в полярных регионах и констатировалось отставание по большинству направлений с необходимостью выходить на передовые позиции.

В плане были выделены пять главных направлений работы в полярных регионах на период до 2027 г. *Во-первых*, это «конкуренция за проникновение в неосвоенные полярные регионы», в связи с чем определялась необходимость реа-

¹ Южная Корея обнародовала пятилетний план деятельности в Арктике и Антарктике // Российская газета (05.12.2022). URL: <https://rg.ru/2022/12/05/iuzhnaia-koreia-obnarodovala-piatil-etnij-plan-deia-tel-nosti-v-arktike-i-antarktike.html> (дата обращения: 09.04.2023).

лизация «стратегии-1» — расширение деятельности по освоению регионов, а также расширение инфраструктуры и лидерство в основных научных задачах.

Во-вторых, изменения климата и окружающей среды. Для этого была установлена «стратегия-2» — «руководство процессом решения» указанных проблем.

В-третьих, рост спроса на разработку новых технологий. «Стратегия-3» в этой связи предусматривала «создание производственной базы, которая бы вносила вклад в национальную экономику».

В-четвертых, рост многообразия и многосторонности отношений в рамках полярных регионов. «Стратегия-4» определяла необходимость активизации работы РК на уровне двусторонних, многосторонних отношений, в различных международных организациях, а также повышения уровня своих представителей.

В-пятых, расширение участия общественности и повышение уровня понимания политики в арктических регионах со стороны населения РК. «Стратегия-5» предусматривала ставшую уже стандартной задачу для данного направления — активизация научно-популярной, просветительской и рекламной деятельности [북극활동 진흥 기본계획..].

Одним из главных ожидаемых результатов в этот период, который должен сразу увеличить возможности РК по работе как на Северном, так и Южном полюсах, является строительство второго, более современного ледокола нового поколения. Спуск его на воду запланирован на 2027 г. Его появление позволит РК держать постоянно в районе каждого из полюсов по одному ледоколу, что устранит необходимость постоянно перемещать единственный ледокол «Араон» от одного полюса к другому. Новый, более мощный и современный ледокол будет предназначен именно для Арктики. Его характеристики позволят Сеулу расширить площадь доступных для исследования регионов (до этого «Араон» не мог подниматься выше районов 79 градуса северной широты).

Характерно, что данный план предусматривал начало работ, по итогам которых к 2030 г. внутри Антарктиды должна появиться очередная постоянная станция. Она будет первой из всех южнокорейских, которая будет действовать не на побережье, а внутри ледового континента. Таким образом, РК запланировала стать шестой в мире и первой азиатской державой, у которой в Антарктиде будет своя станция, действующая внутри континента [북극활동 진흥 기본계획..]. Хотя это не относится к Арктике, но хорошо демонстрирует новый уровень амбиций Сеула в полярных регионах в целом.

Что касается конкретных проектов для реализации, то применительно к Арктике запланирована исследовательская деятельность в ранее недоступных регионах с использованием возможностей нового ледокола (с 2027 г.), создание и вывод на орбиту спутников, которые бы постоянно отслеживали и передавали в режиме реального времени информацию о процессе таяния льдов (с 2025 г.), создание интегрированной информационно-прогностической системы, которая бы, обобщая данные о состоянии атмосферы, процессе таяния льдов, солнечной активности, прогнозировала перемены в климате на Корейском полуострове (с 2027 г.), получение технологий экологичных контейнеровозов ледового класса (с 2026 г.) и т. д.

В целом новый «базовый план» отражал новые, возросшие возможности и значительно более масштабные цели Южной Кореи, достижение которых выведет ее в разряд передовых полярных держав.

III. Новая геополитическая ситуация и подход РК к сотрудничеству с Россией

Несмотря на все официальные декларации о необходимости мира и сотрудничества, Арктика никогда не была свободна от влияния геополитической ситуации и конкретных двухсторонних отношений между странами. В этой связи не удивительно, что уже со второй половины 2000-х годов стал сильно заметен рост конкуренции, а также взаимного недоверия между отдельными арктическими странами. В частности, начались активные попытки ряда государств предъявить права на некоторые части Арктики, произошло ухудшение отношений между США и Россией¹.

Южная Корея, у которой были свои интересы сотрудничать со всеми странами Арктического совета, с обеспокоенностью отмечала рост конкуренции и антагонизма между арктическими государствами, констатируя, что Россия, с одной стороны, а также США и их союзники по НАТО — с другой, активизировали работы по восстановлению и созданию новой военной инфраструктуры в регионе, чтобы проецировать свое влияние и при необходимости иметь возможность отстаивать интересы в том числе и силой.

Кроме того, может быть в меньшей степени, чем в случае РФ и США, но также стала ощущаться в Арктике напряженность отношений и между Вашингтоном и Пекином, когда США стали также убеждать своих союзников постепенно отказываться от взаимодействия с КНР в этом полярном регионе².

Потепление климата сделало многие регионы Арктики более доступными, чем ранее, появилась возможность разрабатывать и осваивать новые месторождения полезных ископаемых, которых, как известно, в районе Северного полюса хватает. Одновременно привлекательность Северного морского пути как альтернативного маршрута для морской перевозки грузов между Азией и Европой также стала расти по мере уменьшения ледяного покрова в значительной части районов этой части мира³.

Всё это активизировало борьбу за расширение зон влияния в этой части мира со стороны ключевых держав, где элементы роста военно-политической напря-

¹ A Warming Arctic Heats Up US-Russian Military Rivalry // Military.com (December 31st, 2018). URL: <https://www.military.com/daily-news/2018/12/31/warming-arctic-heats-us-russian-military-rivalry.html> (дата обращения: 09.04.2023).

² Trade, tech ... and now the Arctic? The next frontier in the China-US struggle for global control // The South China Morning Post (January 11th, 2020). URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3046072/trade-tech-and-now-arctic-next-frontier-china-us-struggle> (дата обращения: 09.04.2023).

³ Climate change creating potential for future conflict in the Arctic // Spectrum News (October 22nd, 2022). URL: <https://www.nyl.com/nyc/all-boroughs/international/2022/10/28/climate-change-creating-potential-for-conflict-in-the-arctic-someday> (дата обращения: 09.04.2023).

женности и экономической конкуренции за ресурсы подстегивали друг друга, уменьшая возможности для эффективного международного сотрудничества и взаимовыгодного взаимодействия.

Начало специальной военной операции (СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г. привело к беспрецедентным санкциям стран Запада в отношении Москвы. Имевшие статус нейтральных государств Финляндия и Швеция начали процедуру вступления в НАТО. В начале апреля 2023 г. Финляндия официально стала членом альянса, а присоединение Швеции ожидается в ближайшее время¹. Это создало ситуацию, когда в Арктическом совете не осталось нейтральных стран, а России противостоят семь (если считать и Швецию) государств Североатлантического блока под руководством США.

Учитывая, что согласно принципу ротации в 2021 г. в Арктическом совете председательство перешло к России, то остальные постоянные члены АС объявили бойкот РФ, игнорируя почти все заседания и пытаясь собираться по отдельности. В результате работа этого ключевого органа оказалась парализованной на два года, вплоть до окончания председательства РФ².

Сеул с начала СВО обозначил свою позицию, согласно которой осуждает действия РФ на Украине, остается верным союзником США и поддерживает те меры, которые коллективный Запад вырабатывает в качестве средства давления на Россию. Пришедшие в Южной Корее в мае 2022 г. к власти консерваторы, традиционно ориентированные на сотрудничество в первую очередь с США, повысили градус критики Сеула в отношении действий Москвы, сделав еще более очевидным, что РК будет строго следовать курсу Вашингтона. В конце февраля 2023 г. Сеул в рамках нового пакета санкций Запада в отношении РФ также расширил список запрещенных к поставке в Россию товаров, наименований продукции и технологий³.

Если говорить конкретно про произошедшие в сфере арктической политики изменения, то Республика Корея без публичных деклараций, но последовательно стала сворачивать программы сотрудничества с Россией, которые велись по линии государственных структур и на средства госбюджета. Кроме того, южнокорейские судостроительные корпорации вынуждены были прекратить исполнение заказов на строительство судов и прочих конструкций для РФ, которые могли быть ею использованы в процессе добычи и транспортировки энергоносителей в полярных условиях⁴.

¹ Nato's border with Russia doubles as Finland joins // BBC.com (April 5th, 2023). URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-65173043> (дата обращения: 09.04.2023).

² Geopolitics plays big part in this year's Arctic Frontiers conference // Korea JoongAng Daily (February 13th, 2023). URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2023/02/13/business/industry/Korea-Arctic-Arctic-Frontiers/20230213200042855.html> (дата обращения: 09.04.2023).

³ По «Ханчечжэ хвактэ мэу силман Хан-Ро хёмнёге агёнхян»: [Россия: «Крайнее разочарование в связи с расширением санкций Кореи против РФ... Это негативно повлияет на корейско-российское сотрудничество»] (28.02.2023) // Сисаджорнал. URL: <https://www.sisajournal.com/news/articleView.html?idxno=257510> (дата обращения: 09.04.2023). (На кор.).

⁴ Росиа, LNGсон тто каяк хэчжи... Чосонопке 'писан' : [Договор о строительстве СПГ-судов для России снова расторгнут... В судостроительной отрасли чрезвычайная ситуация] (29.11.2022) // NBNTV. URL: <https://www.nbntv.kr/news/articleView.html?idxno=65128> (дата обращения: 09.04.2023).

С другой стороны, стоит также отметить, что Южная Корея не входит в число тех стран Запада, которые призывают к максимально активному давлению и полной изоляции Москвы. Среди корейских экспертов и политиков хватает тех, кто призывает дистанцироваться от конфликта на Украине, а также учитывать, что Россия важна для РК как долгосрочный партнер в разных сферах сотрудничества, включая энергетику, судостроение, логистику, а также в урегулировании ситуации на Корейском полуострове и пр.¹

Статус США как безусловного и главного военно-политического союзника Южной Кореи, а также нахождение у власти в РК президента-консерватора, который не намерен пытаться как-то налаживать отношения с Москвой без явного согласия со стороны Вашингтона, не позволяют надеяться в обозримом будущем на то, что Южная Корея изменит свой подход к России.

Это в полной мере справедливо и в отношении Арктики. Учитывая, что выработка политики РК в регионе осуществляется правительством и государственными институтами, а ее реализация поручена либо финансируемым за счет госказны организациям, либо сами проекты спонсируются правительством РК с привлечением, пусть даже и формально, независимых структур (университеты, частные компании, отдельные эксперты), то сложно надеяться на какое-то восстановление открытого взаимодействия между РФ и РК в Арктике.

Тем не менее, опыт общения с большинством задействованных на арктическом направлении экспертов, исследователей и даже многих чиновников РК показывает, что они считают необходимым продолжение поддержания контактов с Россией по сотрудничеству в Арктике, выступая за максимально возможное отделение этого направления от политического антагонизма. Южная Корея по-прежнему не препятствует возможности участия российских экспертов в тех международных форумах по Арктике, которые проводятся в Корею, если только представители РФ не выступают как официальные лица России. В ходе докладов, дискуссий и на уровне экспертов продолжаются призывы к сотрудничеству с РФ, апеллируя к тому, что Корея в Арктике очень многое теряет от разрыва всех программ взаимодействия с Москвой. В частности, подчеркиваются объективные выгоды от сотрудничества с Россией, среди которых чаще всего упоминаются совместные исследовательские, научные проекты, использование СМП, участие корейских компаний в проектах модернизации и строительства объектов портовой и логистической инфраструктуры по пути прохождения маршрута вдоль территории РФ. Отмечается также экономическая и финансовая выгода, которую имели судостроительные компании РК от заказов из РФ на суда ледового класса, добывающие платформы и прочие спецконструкции. Кроме того, для РК по-прежнему остро стоит вопрос диверсификации источников импорта энергоносителей, где Россия была одной из привлекательных альтернатив в качестве

¹ «Кыродага рога игимён?» ...Укхыра мугичивоннор мачжын ханы дилемма: [«А если Россия победит?»... Дилемма Кореи по вопросу о поставках оружия на Украину] (18.02.2023) // Монитудэй. URL: <https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2023021416560553709> (дата обращения: 09.04.2023). (На коп.).

поставщика нефти и газа, добываемых на арктическом шельфе¹. Насколько известно, РК сохранила некоторые из программ взаимодействия в Арктике, затрагивающие и РФ. В частности, в рамках поддержки коренных народов Крайнего Севера России правительство РК продолжает финансировать обучения в Корею некоторых представителей этих народностей².

Многие корейские эксперты также опасаются, что в случае полного разрыва связей с РФ в Арктике от этого выиграет Китай, который превратился в одного из главных союзников России. Ниши сотрудничества с Россией в Арктике и по связанным с этим сферам, которые ранее были у южнокорейцев и западных партнеров, оказываются теперь вакантными, но их быстро могут заполнить представители КНР.

В личном плане большинство корейских экспертов и исследователей выражают готовность продолжить научное сотрудничество с российскими коллегами, хотя и признают, что из-за официальной позиции своего правительства они будут вынуждены его осуществлять по возможности без чрезмерной огласки. Это, в частности, касается в том числе и вероятности приглашения на конференции и форумы по проблематике Арктики (и Антарктики) российских экспертов, специалистов. Как один из вариантов предлагается проведение мероприятий формально независимыми структурами, а не государственным ведомством или НИИ (например, частным университетом), которые и будут выступать приглашающими экспертами из РФ сторонами³.

Можно предположить, что как только позволит ситуация, РК хотя бы из-за выгоды и пользы для себя будет одной из тех стран, которая максимально быстро восстановит уровень прежнего взаимодействия с Россией в Арктике, а пока будет стараться поддерживать хотя бы минимально необходимый уровень взаимодействия с Москвой.

Заключение

Выступая в декабре 2022 г. в Пусане на ежегодной международной конференции «Неделя арктического сотрудничества», министр морских дел и рыболовства РК Чо Сын Хван, заявил, что Южная Корея по сравнению арктическими

¹ В Корею призвали к сотрудничеству с Россией по вопросам Арктики (05.12.2022)// Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/12/05/v-koree-prizvali-k-sotrudnichestvu-s-rossiej-po-problemam-arktiki.html> (дата обращения: 09.04.2023).

² Студенты-россияне (из числа народов Крайнего Севера) на средства правительства РК проходят обучение в университете Инчхона по различным специальностям. По состоянию на начало апреля 2023 г. в вузе училось восемь таких студентов.

³ Позицию о готовности продолжать сотрудничество с Россией по вопросам Арктики (и Антарктики) выражало подавляющее большинство корейских экспертов, специалистов, ученых, которые работают в сфере полярных исследований и с кем автору удалось побеседовать. Однако корейцы вынуждены высказывать это в основном лишь в частных беседах, указывая, что не могут игнорировать официальный подход своего правительства. Особенно это касается тех, кто работает на госслужбе или на высоких постах в организациях, финансируемых из госбюджета. Тем не менее постоянно говорилось о возможности продолжения взаимодействия, если не придавать этому чрезмерную огласку.

странами стала работать в регионе Северного полюса на 30 лет позже, но чиновник пообещал, что страна «сможет наверстать упущенное и встанет на один уровень с ведущими державами» уже в ближайшем будущем в том числе за счет одобренного правительством РК Плана стимулирования деятельности в полярных регионах в 2023—2027 гг.¹

Этот документ, а также Стратегия деятельности РК в Арктике-2050, принятая в ноябре 2021 г., и Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах, вступивший в силу с октября 2021 г., стали правовой и организационной базой, подтвердившей переход Южной Кореи от страны-новичка в новых для себя полярных регионах к государству, которое уже является признанным и активным действующим лицом в Арктике, имеющим большие планы и амбиции для дальнейшего расширения своего присутствия.

Судя по шагам РК в последние годы, все новые законы, планы и программы не остаются лишь декларациями о намерениях, а подкрепляются конкретными действиями как в плане активизации научно-исследовательских работ, развития международного сотрудничества, так и с точки зрения увеличения бюджета, выделяемого на Арктику и Антарктику, развития инфраструктуры, позволяющей присутствовать РК на обоих полюсах и получать в том числе практическую выгоду. Корея уже начала строительства второго ледокола, который после спуска на воду в 2026 г. будет задействован исключительно для работы в Арктике. В Антарктиде к 2030 г. будет построена первая собственная круглогодичная станция внутри материка вдобавок к уже имеющимся двум на побережье ледового континента. На этом планы и амбиции Сеула не ограничиваются.

Резко обострившаяся в 2022 г. геополитическая ситуация в мире, рост напряженности и противостояния между державами, которые входят в клуб полноправных членов Арктического совета, негативно сказались на международном сотрудничестве в Арктике в целом, заставив и Южную Корею свернуть почти все сотрудничество с Москвой. Вместе с тем, судя по подходу и настрою ряда корейских политиков, а также экспертов, специалистов и ученых, и Республика Корея, когда появится возможность, будет стараться как можно скорее восстановить сотрудничество с Россией в Арктике, понимая, что это будет способствовать продвижению ее новых интересов в регионе и сулит ей практическую выгоду.

Библиографический список

북극활동 진흥 기본계획 (2018—2022). [Базовый план стимулирования деятельности в арктическом регионе 2018—2022] // Korea polar portal service. URL: <https://www.koreapolarportal.or.kr/poli/arcticDevPolicy.do> (дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

극지활동 진흥법 [Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах] // 국가법령정보센터 [Национальный центр правовой информации] URL: <https://law.go.kr/lsc.do?section=&menuId=1&subMenuId=15&tabMenuId=81&eventGubun=060101&query=%EA%B7%B9%EC%A7%80%ED>

¹ Южная Корея обнародовала пятилетний план деятельности в Арктике и Антарктике // Российская газета (05.12.2022). URL: <https://rg.ru/2022/12/05/iuzhnaia-koreia-obnarodovala-piatil-etnij-plan-deiatelnosti-v-arktike-i-antarktike.html> (дата обращения: 09.04.2023).

%99%9C%EB%8F%99+%EC%A7%84%ED%9D%A5%EB%B2%95#undefined (дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

2050 극지비전 선언: [Заявление: Полярное видение-2050] // Министерство морских дел и рыболовства. URL: <http://www.koreapolarportal.or.kr/data/etc/vision2050.pdf> (дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

김석환, 나희승, 박영민. 한국의 북극 거버넌스 구축 및 참여 전략. [김 Сохкван, На Хвисын, Пак Ёнмин. Стратегия участия и выстраивания управления в Арктике Республикой Корея] // Седжон: КИЕР. 2014. 172 p. (На кор.).

김정훈, 백영준. 한국과 일본의 북극 연구 경향 및 전략 비교 [김 Чжонхун, Пэк Ёнчжун. Сравнение тенденций и стратегий арктических исследований в Корее и Японии] // Pai Chai University Korean-Siberian Center. 2017. Vol. 21. No. 2. P. 111—146 (На кор.).

극지 활동의 폭을 넓히는 협찬 도약을 시작한다. 극지활동 진흥법」 10월 14일부터 시행. [Начинается активная работа по расширению горизонтов деятельности в полярных регионах. С 14 октября 2021 г. вступает в силу Закон о стимулировании деятельности в полярных регионах] // 정책포털대한국 정책브리핑 [Политический портал Республики Корея Политический брифинг]. URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156475027> (дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

기여와 신뢰를 기반으로 미래 북극 시대를 선도한다. 해수부, 미래 북극 활동 비전 담은 “2050 북극활동 전략” 발표 + 2050 “북극 활동 전략” 주역 내용. [Находясь в лидерах эпохи будущего Арктики, основанной на вкладе и доверии... Министерство морских дел и рыболовства обнародовало «Стратегию деятельности в Арктике 2050» + Основное содержание документа «Стратегия деятельности в Арктике 2050»] 29 ноября 2021 г. // 정책포털 대한민국 정책브리핑 [Политический портал Республики Корея Политический брифинг]. URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=156483488> (дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

제1차 극지활동진흥기본계획 (2023~2027) [Первый базовый план стимулирования деятельности в полярных регионах 2023—2027] // Korean polar portal service. URL: <https://www.koreapolarportal.or.kr/poli/basicPlan.do?sessionId=B3A9EE695E418B6220F7C0D57EDDDF3A> (Дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

정부 최초로 북극권 정책기조 정립할 '기본계획' 나왔다+ 북극정책기본계획 [Правительство впервые издало «базовый план», определяющий основу политики в арктическом регионе + Базовый план политики Республики Корея в арктическом регионе // 정책포털 대한민국 정책브리핑 [Политический портал Республики Корея Политический брифинг]. 10.12.2013. URL: <https://www.korea.kr/briefing/pressReleaseView.do?newsId=155932600> (дата обращения: 08.04.2023) (На кор.).

서현교. 흥미진진 북극전략 [Со Хёнгё. Интересная арктическая стратегия] // 서울: 지식노마드 [Сеул: Кочевник знаний]. 2021. С. 202. (На кор.).

서현교. 한국의 북극정책 과제 우선순위에 대한 평가와 분석 [Со Хёнгё. Оценка и анализ порядка приоритетности задач политики Республики Корея в Арктике] // 한국.시베리아연구. 대전: 배재대학교 한국-시베리아센터 [Korean and Siberian studies. Daejeon: Korean-Siberian Center of Pai Chai University]. 2019. № 1. С. 43—70. (На кор.).

Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112—144. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112

Ким Мин Су, Марченков М.Л. Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к ее практической реализации // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 69—81. DOI 10.17238/issn2221-2698.2019.37.69

Рыжова А.В. Национальные интересы Республики Корея в Арктике // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 167—186.

Со Хён Гё, Пак Чжон Кван, Чистов И.И. Цели и задачи государственной политики Республики Корея в Арктике (эволюция и перспективные направления) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 8. С. 90—96.

Черкашин П. Планы Республики Корея в отношении Арктики и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в этом регионе // Российский совет по международным делам, 22.09.2014. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/_1433 (дата обращения: 08.04.2023).

Эпштейн В.А., Тахаева А.Р. Арктическая политика Южной Кореи // Общество, политика, экономика, право. 2018. № 7(60). С. 23—28.

References

북극활동 진흥 기본계획 (2018—2022) (Bukkikhwaldong jinheung gibeon gehwek (2018—2022)). [Policy Framework for the Promotion of Arctic Activities of the Republic of Korea 2018—2022]. URL: <https://www.koreapolarportal.or.kr/poli/arcticDevPolicy.do> (accessed: 8 April, 2023) (In Korean).

Cherkashin P. (2014). Plani respublikimkoreyi v arktike I perspektivi rossiysko-yuzhnokoreyskogo sotrudnichestwa v etom regione [The Republic of Korea's Arctic Plans and Prospects for the Russian-Korean cooperation in the Region], *Russian International Affairs Council*. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/_1433 (accessed: 8 April, 2023) (In Russian).

Epshteyn V.A., Tahayeva A.R. (2018). Arkticheskaya politika yuzhnoy koreyi [Arctic Interests of South Korea], *Obstvo, politika, ekonomika, pravo*. 2018, No 7(60): 23—28. (In Russian).

기여와 신뢰를 기반으로 미래 북극 시대를 선도한다. 해수부, 미래 북극 활동 비전 담은 “2050 북극활동 전략” 발표 + 2050 “북극활동 전략” 주여 내용 (Giyowa silveril gibaniro mirae bukkik sidaeril sondohanda. Haesubu, mirae bukkik hwaldong pigeon da,eun “2050 bukkikhwaldong jeollyak” balpyo + 2050 bukkikhwaldong jeollyak juyo naeyong). [Leading the future Arctic era based on contribution and trust: Ministry of oceans and fisheries proclaims “The 2050 Arctic activity strategy” containing the vision for the future Arctic activity + Main points of «The 2050 Arctic activity strategy»]. 정책포털 대한민국 정책브리핑 [Korea Policy Portal Policy Briefing]. URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=156483488> (accessed: 8 April, 2023) (In Korean).

서현교. 흥미진진 북극전략 : (Se Hyunkyo. Heungmijinjin bukgeukjeonryak). [Seo Hyun Gyo. Interesting Arctic Strategy], 서울: 지식노마드 [Seoul: Jisik Nomadeu]. 2021: 202. (In Korean).

제1차 극지활동진흥기본계획 (2023~2027) (Je1cha gukjihwaldongjinheun gibeon gehwek (2023—2027)). [The 1st Policy Framework for the Promotion of Polar Activities of the Republic of Korea (2023—2027)]. Korean polar portal service URL: <https://www.koreapolarportal.or.kr/poli/basicPlan.do?jsessioid=B3A9EE695E418B6220F7C0D57EDDDF3A> (accessed: 8 April, 2023) (In Korean).

정부 최초로 북극권 정책기조 정립할 '기본계획' 나왔다+ 북극정책기본계획 (Jeongbu jwechoro bukkikkwon jeongchaekgijo jeonninphal 'gibongehwek nawatte + Bukkikjeonchaekgibongehwek). [For the first time the government proclaimed the ‘master plan’ defining the base of the Arctic region policy + The master plan of the ROK’s policy in the Arctic region]. 정책포털 대한민국 정책브리핑 [Korea Policy Portal Policy Briefing]. URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=155932600> (accessed: 8 April, 2023) (In Korean).

극지 활동의 폭을 넓히는 힘찬 도약을 시작한다. 극지활동 진흥법」 10월 14일부터 시행 (Kikji hwaldongphogil nolphinin himchan doayagil shijakhanda. Kikji hwaldong jinheungbob 10wol 14ilbutho shihaeng). [New challenge for widening scope of polar activities starts. Polar Activities Promotion Act comes into force since October 14th 2021]. 정책포털 대한민국 정책브리핑 [Korea Policy Portal Policy Briefing]. URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156475027> (accessed: 8 April, 2023) (In Korean).

극지활동 진흥법 (Kikji hwaldong jinheungbob). [Polar Activities Promotion Act], *The Korean Law Information Center*. URL: <https://law.go.kr/lsc.do?section=&menuId=1&subMenuId=15&tabMenuId=81&eventGubun=060101&query=%EA%B7%B9%EC%A7%80%ED%99%9C%EB%8F%99+%EC%A7%84%ED%9D%A5%EB%B2%95#undefined> (accessed: 8 April, 2023) (In Korean).

김석환, 나희승, 박영민. 한국의 북극 거버넌스 구축 및 참여 전략: (Kim Sekhwan, Na Huysung, Pak Yengmin. Hankwukuy pwukkung kepenensu kwuchwung min chamyee cellyak:). [Changes in the Arctic and Establishment of New Arctic Governance], *Sejong: KIEP*. 2014: 172. (In Korean).

Kim M. S., Marchenkov M.L. (2019). Respublika Korea v Arkticheskom regione: ot teoreticheskogo oformleniya politiki k yeyo prakticheskoy realizacii [The Republic of Korea and the Arctic region: from policy formulating to policy making], *Arktika i Sever*, № 37: 69—81. DOI:10.17238/issn2221-2698.2019.37.69. (In Russian).

Rizhova A.V (2019). Nazionalniye ineteri Respubliki koreya v arktike [The Republic of Korea's National Interests in Arctic region], *Problemi Nazionalnoy Strategii*, № 5 (56): 167—186. (In Russian).

서현교. 한국의 북극정책 과제 우선순위에 대한 평가와 분석 (Se Hyenkyo. Hankwukuy pwukkucengchayk kwacey wusenswunwiew tayhan phyengkawa pwunsek). [Se Hyenkyo. Research on Setting the Priority on the Polar Challenges], Daejeon: Korean-Siberian Center of Pai Chai University. 2019. № 1: 43—70. (In Korean).

Seo, H.-K., Park J.-K., Chistov I.I. (2021). Zeli I zadachi gosudarstvennoy politiki Respubliki koreyi v arktike (Evolyutziya I perspektivniye napravleniya [Goals and Policies of the State Policy of the Republic of Korea in the Arctic (Evolution and promising directions)], *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodniye otmosheniya*, V. 65, № 8: 90—96. (In Russian).

김정훈, 백영준. 한국과 일본의 북극 연구 경향 및 전략 비교 (Kim Cenghwun, Payk Yengcwun. Hankwukkwa ilponuy pwukkuk yenkwu kyenghyang mich cenlyak pikyo). [Kim Cenghwun, Payk Yengcwun. The comparison of Korean and Japanese Arctic research tendencies and strategies], Korean-Siberian Center of Pai Chai University, 2017. Vol. 21, No. 2: 111—146. (In Korean).

Zhuravel V.P. (2016). Kitaj, Respublika Korea, Yaponia v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost? [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security], *Arktika i Sever*, № 24: 112—144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112. (In Russian).

2050 극지비전 선언 (2050 gigji bijeon sseonon). [2050 Polar Vision Statement], *Ministry of Oceans and Fisheries*. URL: <http://www.koreapolarportal.or.kr/data/etc/vision2050.pdf> (accessed: 8 April, 2023). (In Korean).

Поступила в редакцию: 11.04.2023

Received: 11.04.2023

Принята к публикации: 12.06.2023

Accepted: 12.06.2023

Л.Е. Козлов

ИКТ и искусственный интеллект в региональной политике Республики Корея

Аннотация. В статье рассматривается роль и место информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта в региональной политике Республики Корея. В Комплексном национальном территориальном плане на 2020—2040 гг. часто упоминаются такие технологии, как «интернет вещей», искусственный интеллект, мобильные сети 5G и четвертая промышленная революция. Главные сферы использования смарт-технологий в территориальном развитии РК — это транспорт, логистика, жилищно-коммунальное хозяйство, общественная безопасность, здравоохранение, экологический мониторинг, преодоление последствий стихийных бедствий. Цифровизация управления территориальным развитием стала одним из главных ориентиров южнокорейской региональной политики. Тем не менее РК пока еще далека от того, чтобы преодолеть формировавшиеся десятилетиями региональные проблемы. Лишь приступив к изучению методов и результатов ее политики, можно выяснить, в какой мере ИКТ и ИИ способны воздействовать на развитие регионов.

Ключевые слова: Республика Корея, региональная политика, территориальное развитие, информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект, умный город.

Автор: Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра международных отношений, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет.

ORCID: 0000-0002-6372-5098. E-mail: kozlov.le@dvvfu.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Козлов Л.Е. ИКТ и искусственный интеллект в региональной политике Республики Корея // Корееведение. 2023. № 2 (3). С. 90—99.

DOI: 10.48647/ICCA.2022.97.38.017.

L.E. Kozlov

ICT and artificial intelligence in the regional policy of the Republic of Korea

Abstract. The article discusses the role and place of information and communication technologies and artificial intelligence in the regional policy of the Republic of Korea. The Comprehensive National Territorial Plan 2020—2040 often refers to technologies such as the Internet of Things, artificial intelligence, 5G mobile networks, and the Fourth Industrial Revolution. The main areas of using smart technologies in the territorial development of the RoK are transport, logistics, housing and communal services, criminal security, healthcare, environmental monitoring, and overcoming the consequences of natural disasters. The digitalization of territorial development management

has become one of the main guidelines of South Korean regional policy. However, the RoK is still far from overcoming the regional problems that have been formed for decades. If we start to study the methods and results of its policies, it will help to find out to what extent ICT and AI can influence the development of regions.

Keywords: Republic of Korea, regional policy, territorial development, information and communication technologies, artificial intelligence, smart city.

Author: Leonid E. Kozlov, PhD (Politics), Associate Professor, Department of International Relations, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. ORCID: 0000-0002-6372-5098.
E-mail: kozlov.le@dvf.u.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kozlov L.E. (2023). ИКТ и искусственный интеллект в региональной политике Республики Корея [ICT and artificial intelligence in the regional policy of the Republic of Korea]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 2 (3): 90—99. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2022.97.38.017.

В Республике Корея (РК) территориальное развитие считается одной из важнейших государственных задач, несмотря на небольшую площадь страны (100 210 км²). Основные проблемы региональной политики РК — это межрегиональные экономические диспаритеты, сверхконцентрация населения в столичном регионе, старение населения, износ зданий и промышленной инфраструктуры на периферии.

Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта (MOLIT) играет главную роль в выработке и реализации региональной политики РК. Помимо него, Президентский совет по региональному развитию и Корейская земельная и жилищная корпорация (LH) являются значимыми политическими акторами этого процесса. Комплексный национальный территориальный план (СНТР) является обязательным элементом государственной стратегии РК начиная с 1972 г. До 2020 г. было составлено и исполнено четыре таких плана. В настоящее время действует пятый СНТР на 2020—2040 гг. Среди множества законов, регулирующих вопросы территориального развития РК, главным является рамочный закон «О национальной территории» (국토기본법) 2003 г., согласно которому провинции и города центрального подчинения обязаны разрабатывать собственные программы развития и предоставлять их на утверждение в MOLIT. Южнокорейская бюрократия похожа на российскую в своем стремлении охватить планами все значимые государственные процессы как на центральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Поэтому множество других планов в РК так или иначе увязаны с СНТР.

Одновременно страна находится на передовых позициях в мире в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и искусственного интеллекта (ИИ) и является одним из ключевых мировых производителей полупроводников и других электронных компонентов. Главную роль в выработке и реализации соответствующей государственной политики играет Министерство науки и ИКТ. Другим значимым субъектом является созданный в 2017 г. Коми-

тет по четвертой промышленной революции при президенте РК — межведомственный координирующий орган, который состоит из трех подкомитетов: по большим данным, по «умным городам» и по электронному здравоохранению. В комитет входят 13 членов от правительства, в том числе несколько министров, и ещё 19 — от академической и деловой среды. Кроме того, в данной сфере работают такие госорганы, как Корейское агентство по развитию интеллектуального информационного общества и Корейское агентство интернета и безопасности. Ключевые законы в сфере ИКТ и ИИ — это рамочный закон «О национальной информатизации» (국가정보화 기본법) 1995 г. и закон «О содействии разработке и распространению умных роботов» (지능형로봇개발및보급촉진법) 2008 г. Национальная стратегия искусственного интеллекта до 2030 г., принятая в период президентства Мун Чжэ Ина почти одновременно с пятым CNTP, предполагает, что страна станет мощным мировым центром ИИ и займет третье место в мире по цифровой конкурентоспособности [National Strategy for Artificial Intelligence].

Региональная политика РК очень тесно переплетается с политикой в сфере ИКТ и ИИ, что придает ей выраженную специфику в отличие от региональной политики более крупных по территории государств, например, России, где во главу угла поставлена геополитика, внутривластный контроль и расширение экспортных маршрутов. Анализ подобного симбиоза государственной политики в сферах территориального развития и информатизации проводится в предлагаемой статье.

Вопросы ИКТ и ИИ в Комплексном национальном территориальном плане

В пятом CNTP многократно повторяется тезис о наступлении четвертой промышленной революции, описываемой основателем и руководителем Всемирного экономического форума в Давосе Клаусом Швабом. Данная революция, подразумевающая широкое внедрение в производство новых технологий связи, электронных датчиков и компьютерных программ предположительно радикально изменит отраслевую структуру мировой экономики, структуру занятости и трудовые отношения. Авторам плана это видится, скорее, как возможность решить ряд острых проблем развития РК, например сохранения и повышения конкурентоспособности в мировой экономике, старения и сокращения численности населения, транспортных заторов в больших городах, дефицита природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, усиления стихийных бедствий вследствие изменения климата, старения инфраструктуры и т. п.

Заявления о необходимости внедрения в различные сферы общественной жизни «интернета вещей» (IoT), искусственного интеллекта, мобильных сетей 5G и тому подобных технологий многократно встречаются в тексте пятого CNTP, но наиболее предметно об этом говорится в гл. 5, ч. 3 «Эффективное функционирование инфраструктуры и интеллектуализация национальной территории» (인프라의 효율적 운영과 국토 지능화) [제5차 국토종합계획, с. 127—153]. По большей части внедрение смарт-технологий излагается в пятом CNTP примени-

тельно к транспорту. Говорится о соответствующей модернизации и оптимизации транспортной инфраструктуры, в том числе об информатизации старых магистралей, о развитии новых видов транспорта типа беспилотных автомобилей, дронов и гиперпетель (Hyperloop), о стремлении к нулевому уровню смертности в дорожно-транспортных происшествиях (например, через создание настраиваемой среды безопасности для детей и пожилых пешеходов), об инклюзивных решениях типа «маршрутное такси по звонку» и комплексных билетных программах для пользователей общественного транспорта.

Не знакомым с технической стороной вопроса читателям следует пояснить, что речь в этом случае идет о насыщении инфраструктуры различными датчиками и о написании программ, которые будут данные с этих датчиков интерпретировать и на их основе предлагать наиболее эффективные алгоритмы использования дорожной сети. Таким образом, предлагается вывести на новый уровень работу общественного транспорта и в целом усилить транспортную связанность территории страны, принципиально ускорить передвижение между населенными пунктами, оптимизировать работу морских портов и аэропортов, увеличить использование экологически чистых электромобилей и автомобилей на водороде и т. п. Аналогичным образом должны функционировать цифровые технологии в сфере ЖКХ, энергетики, водопользования, защиты окружающей среды (здесь разработчиков плана особенно беспокоит проблема мелкодисперсной пыли).

Также интеллектуализация территории подразумевает активное внедрение роботов, например для доставки каких-то товаров и выполнения работ в опасных условиях. Роботы должны помогать решать проблему стареющего населения, обслуживая лиц с ограниченной дееспособностью. Кроме того, подразумевается снабжение престарелых различными смарт-устройствами, которые будут постоянно контролировать состояние их здоровья и автоматически передавать данные в медицинские службы.

Кроме транспорта, в гл. 5 подробно говорится об «умных городах» (Smart City = 스마트시티) как о драйверах территориального развития РК, этот аспект будет подробно рассмотрен ниже. И еще одна важная тема — создание комплексной базы данных и информационной платформы о национальном землеустройстве, объектах недвижимости, дорожном движении, в том числе от систем видеонаблюдения, откуда общество, государство и бизнес будут получать необходимые для себя сведения. Эта платформа должна достигнуть уровня цифрового двойника территории, который постоянно актуализируется и связывается с государственными и частными информационными системами. Понятно, что такая платформа будет подвержена риску хакерских атак, поэтому далее обсуждается необходимость защиты информации о землеустройстве и землепользовании путем внедрения технологии блокчейна и анонимизации личной информации [제5차 국토종합계획, с. 152—153]. На практике ее создание оказалось делом нелегким, и ее запуск под названием «Национальная интегрированная платформа информации о землепользовании» (KLIP) анонсирован только на 2023 г. На этой платформе объединяются и синхронизируются данные четырех прежних систем: Информационная система городского планирования (UPIS), Информационная система регулирования землепользования (LURIS), Интеллектуальная

система управления недвижимостью Кореи (KRAS), Информационная система основных обследований [One Stop Service...].

В РК наблюдается и обратный процесс пространственного развертывания государственного планирования в сфере ИКТ и ИИ. Так, Комитет по четвертой промышленной революции в 2021 г. опубликовал Основные направления продвижения искусственного интеллекта в регионах, подготовленные при участии центральных министерств и 17 региональных и муниципальных администраций. В документе отмечается концентрация ИИ в столичной агломерации: количество компаний, работающих в этой сфере, составляет 84 % от общегосударственного показателя, продаж соответствующих товаров и услуг — 84 %, исследований и разработок — 59 %. Главным объектом регионального продвижения планируется кластер ИИ в г. Кванджу в регионе Хонам, имеющем репутацию отстающего и оппозиционного центра, с целью подтянуть его до среднего уровня. Подчеркивается необходимость распространения ИИ в работе муниципальных органов. Описывается специализация каждого участвующего региона на тех или иных проектах ИИ [지역경제 제도약과...].

«Умные города» как драйверы территориального развития

Большое внимание Южная Корея уделяет внедрению ИКТ и ИИ в управление городским хозяйством. Начало этому положила инициатива U-City (Ubiquitous City, от ubiquitous computing — сплошная компьютеризация) четырех муниципалитетов в 2003 г., еще до того как «умные города» стали мейнстримом в урбанистике. В 2008 г. парламент РК принял закон «О строительстве города сплошной компьютеризации» (유비쿼터스도시의 건설 등에 관한 법률), и многие муниципалитеты официально запустили у себя проекты U-City и стали активно создавать инфраструктуру ИКТ в сотрудничестве с телекоммуникационными компаниями и центральным правительством. В этот период основное внимание уделялось внедрению цифровых технологий в сферах транспорта, общественной безопасности, предотвращения стихийных бедствий, экологического мониторинга. Например, в рамках U-City было значительно сокращено время реагирования на чрезвычайные происшествия за счет создания системы связи между полицейскими участками, больницами и транспортными службами в разных муниципалитетах [Lim, Edelenbos, Gianoli, 2023, p. 189—190].

В 2014—2018 гг. отдельные цифровизированные услуги «умных городов», разбросанные по разным административным органам, стали соединяться в рамках единой структуры. Вначале эти структуры назывались «комплексными центрами управления U-City», затем — «центрами “умного города”». Они были нацелены на предоставление горожанам услуг в таких сферах, как транспорт, общественная безопасность и наблюдение, универсальные административные услуги, здравоохранение, социальное обеспечение и образование. Правда, из-за дефицита финансирования создание и расширение некоторых центров было остановлено или отложено [Lim, Edelenbos, Gianoli, 2023, p. 189—190]. В целом инициатива U-City/Smart City была похожа на многофункциональные центры (сейчас цен-

тры «Мои документы») в современной России. Она стала рассматриваться как общий образец, к которому должны стремиться все южнокорейские муниципалитеты. В 2017 г. был принят новый закон «О создании смарт-городов и развитии промышленности» (스마트도시 조성 및 산업진흥 등에 관한 법률), который сформировал правовую основу цифровой трансформации муниципального управления на современном этапе.

В 2019 г. правительство РК представило новое видение «умных городов», в которых — в соответствии с современными представлениями урбанистики — общество принимает участие в выработке муниципальной политики посредством сообщения о проблемах и предложения новых идей по совершенствованию городского хозяйства. Обратная связь от общества поступает, в частности, в формате так называемых живых лабораторий (living labs), предусматривающих активное взаимодействие горожан, исследовательских институтов, бизнеса и органов власти [제5차 국토종합계획, с. 151]. Для отработки нового подхода были запущены два национальных пилотных проекта в городах Седжон и Пусан. Правда, они охватывают далеко не всю территорию этих муниципалитетов: в Седжоне это квартал Sejong 5-1 Neighborhood площадью 2,7 км² и с планируемым населением 22,5 тыс. человек, в Пусане — Busan Eco Delta City, соответственно 2,2 км² и 8,5 тыс. человек [Korea's Smart City, p. 16—19].

В «живой лаборатории» в Пусане отрабатывается концепция будущего прибрежного города. Его основные аспекты — это управление водными ресурсами, робототехника, обучающие игры, интеллектуальное управление городским хозяйством, «умное водопользование», стремящееся к нулю энергопотребление, «умное образование» и жизнь, здоровье, мобильность, «умная безопасность» и «умные парки» [Park, Kim, Jun, Jung, 2019, p. 29]. В ходе пусанского проекта 54 семьи добровольцев заселились в пилотный квартал, где дома максимально оборудованы датчиками и программным управлением, и вызвались делиться данными обо всех своих ежедневных действиях, чтобы помочь разработчикам проекта построить идеальный город будущего [Belcher, 2022]. Помимо ИКТ, искусственного интеллекта и роботов, в Пусане тестируется применение в муниципальном управлении технологии дополненной реальности [Ming, 2022]. Проект в Седжоне представляет собой город, управляемый при помощи искусственного интеллекта. Его основные аспекты — это забота о здоровье и мобильности, образование, окружающая среда, управление, культура, шопинг, рабочие места [Park, Kim, Jun, Jung, 2019, p. 29].

MOLIT поддерживает информационную систему, где обобщается южнокорейский опыт «умных городов» (smartcity.go.kr). Также центральное правительство РК профинансировало научно-исследовательский проект по созданию системы управления городским хозяйством на основе больших данных и искусственного интеллекта (Smart City Data Hub), в настоящее время эта платформа проходит обкатку в муниципалитетах [Korea's Smart City, p. 21].

Лидерами среди «умных городов» MOLIT в своей информационной брошюре называет Сеул, Инчхон, Пусан, Тэджон. Также в рамках конкурса Smart City Challenge центральное правительство РК предоставляет муниципалитетам гранты на разработку и реализацию решений городских проблем на основе

смарт-технологий. Здесь приводятся в пример Инчхон, Пучхон, Чхунчхон, Каннин, Пхохан, Тэгу, Пусан, Чеджу, Тэджон, пров. Северный Чхунчхон [Korea's Smart City, p. 4—7, 20]. В CNTP в данной связи также упоминается ряд городов. В целом идея цифровых технологий в муниципальном управлении настолько захватила южнокорейское общество, что в пятом CNTP говорится о распространении в перспективе этого подхода на все без исключения типы населенных пунктов, в том числе о проекте «умной деревни» (Smart Village = 스마트 빌리지) [제5차 국토종합계획, с. 151].

Существенную часть гл. 5 пятого CNTP занимает изложение экспортного потенциала южнокорейских технологий «умного города» [제5차 국토종합계획, с. 166]. РК настолько уверенно чувствует себя в этой сфере, что не только обеспечивает развитие собственной территории, но и активно предлагает развивающимся странам соответствующие решения, такие как интегрированная система оплаты проезда в общественном транспорте, общественный транспорт по запросу, программа совместного использования велосипедов, «умная электросеть», «умное водоснабжение», «умная система управления отходами», корейская информационная платформа по землепользованию, интегрированная платформа «умного города» [Korea's Smart City, p. 8—13; 제5차 국토종합계획, с. 166].

Более подробно этот вопрос изложен в Плане мероприятий по активизации зарубежной экспансии корейских умных городов, опубликованном MOLIT в 2019 г. [스마트시티해외진출 활성화 방안]. Отметим, что РК создала мощную институциональную систему поддержки подобного экспорта:

- фонд PIS (PIS펀드 = Plant, Infrastructure and Smart City = завод, инфраструктура и умный город) для поддержки соответствующих зарубежных проектов корейских компаний;
- корпорация KIND (한국해외인프라도시개발지원공사 = Корейская корпорация поддержки развития городской инфраструктуры за рубежом);
- центры инфраструктурной кооперации в Бангладеш, Кении, Вьетнаме, Индонезии, подведомственные KIND, и такие же два центра в ОАЭ и Перу, управляемые Корейской ассоциацией строительных подрядчиков за рубежом (해외건설협회), а также управляемые совместно KIND и агентством КОТРА центры кооперации «умных городов» в Таиланде, Вьетнаме, Индонезии, Турции и Саудовской Аравии.

Южнокорейские проекты «умного города» уже реализуются в Бразилии, Кувейте, Ираке, Малайзии, Колумбии, Греции. Интегрированная платформа управления «умным городом» экспортируется в 23 страны, включая Китай, а технология «умных мусорных баков» — в 42 страны, включая США. Подобные планы южнокорейская сторона имела и в отношении России; например, в конце 2020 г. корпорация LH подписала с российской госкомпанией ДОМ.РФ меморандум по проекту комплексного развития территории на о. Русский во Владивостоке, предусматривавший строительство на 345 га недалеко от Дальневосточного федерального университета 1,3 млн кв. м недвижимости, включая жилье, коммерческие объекты и социальную инфраструктуру [Акиньшина, Филатов, 2020]. Вероятно, текущее обострение международной обстановки и отнесение

РК к числу недружественных России стран надолго, если не навсегда, остановит реализацию этого проекта.

Ежегодно MOLIT проводит Всемирную выставку умных городов (World Smart City Expo), а также Конференцию по глобальному инфраструктурному сотрудничеству (Global Infrastructure Cooperation Conference) и различные двусторонние мероприятия, поддерживает южнокорейское участие в соответствующей конгрессно-выставочной деятельности за рубежом. Стоит ожидать, что в этом сегменте в XXI в. РК, скорее всего, будет одним из главных мировых игроков, а хорошие экспортные позиции обычно обеспечивают высокое качество работы отрасли внутри страны.

Заключение

Высокий уровень информатизации и производства полупроводников и других электронных компонентов в РК очевидным образом побуждает национальное правительство планировать социально-экономическое развитие страны с опорой на такие технологии, как связь 5G, «интернет вещей», искусственный интеллект, дополненная реальность и т. п. В мировой практике государственного регулирования территориального развития столь сильный акцент на ИКТ и ИИ не является типичным. По сути, управление развитием национальной территории, опирающееся на цифровые технологии, стало идеальным (возможно, даже идеализированным) ориентиром южнокорейской региональной политики. Поэтому дальнейшее изучение южнокорейского опыта представляется весьма интересным и полезным для многих стран, активно проводящих региональную политику, в особенности для России. Тем не менее РК пока еще далека от того, чтобы преодолеть формировавшиеся десятилетиями региональные проблемы, и анализ методов и результатов ее региональной политики определенно поможет выяснить, в какой мере ИКТ и ИИ способны воздействовать на развитие такого чрезвычайно инерционного объекта, как регион.

Библиографический список

Акиньшина Ю., Филатов А. Южнокорейская LH Corporation планирует застроить остров Русский // *Ведомости*. 23.11.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2020/11/23/847991-yuzhnokoreiskaya-lh> (дата обращения: 30.04.2023).

Belcher, David. A New City, Built Upon Data, Takes Shape in South Korea // *New York Times*. New York, 28.03.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/28/technology/eco-delta-smart-village-busan-south-korea.html> (дата обращения: 30.04.2023).

Korea's Smart City / Ministry of Land, Infrastructure, and Transport. Sejong, 2023. 34 p. URL: <https://smartcity.go.kr/wp-content/uploads/2022/09/2023-Smart-city-brochure.pdf> (дата обращения: 30.04.2023).

Lim, Yirang; Edelenbos, Jurian; Gianoli, Alberto. Dynamics in the governance of smart cities: insights from South Korean smart cities // *International Journal of Urban Sciences*. 2023. Vol. 27, No. 1. Pp. 183–205. DOI: 10.1080/12265934.2022.2063158.

Ming, En Liew. This Korean smart city is a testing ground for robots, AR, and AI // *GovInsider*. Singapore, 29.03.2022. URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/this-korean-smart-city-is-a-testing-ground-for-robots-ar-and-ai-hwang-jong-sung-busan/> (дата обращения: 30.04.2023).

National Strategy for Artificial Intelligence // Ministry of Science and ICT. Sejong, 23.03.2020. URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=10&mPid=9&pageIndex=&bbsSeqNo=46&nttSeqNo=9&searchOpt=ALL&searchTxt=> (дата обращения: 30.04.2023).

One Stop Service for Korea Land Use Information // Ministry of Land, Infrastructure and Transport. Sejong, 19.12.2022. URL: https://www.molit.go.kr/english/USR/BORD0201/m_28286/DTL.jsp?id=eng_mltm_new&mode=view&idx=3090 (дата обращения: 30.04.2023).

Park, Jiyong; Kim, Sihyeon; Jun, Sunmin; Jung, Juchul. Are Smart Cities Growing Smartly and Sustainably?: Smart and Sustainable Growth Evaluation of Each Plan of Two Smart Cities in South Korea // *Journal of Environmental Policy and Administration*. 2019. Vol. 27, No. 12. Pp. 17—49. DOI: 10.15301/jepa.2019.27.S.17.

(스마트시티 해외진출 활성화 방안) 발표. [Презентация «Плана мероприятий по активизации зарубежной экспансии корейских умных городов»] // Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта. Седжон, 08.07.2019. URL: http://www.molit.go.kr/USR/NEWS/m_71/dtl.jsp?lcmepage=1&id=95082517 (дата обращения: 30.04.2023) (На кор.).

제5차 국토종합계획 (2020~2040) [Пятый Комплексный национальный территориальный план] (2020—2040) // Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры и транспорта. Седжон, 2019. 266 с. URL: https://www.molit.go.kr/USR/policyData/m_34681/dtl.jsp?id=4453 (дата обращения: 30.04.2023) (На кор.).

지역경제 제도약과 디지털 대전환 가속화를 위한) 인공지능 지역확산 추진방향(안) [Во имя ускорения региональной экономической перестройки и цифровой] трансформации. Основные направления продвижения искусственного интеллекта в регионах (проект) // Policy information point. 28.10.2021. URL: https://policy.nl.go.kr/search/searchDetail.do?rec_key=SH2_PLC20210281251 (дата обращения: 30.04.2023) (На кор.).

References

Akin'shina YU., Filatov A. Yuzhnokoreyskaya LH Sorporation planiruyet zastroit' ostrov Russkiy [South Korean LH Corporation plans to build up Russky Island]. *Vedomosti*. 23.11.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2020/11/23/847991-yuzhnokoreiskaya-lh> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)

Belcher, David. A New City, Built Upon Data, Takes Shape in South Korea, *New York Times*. New York, 28.03.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/28/technology/eco-delta-smart-village-busan-south-korea.html> (accessed: 30.04.2023).

Korea's Smart City. Ministry of Land, Infrastructure, and Transport. Sejong, 2023. 34 p. URL: <https://smartcity.go.kr/wp-content/uploads/2022/09/2023-Smart-city-brochure.pdf> (accessed: 30.04.2023).

Lim, Yirang; Edelenbos, Jurian; Gianoli, Alberto (2023). Dynamics in the governance of smart cities: insights from South Korean smart cities, *International Journal of Urban Sciences*. Vol. 27, No. 1: 183—205. DOI: 10.1080/12265934.2022.2063158

Ming, En Liew. This Korean smart city is a testing ground for robots, AR, and AI, *GovInsider*. Singapore, 29.03.2022. URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/this-korean-smart-city-is-a-testing-ground-for-robots-ar-and-ai-hwang-jong-sung-busan/> (accessed: 30.04.2023).

National Strategy for Artificial Intelligence. Ministry of Science and ICT. Sejong, 23.03.2020. URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mId=10&mPid=9&pageIndex=&bbsSeqNo=46&nttSeqNo=9&searchOpt=ALL&searchTxt=> (accessed: 30.04.2023).

One Stop Service for Korea Land Use Information. Ministry of Land, Infrastructure and Transport. Sejong, 19.12.2022. URL: https://www.molit.go.kr/english/USR/BORD0201/m_28286/DTL.jsp?id=eng_mltm_new&mode=view&idx=3090 (accessed: 30.04.2023).

Park, Jiyong; Kim, Sihyeon; Jun, Sunmin; Jung, Juchul (2019). Are Smart Cities Growing Smartly and Sustainably?: Smart and Sustainable Growth Evaluation of Each Plan of Two Smart Cities in South Korea, *Journal of Environmental Policy and Administration*. 2019. Vol. 27, No. 12: 17–49. DOI: 10.15301/jepa.2019.27.S.17

제5차 국토종합계획 (2020~2040) (Je5cha gugtojonghabgyehoe). [5th Comprehensive National Territorial Plan] (2020~2040). Ministry of land, infrastructure and transport. Sejong, 2019. 266 p. URL: https://www.molit.go.kr/USR/policyData/m_34681/dtl.jsp?id=4453 (accessed: 30.04.2023) (In Korean).

지역경제 제도약과 디지털 대전환 가속화를 위한 인공지능 지역확산 추진방향(안) (Jiyeoggyeongie jaedoyaggwa dijiteol daejeonhwan gasoghwaleul wihan. Ingongjineung jiyeoghwagsan chujinbanghyang (an)). [To accelerate regional economic restructuring and digital transformation. The main directions for promoting AI in the regions (draft)]. Policy information point. 28.10.2021. URL: https://policy.nl.go.kr/search/searchDetail.do?rec_key=SH2_PL20210281251 (accessed: 30.04.2023) (In Korean).

(스마트시티 해외진출 활성화 방안) 발표 (Seumateusiti haeojejinchul hwalseonghwa bang-an) balpyo). [Announcement of «Smart City Overseas Expansion Plan»]. Ministry of land, infrastructure and transport. 08.07.2019. URL: http://www.molit.go.kr/USR/NEWS/m_71/dtl.jsp?lcmepage=1&id=95082517 (accessed: 30.04.2023) (In Korean).

Поступила в редакцию: 02.05.2023

Received: 02.05.2023

Принята к публикации: 15.05.2023

Accepted: 15.05.2023

СПИСОК АВТОРОВ

Ермолаева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой корееведения, Дальневосточный федеральный университет.

ORCID: 0000-0002-7928-2543.

E-mail: ermolaeva.em@dvfu.ru

Захарова Мария Сергеевна, специалист Научного отдела ИКСА РАН.

ORCID: 0009-0006-2699-7023.

E-mail: marria.dipacademy@gmail.com

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (адрес: 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10).

ORCID: 0000-0002-6372-5098.

E-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Лазарева Ольга Викторовна, кандидат культурологии, независимый исследователь.

ORCID: 0000-0001-9707-5057.

E-mail: ov_lazareva@mail.ru

Лешаков Павел Семенович, кандидат экономических наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Школы востоковедения НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-8282-9933.

E-mail: pleshakov@hse.ru

Малофеева Надежда, студентка Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

E-mail: nmalofeeva@edu.hse.ru

Калинин Роман Ренатович, аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, стажер ПИР-Центр.

ORCID: 0000-0001-8495-2196.

E-mail: kalininrr95@gmail.com

Кирьянов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, представитель Центра исследования рисков в Азии (ARRC), г. Сеул (Республика Корея).

ORCID: 0000-0003-0353-510X.

E-mail: oleg.kir2002@yandex.ru

LIST OF AUTHORS

Ermolaeva Ekaterina M. Ph.D. (History), Head of Korean Studies Department, Far Eastern Federal University.

ORCID: 0000-0002-7928-2543.

E-mail: ermolaeva.em@dvfu.ru

Kozlov Leonid E. Ph.D (Politics), Associate Professor at the Department of International Relations, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation).

ORCID: 0000-0002-6372-5098.

E-mail: kozlov.le@dvfu.ru

Lazareva Olga V. Ph.D. (cultural studies), independent researcher.

ORCID: 0000-0001-9707-5057.

E-mail: ov_lazareva@mail.ru

Leshakov Pavel S. Ph.D. (Economics), Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economics and World Politics, Higher School of Economics University.

ORCID: 0000-0002-8282-9933.

E-mail: pleshakov@hse.ru

Malofeyeva Nadezhda, student, School of Oriental Studies, Faculty of World Economics and World Politics, HSE University.

E-mail: nmalofeeva@edu.hse.ru

Kalinin Roman R. PhD student at the Department of World Politics, Lomonosov Moscow State University, intern, PIR-Center.

ORCID: 0000-0001-8495-2196.

E-mail: kalininrr95@gmail.com

Kiriyanov Oleg V. Ph.D (history), CEO of the The Asia Risk Research Center (ARRC), Seoul (ROK).

ORCID: 0000-0003-0353-510X.

E-mail: oleg.kir2002@yandex.ru

Zakharova Maria S. specialist of the Scientific Department of the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS.

ORCID: 0009-0006-2699-7023.

E-mail: marria.dipacademy@gmail.com

Научное издание

Корееведение
№ 2(3), 2023

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Технические редакторы:	Коновалова Анастасия Игоревна, Федюнина Марина Андреевна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич

Дата публикации электронной версии	Июнь 2023 г.
Подписано в печать	30.06.2023
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.
E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No. 2(3), 2023

Editor:	Ivanova N.
Technical editors:	Konovalova A., Fedyunina M.
Layout:	Tarasov S.

Date of issue:	June, 2023
Posted in Press	
Circulation	

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Science, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: cks@iccaras.ru